

Семь се- вятик

Поэтические заметки



И. Барс

И. Барс

Четыре сына. Рождение легенд

«Автор»

2017

Барс И.

Четыре сына. Рождение легенд / И. Барс — «Автор», 2017

ISBN 978-5-532-11398-5

Мир Эвы замер в предчувствии страшных событий, грозящих уничтожить не просто миллионы жизней, а целые цивилизации. Темные смогли преодолеть Великую границу и готовы пронестись всадниками смерти по материку. Однако, в противовес главному злу, в мир пришли защитники из давно забытого пророчества. Обычные дети, не подозревающие о своем предназначении и завоевывающие свое место под солнцем. Наделенные огромным магическим потенциалом и минимумом знаний, они попадают в игру судьбы, даже не подозревая, что одного из сынов необходимо убить, а другого возвеличить, собрать все части утерянного артефакта и восстать против Темных.

ISBN 978-5-532-11398-5

© Барс И., 2017

© Автор, 2017

И. Барс

Четыре сына. Рождение легенд

Пролог

«Уснет природа, поглощенная мраком. Встанут на колени все народы Эвы пред темным Владыкой. Он тот, кого боялись со времен начала. И будет знать он о тайнах многих, что хранят земли Материков и океанов. И смерть посеет, найдя оружие богов. Разделенная на части Сила вновь должна будет соединиться. Сломленную Власть, сокрытую в пяти концах, необходимо отыскать. Источник света скроет Свет. Исчезнут все Хранители. Не станет равновесия. Вновь омоется кровью земля и будет гореть и гнить, если не придут четыре Защитника. Четырехконечная звезда с вершинами на севере, востоке, западе и юге. Пятнадцать лет пройдет, разбитые на пять, рождая в цикле одного Защитника. Четыре Сына сильнейших из народов: Сын Темных, Сын Стихий, Сын Спящих и Сын Светлых. В тот миг на землю дождь обрушится из звезд – знамение, что был рожден последний из Миссий. Сильны четыре муржа будут, словно боги. И магии их равной не найти.

Отныне не забудьте, дети Армосантора, прийти на свет должна вся четырехконечная Звезда, но одному ее концу нельзя дать право жизни. Сын Спящих должен умереть. Опаснее Владыки станет он, как только перейдет границу детства. В нем Сила всего мира ткёт свое могущество. Он сможет Прошлое вернуть, Отцов своих поставит на колени, чем уничтожит Эву.

И в той беде обязаны объединиться другие три Миссии, дабы убить, пока всю мощь свою Сын Спящих не познал. Иначе призовет он своих Предков. И в ту секунду содрогнется мир. Устрашится сам Владыка. Падет ниц каждый пред сильнейшим из Сынов. Тогда лишь Светлый сын сумеет подарить надежду на спасение. Лишь он способен сверкающего мощью Спящего убить, и Спящий лишь ему позволит это сделать. Запомните, дети Армосантора, Сына Светлых храните, а потомка Спящих бойтесь, как самих Спящих.»

Сандрилон, Святая земля

1 в до новой эры

Белоснежные брови на молодом добром лице обреченно сошлись, как только последнее слово выцветшего пергамента было прочитано. В ярко-голубых глазах отразилась злость, смешанная с решимостью. Мальчик засунул свернутое пророчество в мешочек на поясе, откуда негромко раздался легкий стук ударившихся друг о друга лакированных деревяшек. Юный иллир шепнул одному ему ведомое слово, и колодец в центре круглой комнаты сверкнул синей вспышкой. Вдали, среди темных спин скал, утонувших в зеленом море деревьев, отчаянно крикнула птица и затихла. Светлый не услышал этого. Он стремительно прошел сквозь водную арку, покинув необычайной красоты зал, затем парящий замок, а после и город иллиров. Последнее, что сделал однорукий мальчик – запечатал золотые ворота, активировав ловушки для незваных гостей в бывшую обитель Светлых, и навсегда покинул Сандрилон.

Часть первая

Приход

Глава 1

Тень Спящих

Кемиз, Хасар

3023 год новой эры

Удивительная штука время. Оно способно разрушить всё – города, целые страны, жизни. И с этими жизнями стереть воспоминания...

Прошло более трех тысяч лет после кровавой войны на Эве. Вновь воздвигли стены и замки разрушенные королевства. Выжженные, опустошенные поля покрылись сочными травами и душистыми цветами, а люди больше не жили в постоянном страхе.

Хасар – величественный город! Главный «муравейник» юга. Обитель удивительных вещей и людей. Именно сюда стекались тысячи купцов, торговцев и простых обывателей, чтобы посетить самый большой в мире рынок.

Однако славился этот знаменитый город не только своими шумными площадями. Огромный потрясающей красоты белоснежный дворец – Дарсан со знаменитыми на весь мир висячими садами. Дарсан был пристанищем величайших скульптур и памятников самых талантливых творцов прошлого и настоящего. Десятки фонтанов освежали горячий хасарский воздух. А вдоль каменной дороги, от кованых врат до колонн замка, тянулись длинные бассейны хрустальной воды. Сверкающие золотом башни росли вокруг гигантского купола, видневшегося за много миль от него.

Это великолепие считалось одним из чудес света. Правила им династия Берханов. И, конечно, попасть туда было практически невозможно. Так что гостям Хасара оставалось лишь издалека любоваться сказочным дворцом и щедро сорить деньгами на главном рынке мира.

– Пробуй, пробуй. Таких яблок ты на всем Материке не найдешь! – словно распевая, приговаривал такую популярную фразу на этом рынке жилистый мужичок в плохо скрученном тюрбане.

– И вправду хороши твои яблоки, но встречал я и лучше на Материке, – ухмыльнулся покупатель.

Сняв с плеча небольшой походный мешок и кинув его продавцу, он добавил:

– Наложика мне полный тулук да цену скажи.

– Обижаешь, господин! Яблоки из самого Чалмира прибыли. Вкусней и слаще их нет. Но тебе почти задаром отдам, всего за...

Споро закладывая спелые фрукты в мешок, торговец быстрым цепким взглядом окинул своего покупателя, оценивая, сколько можно с него содрать. Черный длинный плащ с капюшоном прикрывал простую, но добротную рубашку цвета кунжута и коричневые замшевые штаны с позолоченными заклепками по бокам. Кожаные сапоги также не отличались особой роскошью, но даже самый неискушенный мог безошибочно определить качество материала (было даже похоже на работу грагелей!). Из общей картины выбивался лишь широкий пояс с увесистой бляхой из чистого золота в виде необычной змеи, голова которой походила на голову дракона, проглатывающего свой собственный хвост, образуя круг. Глаза змеи сверкали сапфирами, очень похожими на цвет глаз своего хозяина. Мужчина, несомненно, был магом. Уж кто-кто, а маги бедными не бывали.

– Двадцать пять диалов!

Маг расхохотался так, что его кудрявая с проседью борода начала подпрыгивать.

– За двадцать пять я тебя куплю, а яблоки твои и десяти не стоят.

– Помилуй Оркус, какие десять, милый господин!? – возмущенно встрепенулся продавец фруктов, набивая цену.

Вообще-то мешок яблок и пяти бронзовых монет не стоил, но не было в Хасаре такого торговца, что не пробовал всучить дармовые вещи хотя бы за монетку.

– За двадцать могу отдать. Не меньше!

– Такие же яблоки у меня. За восемь отдам, – послышался за спиной мага голос слаще тростниковой патоки.

Обернувшись, он увидел приземистого толстого человека с узкими поросычьими глазками и угодливой улыбкой.

– Мой прилавок через дорогу, добрый господин. Пошли, восемь диалов, и полный мешок яблок твой.

– Махтиш, будь ты неладен, чего тебя опять принесло!? Убирайся к своим гнилым каз-мекам, выкидывай Бездны, и не переманивай моих покупателей! – на дарском языке, родном для всех хасарцев, огрызнулся торговец, а затем, снова перейдя на общепризнанный геллийский, с улыбкой обратился к магу: – Плохой товар у него, господин, порченный. Хуже в Хасаре не сыскать! Вижу, издалека ты прибыл и добрый человек такой, за семь отдам. Ничего для тебя не жалко.

Как бы ставя точку в торге, он протянул руку с полным мешком яблок своему покупателю. Маг достал из-под плаща странный кошель, который, как показалось торговцу, грозно рыкнул, когда хозяин засунул туда руку, и, отсчитав семь бронзовых монеток, протянул их через прилавок, высыпая в загорелую протянутую ладонь. Продавец поклонился, пожелал удачных покупок доброму господину и вновь с руганью на дарском накинудся на любопытного Махтиша, пытающегося вытянуть свою короткую жирную шею, в попытке разглядеть рычащий кошель необычного покупателя. Услышав оскорбления в свой адрес, Махтиш тут же начал кричать в ответ визгливым голосом. Маг не понимал этого языка, поэтому поспешил покинуть двух склочных мужиков.

Медленно двигаясь сквозь снующую в разные стороны разношерстную толпу, он с любопытством рассматривал товары. Те, что заинтересовывали его своей необычностью, маг внимательно рассматривал, задавая вопросы их владельцам, словно собирался купить. К разочарованию последних, мужчина разворачивался и шел дальше, всё так же не спеша проходя мимо очередных прилавков и палаток, пока его не окликнул голос:

– Кейй, вот ты где!

Маг обернулся на окрик, прозвучавший на ставшем уже родном квихельском языке, известном лишь единицам. К нему, проталкиваясь через толпу, спешил крепкий высокий мужчина лет сорока пяти, в таком же черном плаще, как и он. Отличие между ними было в том, что под этим самым плащом мужчина вооружен с головы до пят.

– А ты никак потерял меня, Гожо? – без интереса спросил Кейй, дождавшись своего спутника и двинувшись с ним дальше вдоль рядов.

– Да-да! Обвиняй меня, давай! В этом кардашевом котле за собой-то сложно уследить, а тут еще ты да... – зло забурчал Гожо, но резко остановился. – А где Селир?

– Не знаю. Сбежал, пока я покупал подарок жене. Пытается пробраться во дворец, наверное.

Темно-карие глаза Гожо приняли форму круглых монет, а рука инстинктивно начала поглаживать рыжеватую курчавую бороду, доходившую до шнуровки плаща.

– Вот вы странные какие-то, маги, – наконец вздохнул квихельм, вновь начав движение. – У тебя сын родной в чужом городе шарается, а ты и в ус не дуешь.

– Повторяю, скорее всего, он пытается попасть во дворец Берханов, – с ленцой пояснил Кейй, но заметив удивленно-возмущенный взгляд квихельма, со вздохом добавил: – Селир – маг, Гожо. Уж от пары тройки ярмал ему хватит ума отбиться.

– Ему восемь лет всего!

– Значит, получит по заслугам, и это будет ему хорошим уроком. Нас не так уж и много, так что убивать его точно никто не станет.

– Вот и берись после такого магов сопровождать... – раздраженно пробурчал себе под нос Гожо.

Какое-то время они шли молча в этом суетливом шуме, наслаждаясь общей атмосферой приподнятого настроения. Маг и квихельм достигли центральной площади, где развернулось зрелищное представление известных во всем мире кемизских акробатов. Хотя в Квихле Кейй и видел намного более опасные трюки, он всё равно с интересом наблюдал за совершенством, грацией и силой тренированных тел, пока не вспомнил про важное дело, которое, собственно, и привело их в Хасар.

– Ты нашел мальчишку? – как бы между прочим обронил маг.

– Нет. Тяжело найти того, о ком не имеешь ни малейшего представления, – также без особого выражения ответил Гожо, с удовольствием следя за двумя хорошенькими танцующими девушками в колокольчиках, вокруг которых десять поджарых обнаженных по пояс мужчин раздували огонь факелов.

– Согласен. Но найти нам его всё же надо.

– А эта старая жаба не могла получше его рассмотреть? Нужно давать больше информации, прежде чем такой шум поднимать и говорить, что этот паренек обязательно должен стать квихельмом и принести нам утраченную славу.

Очевидное неодобрение сквозило в каждом слове Гожо, яро осуждающего квихельскую прорицательницу. Старуха из года в год предсказывала местоположение мальчиков, рожденных, чтобы стать квихельмами.

– Такие неточные видения у Сарахи случаются редко. На моей памяти лишь дважды.

– Ты про того мальчишку из Керибюса? Почему вы, кстати, его тогда не нашли?

Кей помрачнел, вспомнив, как шесть лет назад, отчитывала старая провидица двух взрослых мужиков, его – сильнейшего мага и Кутреда – квихельма, тогда еще в ранге Подмастерья. Тот парнишка из Керибюса, по всей видимости, в будущем должен сыграть немаловажную роль на арене мира. Квихельмы же дальновидно собирают таких детей по Эве, чтобы те оказались на их стороне, а не на вражеской, когда придет время. Однако Кей не смог тогда его найти. Он ошибся и привез не того младенца. Старая Сараха орала на них с Кутредом так, словно они потеряли самого Оркуса. Вспоминать всё это было крайне неприятно, так что Кей поспешил ответить на оба вопроса:

– Да, про него. Не нашли потому же, почему не находим и этого хасарца. Хотя тогда всё же нам дали больше информации. Сараха сказала, что в Керибюсе, где-то в северной части, нужно найти рыбацкий дом на отшибе. Мол, искомый годовалый мальчишка будет какой-то необычный, словно выцветший. Но в Керибюсе полно рыбацких домов. Мы очень долго искали нужный. В нем находился только один ребенок. Обычный. Совершенно невыцветший пацан лет семи. Кутред, как и ты, тогда был очень зол на Сараху за ее размытые описания. Он убедил меня взять именно этого ребенка, сказав, что видение провидицы очень неточное, и она, скорей всего, напутала с внешностью мальчишки. Мне тогда тоже надоело мотаться по всему северо-восточному Керибюсу, и я согласился. Как выяснилось, Сараха видела всё прекрасно и слегка... обиделась, что мы сомневались в ее способностях и не приняли произнесенные ею слова буквально.

– И почему только бабы могут заглядывать сквозь время? Тьфу! – зло сплюнул на землю Гожо.

Кей добродушно посмеялся над старым другом.

– Не стоит так драматизировать, Гожо. Нас Оркус тоже не обидел. Маги только среди мужчин встречаются.

– Я бы не драматизировал, если бы у меня были светлые глаза, которые дают вам вашу магию.

Ухмыльнувшись, Кей развеял бытующее среди обычных людей мнение:

– А они и не дают.

Действительно, только у магов были глаза серого, голубого, реже зеленого или синего цветов. Но Силу давали не они. Скорее, это было нечто вроде побочного эффекта. Поэтому, когда простой человек встречал светлоглазых, он с уверенностью мог сказать, что перед ним маг.

– А зачем Сараха настаивала на том, чтобы ты взял Селира в такую даль? – словно нечаянно обронил квихельм, когда пришел в себя от последней новости, прекратив недоуменно тарашиться на колдуна.

Настроение Кеййя вновь слегка подпортилось, стоило упомянуть о разговоре со старой прорицательницей. Память у нее оказалась такой же хорошей, как и богатый словарный запас крепких выражений, которыми она щедро одаривала всех, кто ей не угодил. Керибюсская история не была забыта. И Кейй по сей день расплачивался за свой промах. Каждый раз после посещения (а это происходило довольно часто) сварливой старухи, он узнавал о себе нечто новое, награждаясь, самыми что ни на есть скверными эпитетами, даже не подозревая, что столько оскорблений вообще существует.

– Точно сказать не могу, – поморщился Кейй, вспомнив слова провидицы: «Сына своего возьми! Может, хоть он поможет. А то толку от тебя, как от слизня жемчуга. Чего вылупился на меня, сморчок? Шагай отсюда! Мочи нет больше смотреть на морду твою бородастую...».

– Она ничего не стала объяснять.

Селир смотрел вниз, стоя на высокой стене, и собирался с духом, чтобы спрыгнуть с огромной высоты. Он преодолел уже настолько долгий путь, что вернуться обратно казалось преступлением. Его, конечно, настораживало, что на стене и на территории дворца ему не повстречался ни один ярмал, которыми так пугал отец. Но стоит ли об этом грустить?

Еще раз довольно хмыкнув своей везучести, Селир перекинул короткие ножки через бордюр и соскользнул вниз. Подстегиваемый чувством свободного падения, он выставил руки вперед, и воздух вокруг них стал плотнее, а на земле затанцевала трава. Падающее тело замедлилось, будто попало в вязкую паутину. Мальчик мягко приземлился на твердую землю, словно сошел с лестницы.

Селир даже подпрыгнул от удовольствия, ощущая вкус маленькой победы. Магия начала у него проявляться всего пару месяцев назад. Это были еще крошечные росточки, отголоски того, что ожидает его в будущем. Но и этого было много для его восьми лет. Обычно первые фокусы получаются у светлоглазых лет в двенадцать, а то и позднее. Так что, сотворив сейчас примитивную «воздушную подушку», Селир просто до безобразия был доволен собой.

Вокруг него зелеными облаками клубились кусты, так что радостный танец победы никто не увидел (да и видеть здесь, в общем-то, было некому). Никого не страшась, будто родился за пазухой у Оркуса, Селир выпрыгнул из кустов и уверенно зашагал в сторону дворца.

Маг только и мог, что смотреть с открытым ртом на гигантское строение, рядом с которым он казался себе муравьем. У них в Гиваргисе (да и во всем Лисбете, наверное) таких больших красивых замков не встретишь. А какой он белый! Прямо глаза резало! Вот было бы здорово забраться на этот золотой купол или острые башни (они еще выше!). Оттуда, должно быть, видно весь Хасар!

Вспомнив про легендарные висячие сады, маленький маг, забыв обо всем на свете, сорвался на бег. Огибая дворец и встречающиеся на пути бесконечные статуи с фонтанами, Селир несколько раз останавливался, переходя на шаг, с неудовольствием отмечая, что он, пожалуй, чересчур велик. Но всё моментально померкло, стоило добраться до пункта назначения. Селир даже приоткрыл рот от изумления.

В воздухе, на разном уровне, зависли небольшие островки земли, сплошь покрытые зеленью. На них росли удивительные деревья, ветви которых украшали гигантские пушистые цветы. Вокруг них жужжали насекомые-опылители, не спеша летая от одного дерева к другому, оставляя за собой золотые следы. С самого высокого острова, казавшегося крошечным камешком, прилипшим к небу, падал в большой круглый бассейн узкий столб воды, сверкающий и искрящийся в лучах Илара. Разлетающиеся в разные стороны капли отражали яркую радугу, расплывающуюся в воздухе.

Завороженный Селир поплелся к водопаду, задрал голову. Он не обратил внимания ни на сиротливо стоящие задние ворота без охраны, ни на пустые стены, ни даже на что-то мокрое

на камнях белого щебня и траве, окрасившее их в темный цвет. Обойдя бассейн по кругу и запустив в переливающийся поток воды руку, Селир залился радостным удивленным смехом, ничуть не страшась, что его услышат. Он начал бегать под парящими островами с запрокинутой головой, пытаясь найти какой-нибудь канатик из лианы или иной лаз, способный помочь забраться на один из них. Но ничего подходящего не нашлось, а взлететь на такую высоту, пока не в его силах.

Мальчик остановился и стал нетерпеливо оглядывать ровно подстриженный луг, раскинувшийся от бассейна до самых стен дворца, в поисках способа попасть на острова. На глаза попались три высоченных дерева, образующих треугольник. В центре рос раскидистый куст с бесчисленным количеством темно-красных крохотных цветочков, отчего он казался не зеленым, а почти бордовым. Одно дерево верхушкой своей кроны царапало самый низкий остров.

Маленький маг бросился к стоявшему за кустом дереву так, будто лестницу в небеса увидел. Вот только добежать до нужного исполина не получилось. Запнувшись обо что-то жутко твердое возле куста и больно ударившись пальцами ног, так что из глаз брызнули слезы, он врезался в твердыню негостеприимной земли.

Тихо поскуливая, Селир с нежностью растирал ушибленную ногу через мягкий сапог, с яростью глядя на сломанные им же ветки. Сквозь них пробивались золотые блики. Проклиная всё на чем свет стоит, маленький маг, кряхтя, поднялся с земли. Природное любопытство пересилило даже пульсирующую боль в пальцах. Доковыляв до куста и уже нагнувшись, чтобы раздвинуть его ветви, он резко отпрыгнул, получив удар по голове чем-то маленьким и твердым.

– Ай!! – не смог сдержать Селир гневно-болезненного вскрика, усердно растирая макушку.

По всей видимости, это был камешек. А камешки сами по себе не кидаются на людей с неба. Маг поднял голову в поисках своего обидчика. Долго искать не пришлось. С острова на самое высокое дерево спрыгнула маленькая тень, скрывшись в листве. Прошло несколько секунд, прежде чем она снова появилась в поле зрения, ловко скатившись по стволу. Тенью оказался босоногий черноволосый кареглазый мальчик. Ему было года четыре-пять не больше, но возмущения в его взгляде хватило бы и на троих взрослых. Он что-то грозно выкрикнул своим детским голосом. Однако Селир не понимал дарского языка.

– Чего? – ошеломленно смотрел на мальчишку маг, по тону понимая, что это именно его в чем-то обвиняют.

Малец снова что-то сказал с таким рассерженным видом, махая рукой в сторону ворот, не оставляя сомнений, – Селира пытаются выдворить восвояси.

– Иди куда шел, сопля, – хмыкнул маг, нагибаясь к кусту, чтобы посмотреть, что же всё-таки там блестело.

Мальчишке совсем не понравилось, что его не послушались, и он с ревом дикого зверя накинулся на Селира, опрокинув на землю. В маленьких кулачках оказалось намного больше сил, чем следовало ожидать от пятилетнего ребенка. Кое-как извернувшись и оттолкнув от себя драчуна, Селир улучил момент и, хлопнув в ладоши, поднял его в воздух, заключив в невидимый шар. Мага это зрелище крайне позабавило. Он от души рассмеялся, когда малец начал барабанить кулачками по своей прозрачной темнице, что-то яростно вопя.

– Будешь знать, как нападать на магов Бэр!

Смеялся Селир ровно до тех пор, пока не почувствовал слабость. Не прошло и минуты, как руки налились свинцом, а по спине растянулась капелька пота.

Мальчишка зверем смотрел на Селира, и маг почему-то опасался этого агрессивного ребенка, хотя тот особой опасности для него не представлял. Понимая, что воздушная ловушка сейчас исчезнет, Селир поспешил опустить задиру на твердую поверхность. Как и следовало ожидать, месть мальчика не заставила себя ждать. Стоило ему коснуться земли, как он с еще большим пылом кинулся на мага.

Сожалая, что умеет обращаться лишь с воздухом, Селир быстро соорудил нечто вроде невидимой стены. Мальчишка пришел в ярость, со всей силы начав лупить по прозрачной преграде палкой. Он снова и снова повторял какое-то слово на дарском.

Малец пробовал оббегать стену. Но маг просто переставлял ее, не давая возможности подобраться ближе. Селир мог долго так стоять и наблюдать насколько хватит этого злого упорного человечка, похожего на муху за стеклом. Но его отвлекли три силуэта, зацепившиеся боковым зрением. Повернув голову, он увидел лысых мужчин, стоявших у входа во дворец.

Подумав, что это ярмалы, маг тут же схлопнул сотворенную стену и кинулся на мальчишку, который от неожиданности сам упал к нему в руки, потеряв равновесие. Селир зажал ему рот.

– Тихо ты! – зашипел на него маг, пытаясь руками и ногами сковать брыкающееся тело.

Но драчун никак не унимался и со всей силы укусил Селира за ладонь, зажимавшую его рот. Маг непроизвольно вскрикнул и, взбесившись, со всей силы пнул пацана. Ребенок отлетел довольно далеко. Селир не испытал ни капли сожаления. Из-за паршивца рука дико болела, щедро проливая на землю алую кровь. К величайшему изумлению мага, мальчишка не зарыдал, а резво вскочил и снова бросился на него, замахнувшись палкой. Скорей всего, он бы еще долго кидался на Селира, но его остановил голос, донесшийся со стороны дворца.

– Иди, глянь, что там, – на геллийском произнес один ярмал.

Стало понятно, их услышали, несмотря на шум падающего с неба водопада.

Сердце Селира ухнуло. Он не знал, что делать. Куст уже не являлся укрытием. Отсюда нужно немедленно бежать. Но куда? На деревья быстро не залезть, ветки слишком высоко. Как туда забирался мелкий, до сих пор оставалось загадкой. Маг загнанно посмотрел на мелкого задиру, хмуро глядевшего на приближающегося ярмала сквозь мелкие листья. Кажется, он что-то серьезно обдумывал и, придя к окончательному решению, рванул к дереву. Ловко, словно обезьяна, паренек начал взбираться по толстому безсучковому стволу. Он делал это настолько быстро и просто, что всего за несколько мгновений достиг густой листвы, скрывшись в ней. Селир вскочил и попытался повторить то же самое, от страха даже забыв о кровоточащей руке. Но выше чем на метр подняться ему не удалось. Маг, словно старый желудь, отвалился от ствола и упал на землю.

Безысходность захлестывала, но он снова и снова пытался забраться на дерево, пока сверху не послышалось шуршание. Из листвы высунулась встрепанная голова. Мальчишка кинул Селиру веревку, попутно сбросив вниз что-то серое. Долго уговаривать мага не пришлось. Вцепившись в веревку, он, опираясь ногами о ствол, довольно быстро залез наверх. Хорошо, что перед деревьями стояла огромная позолоченная статуя неизвестной Селиру огромной кошки с гигантским хвостом и устрашающими длинными клыками, иначе все его потуги спрятаться давно бы заметили.

Стоило оказаться в безопасности, как мальчишка что-то осуждающе прошипел, ткнув в мага пальцем. Селир несколько не обиделся, будучи бесконечно благодарен этому странному ребенку. Особенно когда опустил взгляд и увидел лысого ярмала, осматривающего кусты.

Хотя, стоп! Стоило мужчине повернуться спиной, Селир увидел татуировку на его затылке. Два черных глаза. Отец рассказывал, что два черных глаза на затылке – отличительный знак мортенийцев – братства наемных убийц, злейших врагов квихельмов. И насколько знал Селир, с магами вроде него, живущими в Квихле, дружбу они тоже не водили.

Мортениец сел на корточки и провел рукой по траве, где блестела кровь Селира. Подняв голову, он осмотрел деревья. Однако за шапкой листвы сложно было что-то рассмотреть. Прощерстив взглядом землю, мортениец заметил брошенную тушку животного.

– Всё нормально, – поднявшись на ноги и направившись к остальным убийцам, крикнул он. —Зверюшки резвились.

Селир облегченно выдохнул, наблюдая, как удаляется мужчина. Сидевший рядом мелкий спаситель вскочил и, словно по гладкой, ровной дороге, побежал на другую сторону дерева, расположенную ближе ко дворцу. Маг пошел за ним.

С величайшей осторожностью перепрыгнув на очередную ветку, Селир чуть не врезался в металлическую клетку, подвешенную на крюк. В ней сидели маленькие серые пушистые зверьки, отдаленно напоминавшие северных белок в Лисбете. Они бегали по кругу как заведенные. Селир насчитал четыре штуки. Должно быть, как раз одного такого мальчишка убил и сбросил вниз, чтобы отвлечь мортенийца. Маг еще раз про себя удивился. Он бы в жизни об этом не подумал в такой-то напряженной ситуации.

С горем пополам маленький колдун всё-таки добрался до него и аккуратнo пристроился рядом. Сквозь широкие листья открывалось отличное обозрение. Трое мортенийцев долго, около часа, стояли возле входа, пока задние ворота в стене не отворились. На дорогу из щелья ступил по-султански одетый мужчина (по представлениям Селира, султан должен был выглядеть именно так), в сопровождении еще двух десятков наемных убийц. Селир решил, что это их предводитель. Его смущало только то, что мужчина походил на чистокровного дарса, в отличие от мортенийцев, в основном являвшихся ардальцами.

Вся процессия дошла до дворца. Предводитель что-то спросил на дарском у одного из мортенийцев, ожидавших его. Дерево, где сидели мальчишки, находилось довольно далеко. Да еще и гром падающего с неба водопада заглушал практически весь разговор. Если бы взрослые говорили чуть тише, то до них и вовсе не долетело бы ни звука.

Мужчины о чем-то увлеченно беседовали. Селир не понимал ни слова, поэтому смотрел то в сторону дворца, то на сидящего рядом мальчишку. Тот весь подался вперед, чуть ли не падая с ветки. На его лице радугой отражались эмоции. Сначала, при появлении «султана», удивление, радость, затем озадаченность, подозрение, непонимание, а когда предводитель протянул одному из мортенийцев увесистый мешочек, довольно расхохотавшись, разволновался настолько, что начал шумно дышать. Он резко вскочил и начал ходить взад-вперед по толстой ветке, с бешенством смотря на мортенийцев. Селир заметил блестящие в его глазах слезы и хотел спросить, что случилось. Но спрашивать человека, который не понимает тебя, а ты не понимаешь его, это как разговаривать с теми странными белками, сидящими в клетке. Так что он благоразумно отказался от этой идеи.

Мальчишка дождался, пока все мортенийцы зашли во дворец, и в ту же секунду начал спускаться вниз. Селир последовал его примеру, прыгнув на землю и смягчив приземление «воздушной подушкой». Малец пробежал мимо мага, направляясь во дворец. Сам-то Селир собирался в совершенно противоположную сторону и думал, что тот пойдет вместе с ним.

– Эй, ты куда? – негромко крикнул он ему вслед.

Мелкий драчун даже не обернулся.

– Тебя убьют там! – повторил попытку маг, однако ответа опять не последовало, так что он направился в сторону ворот, тихо бубня: – Ну и фарх с тобой, я предупреждал.

Юный колдун не сделал и десяти шагов, как зло сплюнул (так обычно делали квихельмы, когда злились, Селиру всегда это казалось преисполненным какой-то взрослостью, настоящей, неподдельной эмоцией) и побежал вслед за мальцом. Отец всегда учил его, что долги нужно возвращать, а этот злой пацан спас ему жизнь. Пусть Селир и был еще невелик, но живя среди квихельмов, твердо усвоил это правило.

Мальчишка уже скрылся за высокими двустворчатыми дверьми из красного дерева. Маг боялся, что потеряет его, ведь тот носился с невообразимой скоростью. Селир вбежал во дворец, попав в небольшой зал, освещенный несколькими окнами под высоким потолком, словно в храме. Увидев знакомую фигурку, заворачивающую не в центральную дверь, а в незаметный на первый взгляд небольшой проем, он махнул рукой, выстроив воздушную стену. Бегун врезался в нее, яростно зарывчав. Это позволило Селиру сократить расстояние между ними впо-

ловину. Малец не стал отвлекаться. Он вскочил, как ошпаренный, и вновь устремился вперед, выбежав в длинный темный коридор.

Селир следовал по пятам, отставая метров на двадцать. Ему казалось, что они двигаются вечно, уже сто раз можно было бы догнать мортенийцев. Но, по всей видимости, мальчонка бежал окружным путем. Залы, комнаты, бесконечные коридоры, даже кухня! Всё в этом дворце было сквозным. Забегая в одно помещение, можно спокойно попасть в другое. И каждый предмет здесь источал богатство и роскошь. Только Селиру было не до праздного разглядывания. Он всерьез думал, что сейчас умрет. Легкие разрывались от недостатка воздуха. Он маг, а не квихельм. Это они могут хоть целый день бегать, а его к этому не готовили. И он сдался.

Селир остановился и уперся руками в колени. Дышал он так, что свист вырывался из легких. В глазах плавали темные круги, в ушах стучало молотами, а рот заполнила вязкая слюна. Ноги подкосились, и маг плюхнулся на холодный пол, так приятно остужавший разгоряченное тело. Он лежал и дышал, дышал и лежал, проклиная про себя мелкого бегуна. Наконец Селир пришел в себя настолько, что услышал отдаленную возню, сопровождаемую рыданиями и криками на незнакомом языке.

Движимый любопытством и чувством невыполненного долга, маг поднялся и двинулся по очередному коридору, которых понастроили здесь бесчисленное множество. Селир шел к небольшому дверному проему, дырой зияющему в стене. По мере приближения звуки становились громче и неприятнее. Всё в маге истошно вопило, что ему нужно бежать отсюда, бежать без оглядки. Но он упрямо шел к своей цели, хотя уже с гораздо меньшим энтузиазмом. Селир практически добрался до золоченой арки, как из проема, прямо перед самым его носом, пролетело нечто круглое и, ударившись о стену напротив, покатило по полу. Когда это самое нечто остановилось, маг увидел человеческую голову, под которой собиралась лужица крови.

Голова! Человеческая голова! Селира парализовал ужас. Он словно прирос к стене, не отрывая взгляда от тошнотворной картины. Ему в жизни не приходилось видеть ничего подобного.

Закрыв глаза, Селир отвернулся к стене и начал глубоко дышать, сдерживая слезы и успокаивая желудок, содержимое которого рвалось в мир. Успешно справившись с этой миссией, он лег на пол и дополз до края стены, с осторожностью выглянув из-за нее. Картина, открывшаяся его взору, оказалась поистине душераздирающей.

Гигантский открытый зал напоминал глубокий пантеон. Он выходил в передний дворцовый сад. Белый мрамор скрывал бесконечно высокий свод крыши от жгучих лучей Илара. Его, словно могучие титаны, держали на своих плечах широкие колонны. У расписной стены, где изображалась до мурашек реалистичная картина войны богов, расположился величественный золотой трон, стоявший на пьедестале и спускавшийся мраморными ступенями на зеркальный пол. Двумя длинными провалами в нем бежали симметричные бассейны, являющиеся продолжением тех, что тянулись от главных ворот. Но далеко не это заставило бухать о ребра сердце Селира. Горы трупов и реки крови заполнили всё пространство прекрасного зала, словно сам Кардаш побывал здесь со своими огненными секирами.

Багровые лужи расплывались по полу и стекали в воды бассейнов, превращая их в кровавые ванны. Мертвые тела в основном принадлежали мужчинам в сине-желтых одеждах. Вероятно, именно это и есть знаменитые ярмалы – лучшие воины султана, которых никогда до этого момента не видел Селир. И лучше б не видел вовсе.

На троне сидел тот самый предводитель мортенийцев, а у подножья с веревкой на шее и посиневшим лицом распластался мужчина. Богатые одежды и сверкающие драгоценности говорили о знатном происхождении задушенного. Перед восседающим стояло около полусотни женщин и двенадцать детей разного возраста. Все они протяжно выли. Мужчина на троне настолько доволен и мерзко скалился, что у Селира засосало под ложечкой.

Маленький маг лихорадочно искал глазами мальчишку, хотя понятия не имел, что будет делать, когда найдет. Но тот словно сквозь землю провалился. Селир попытался разглядеть мальчика среди двенадцати пленных детей, но и там его не было.

– Хелла! – неожиданно раздался голос мужчины на троне, слегка приглушив всеобщий плач.

Из толпы вышла красивая черноволосая женщина. В отличие от остальных, она не рыдала и с вызовом смотрела на мужчину. Ему это явно не нравилось. Он спросил ее что-то на своем языке, на что женщина лишь дерзко улыбнулась. Разозлившись, убийца рявкнул на нее, призывая к ответу. На этот раз она заговорила, и ее слова вызвали странную реакцию мужчины. Он встал с трона, перешагнул через труп, медленно подошел к женщине, обошел ее по кругу, затем, склонившись к уху, с гадкой улыбкой что-то произнес. Ее лицо вмиг побледнело. Она резко повернула на него голову и грубо ответила. Мужчина расхохотался.

– Рубите головы, пока она не скажет, где последний щенок! – на ломаном геллийском приказал он мортенийцам.

Наемники не стали ждать. Они сразу начали резать женщин и детей, словно свиней. Поднялся такой визг, что Селир заткнул уши руками. Ему казалось, что он видит страшнейший из своих кошмаров. Кровь хлестала во все стороны, заливая мортенийцев с ног до головы. Словно под гипнозом, Селир смотрел на это, не в силах отвести взгляд и не замечая, как по щекам льются слезы, затекающие в нос и просачивающиеся в плотно сомкнутые губы. Он уже не помнил зачем здесь, как оказался на полу и почему не пытается сбежать из этого проклятого богами места.

Многоголосый крик быстро стих. И теперь в гигантском зале кричала лишь одна женщина, по вине которой всё произошло. Стоя на коленях, она истерично рыдала, закрыв лицо дрожащими руками. Довольный произведенным эффектом псевдосултан грубо схватил ее за волосы и, запрокинув голову, заставил посмотреть на него. После чего повторил свой вопрос. Женщина с ненавистью ответила и плюнула в широкое лицо. Такое оскорбление убийца вытерпеть не смог. С ревом он вытащил из-за пояса рядом стоявшего мортенийца меч, и... красивая голова покатила по полу.

Раздался новый крик. Детский крик боли, злости и отчаяния. Он приковал внимание всех в зале. Селир видел, как из-за статуи Оркуса выпрыгнул мальчишка и бросился в сторону трона. Мортенийцы не двигались, зная, что добыча вот-вот сама придет к ним в руки. Селир глянул на главного из них и по хищной улыбке понял, что тот очень даже рад этой встрече.

Мешкать было нельзя. Собрав всю свою храбрость, злость, страх и ненависть от вида произошедшего, маг вскочил с пола и сдул мальчишку мощным потоком воздуха прямо в конец бассейна. Предводитель мортенийцев изумленно наблюдал, как маленькое тельце перелетало через весь зал.

Не сразу мужчины заметили Селира, бегущего в ту же сторону так, будто у него крылья выросли. Когда раздался звероподобный вопль ярости, в мага полетели кинжалы. Свистевшие над самой головой острейшие лезвия заставляли его инстинктивно припадать к полу, но ни в коем случае не останавливаться. За спиной послышался топот. Селир вдруг ясно осознал, если сейчас что-то не предпринять, то спастись не удастся.

Действовать нужно незамедлительно и эффективно. За долю секунды оценив обстановку, он зацепился взглядом за натужно кашляющего мальчишку, вылезавшего из бассейна. Чародей скользнул глазами по кровавой воде, и решение как-то само пришло в голову. Он направил поток загустевшего воздуха спереди-назад, образовав вокруг себя плотный защитный шар. Заведя руки за спину и одновременно разворачиваясь к мортенийцам, маг мысленно пытался проникнуть в самую суть водной стихии, молясь, чтобы та подчинилась ему. Селир закричал от напряжения, когда пытался вытолкнуть ладони вперед. Ему казалось, что он двигает целый дом. Но это приводило к нужному эффекту.

Вода в бассейнах ожила. Нехотя поднявшись с одного конца, через несколько секунд посреди зала выросли два гигантских струящихся столба. Те мортенийцы, что бежали – резко затормозили, а те, что стояли у трона вместе со своим главарем и метали в мага кинжалы, застревавшие в шаре Селира, – застыли. Словно по команде, они одновременно рванули прочь от водных колонн, не зная, чего ожидать. Однако боялись они зря. Силы мага истощились. Он уже не чувствовал сопротивления в руках, и вода с громopodobным гулом рухнула вниз, выйдя из своих мраморных берегов. Самый страшный урон, причиненный выплеснувшимися волнами из бассейнов – мокрая одежда убийц.

В тот момент, когда водная стихия вышла из-под контроля, Селир потерял связь и с воздухом. Защитный шар вокруг него растаял, и мортенийские кинжалы со звоном посыпались на пол. Противоположный конец зала вдруг сотряс взрыв, вызвав под ногами легкое землетрясение и крик то ли страха, то ли боли мортенийцев. Дрожа от слабости, Селир не обратил внимания на такие мелочи, бросившись к мальчишке. Насквозь промокший, он напряженно смотрел в сторону трона, в странной позе застыв у бассейна, с вытянутыми ногами и сложенными на полу руками. Добежав до него, маг, не сбавляя хода, крепко ухватил мальчика за шиворот и дернул, утаскивая за собой. Селир знал, что с минуты на минуту мортенийцы придут в себя и снова кинутся в погоню.

– Бежим, бежим, бежим! – срывающимся голосом подгонял он так, чтобы наемники не услышали, а мальчишка понял его по тону.

Две маленькие фигурки, словно пушечные ядра, вылетели на дорогу из камня, ведущую к главным воротам. Но направились не к ним. Ту, что поменьше, понесло в сторону, к высокой стене, а та, что побольше, последовала за ним. Добежав, они остановились. Маленький силуэт пантомимой начал давать указания, показывая, чтобы большой подкинул его на верх. Посчитав это разумным, он скрестил руки и подбросил в воздух крошечную фигурку, которая ловко уцепилась за край стены, подтянулась, забралась, нагнулась, чтобы посмотреть на оставшегося внизу помощника, затем кивнула и исчезла, спрыгнув по другую сторону.

Селир стоял с задранной головой, еще не до конца осознав весь ужас произошедшего. Его бросили! После всего, на что он пошел ради этого гаденыша, его подло бросили на произвол судьбы! Стоя сейчас на фоне белоснежной стены, маг смотрелся там, как ворона на снегу. Он начал прыгать, пытаясь взлететь в воздух, но из рук вырывались лишь слабые ветерки (последние крохи магии ушли на подбрасывание мальчишки), так что ему не удавалась подняться даже до середины.

– Эй! Вернись! Вернись, не бросай меня здесь! – в отчаянье забарабанил Селир ладошками по белому камню.

Но наверху уже никого не было. Маг очень часто задышал, а глаза заблестели от собирающихся слез. Он услышал голоса со стороны замка. Сил на магию нет. Можно, конечно, попробовать бежать, но такие здоровяки без особых усилий догонят восьмилетнего пацана, а потом жестоко убьют. Селир понял, что выхода у него не осталось, и он заплакал. Прижавшись спиной к стене, он увидел, как один из мортенийцев указал на него пальцем, и четверо из толпы убийц бросились в его сторону. Но то, что произошло дальше, Селир посчитал обманом зрения.

Прямо перед бегущими мортенийцам выросла маленькая фигура. Она не имела плотного тела. Темный силуэт походил на черную полупрозрачную дымку. Убийцы остановились, обнажая мечи. Один из них сделал резкий выпад, пытаясь разрубить тень, но ей это никакого вреда не принесло. А вот сталь палаша мортенийца покрылась темно-синим облаком. Непонятная магия сжирала металл на глазах. Воин бросил свое оружие на землю, словно ожившую в руках змею. Он и остальные мортенийцы начали отступать от темной сущности, но чем дальше они отходили, тем ближе приближалась она, пока вовсе не вынудила их обратиться в бегство.

Селир не верил своим глазам, ведь, насколько ему было известно, на такое маги людей неспособны. Он сморгнул слезы, но темная дымка не исчезла. Четверо мортенийцев добрались

до своих, и в надвигающуюся на них тень полетели метательные ножи. Кинжалы попадали точно в цель, но бесследно растворялись в ней. Сущность взмахнула рукой, и вокруг голов троих мортенийцев возникло такое же темно-синее облако, как до этого над палашом. Раздались переворачивающие душу крики боли. Пораженные тенью убийцы слепо крутились вокруг себя, пытаясь руками содрать смертельную магию. Безуспешно. Вскоре их голоса стихли, и мертвые тела сломанными куклами рухнули на зеленую траву. По ним ползла сизая тьма, всё еще пожирающая чужую плоть, разъедающая ее словно кислотой. Остальные мортенийцы шарахнулись от трупов, как от чумных, а когда сущность вновь начала поднимать руку, ринулись кто-куда, лишь бы заклятие не попало на них. Тень не стала посылать облако им вслед. Складывалось впечатление, что именно такой реакции наемников она и добивалась.

Постояв и понаблюдав за убегающими, сущность повернулась в сторону Селира и, замерцав, исчезла. Сколько за сегодня маленький маг пережил ужаса – словами не передать, но то, что он испытал, когда тень вновь появилась прямо перед ним, не шло ни в какое сравнение. Он закричал так, что будь поблизости стекло, оно наверняка бы треснуло. Селир дернулся, желая убежать, но ноги предательски подломились, и мальчик упал. Единственное, что он смог, это перекатиться на спину, чтобы видеть своего врага. Вот только маленькая тень повела себя очень странно. Она приложила палец к своему лицу на том уровне, где у людей должны быть губы, словно призывая не шуметь. Затем жестом побудила мага встать. Селир был настолько напуган и поражен, что у него даже не возникло мысли послушаться. Стоило ему подняться, как он почувствовал, что его оторвало от земли и потянуло вверх, забрасывая на стену.

Уже стоя на белом камне крепости, он увидел, как тень, удостоверившись, что маг доставлен в целостности и сохранности, померцав, исчезла. Селир первый раз в жизни видел подобное. Он не знал, кого благодарить за свое спасение – благословенного Оркуса или проклятого Кардаша. Но в любом случае, кто-то очень постарался, чтобы помочь ему.

Взгляд мага привлекло движение возле дворца. Из-за колонн, подпирающих крышу кровавого зала, выбежали пять человек. Среди них Селир узнал предводителя мортенийцев. Мерзавец яростно вертел головой и что-то кричал на дарском. Испугавшись, что его могут заметить, маг поспешил покинуть стену этого жуткого дворца. Сил хватило, чтобы слегка смягчить удар при прыжке вниз. Так что в этот раз пятки он всё-таки отбил. Селир чуть не приземлился на какой-то ворох тряпья, валяющийся у самого подножья.

Недовольный маг подошел ближе, чтобы посмотреть, и понял, что это никакой не ворох, а бросивший его мальчишка. Сначала Селир подумал, что он мертв (обычно так и бывает, когда дети спрыгивают с такой высоты), но, прижавшись ухом к его груди, услышал ровное сердцебиение и спокойное глубокое дыхание. Малец просто-напросто спал! Удивлению и возмущению мага не было конца. Как вообще можно было уснуть, когда тебя преследуют мортенийцы?

– Проснись! – тряхнув мальчишку за плечи, довольно громко произнес Селир.

Но тот никак не реагировал, а только перевернулся на бок. Маг снова его потряс, потом побил по щекам, зажал ему нос – ничего не помогало.

Селир уже решил плюнуть и уйти, но почему-то не смог. Даже несмотря на то, что мелкий засранец бросил его одного, он чувствовал за него нечто вроде ответственности. К тому же, положив руку на сердце, таких детей маг не встречал даже в Квихле. Вероятно, это самый храбрый ребенок на свете, а ему, наверное, и пяти лет нет. Подумав, что отец оценит его находку и смягчит наказание за побег, Селир, кряхтя, кое-как закинул мальчишку себе на спину и внимательно огляделся. Ему необходимо попасть к причалам, где качался на бирюзовых волнах корабль квихельмов. Дворец стоял на высоком холме, так что маленький маг без труда определил в какой стороне море, лизавшее побережье хасарского порта.

С изумрудной горы была видна не только прибрежная полоса, но и северо-восточная часть всего города, где как раз находился рынок. Оттуда поднимались клубы дыма и доносились глухие крики.

«Только бы папа и Гожо были уже на корабле», – рассматривая тревожные пейзажи, подумал Селир.

По всей видимости, кошмар, что поверг обитателей дворца, царил и на хасарских улицах. Слава Оркусу, ему нужно совсем в другую сторону. Конечно, дорога до порта не будет устлана лепестками роз, но, по крайней мере, не надо прорываться через обезумевшую толпу и озверевших от крови мортенийцев.

Глава 2

Небесный огонь

– Значит, мортенийцы... – задумчиво произнес Кеий, выслушав рассказ своего сына.

В мягком золотом свете масляных ламп в кают-компани квихельского корабля, бросающем дрожание блики на дорогие деревянные панели стен, Селир наконец-таки чувствовал себя спокойно. Не сказать, что до моря маленький маг с мальчишкой наперевес добрался без происшествий, но намного лучше, чем ожидал. Заминка произошла, когда он достиг первых домов в портовой части города, где кишмя-кишело мортенийцами. Ему пришлось надолго схорониться в темном вонючем переулке, за гнилыми ящиками. До желанных причалов оставалось рукой подать, буквально пара кварталов. Однако только Селир собирался выйти из тени, чтобы перебежать через широкую улицу, как совсем рядом появлялись лысые мужчины с татуировками глаз на затылке.

Маленького мага это несказанно злило, но страх, поселившийся в нем, после того как на его глазах поймали шестилетнего мальчика, отрубили кучерявую голову и кинули ее в мешок, напрочь отбил всё желание. Наемники шныряли везде, где только можно. Пару раз они проходили и в переулке Селира. Так что он даже преисполнился чувством трепетной нежности к завалу гнилых ящиков. Колдуна не смущали ни сырость, ни вонь, ни подозрительные шорохи вокруг. Он готов был просидеть так хоть седмицу, только бы его никто не нашел.

– Селир, – раздался знакомый тихий голос, когда мальчик уже впал в дрему. – Селир, вылезай.

Узнавание пришло не сразу. Не веря самому себе, чародей бесшумно выполз из-под основного завала и осторожно глянул в щель ящика, чтобы внимательней рассмотреть гостя. В темноте он без труда узнал приближающегося отца.

– Пап, я здесь, – также тихо отозвался Селир. – Я сейчас.

Ужом извиваясь, чтобы, не дай Оркус, что-нибудь не задеть и не разрушить гнилую пирамиду, Селир пополз обратно за спящим мальчишкой. Спустя две минуты, он уже стоял перед отцом. Не спрашивая, что за ребенка подобрал его сын, Кеий быстро заговорил на незнакомом пока для Селира языке магов, выписывая в воздухе невидимые символы. Когда мужчина замолчал, мальчик почувствовал, как на него будто вылили ведро холодной воды. Кожу под одеждой словно облепила ледяная корочка, и тело начало непроизвольно дрожать.

– Бери мальчишку и иди за мной, – скомандовал Кеий.

Не очень понимая, что произошло, Селир поспешил выполнить приказ отца, но только он повернулся, чтобы подобрать мальчика, его постиг новый удар. Мальчишка пропал!

– Пап, он исчез!

– Вы под пологом невидимости, – нетерпеливо пояснил Кеий, постоянно смотря то в одну, то в другую сторону переулка. – Он рядом с тобой, нащупай его и пошли.

Селир, конечно, слышал про этот самый полог, но никогда не видел и уж тем более не испытывал на себе. Пошарив возле себя, он действительно наткнулся на плотный воздух. Маленький маг кое-как водрузил спящее тело на себя, долго регулируя баланс невидимого туловища.

– Готово!

– Иди прямо за мной, не отставая ни на шаг.

Дальше проблем не возникло. Наемные убийцы подозрительно посматривали на Кеийя, но семенящего за ним мальчика с еще одним ребенком на спине, они не видели. Связываться же без надобности с голубоглазым человеком опасались даже такие смельчаки, как морте-нийцы. Неизвестно на какого по Силе мага нарвешься. Так что путь до квихельского корабля, который тоже оказался под пологом невидимости, прошел как по маслу.

Когда отец с сыном шагали по причалу, Селир осмелился заговорить.

– Как ты меня нашел? – был его первый вопрос.

– Благодаря твоей цепочке...

Кеий вытащил из кармана платиновую цепочку, подаренную Селиру матерью, и которую он отдал отцу, перед тем как сойти с корабля.

– Твои вещи – часть тебя. Они несут твою энергию. С помощью них можно отыскать владельца где угодно. Это простенькое поисковое заклинание. Позднее ты этому научишься. Оно выглядит как тоненькая ниточка, тянущаяся к хозяину, и по мере приближения она становится толще и осязатей. Так я тебя и нашел.

– Получается, спрятаться от мага невозможно?

Что бы ни случилось, Кеий всегда оставался невозмутим. Вот и сейчас, маг беззаботно отвечал на вопросы сына.

– Почему же? Возможно. У нас у всех своя аура. Именно она оставляет след на каждом предмете, побывавшем в наших руках. Как только маги научились ее считывать и поняли, что и их теперь могут найти, они начали искать способ этого избежать. В итоге маг Берис в 1683 году сумел изменить свою ауру. Это довольно сложно, но возможно.

– А ты научишь меня видеть ауры? – с надеждой смотрел на спину отца маленький маг. Старший Бэр улыбнулся, остановившись посреди пирса.

– Как только ты выучишь руны и овладеешь ими.

Кеий шепотом выдохнул непонятную фразу, и глазам Селира предстал остроносый парусник. Стоило им взойти по трапу, мальчик почувствовал, как ледяная корочка на коже мгновенно растаяла, а прохладный морской воздух стал тропически-теплым.



– Думаешь, Правители опять что-то мутят? – раздался в каюте голос до этого молчавшего Гожа, возвращая Селира в настоящее.

Квихельм сидел за большим добротным столом из темного дерева, прямо напротив Кейя, мерно постукивающего пальцами по лакированной поверхности. Казалось, ничто не способно нарушить его погруженности в себя. Ни шум моря за иллюминатором, ни тихое посапывание маленького дарса, спящего на трех сдвинутых стульях в углу, ни сверлящий взгляд

Селира, мечтавшего сейчас залезть в голову к отцу, чтобы понять все эти взрослые непонятности.

– Скорее всего, – наконец ответил маг, фокусируя на квихельме рассеянный взгляд. – Мортенийцы без их позволения даже не дышат. А ты видел, сколько их было по всему Хасару? Не зря всё это, ох, не зря! И не по своему велению, конечно же. Видимо, сильно не угодил нашим ардальским Магам султан всех султанов, раз они помогли в свержении его власти при помощи мортенийцев. Теперь и Кемиз перед ними расшаркиваться будет. В каком-то веке кто-то на Материке начал слабенько сопротивляться Ардалу. Но им же нужно, чтобы все плясали под их дудку, тем более юго-восток. Правителям по отдельности было очень сложно контролировать южные султанаты. А Бархис молодец, за каких-то двадцать лет объединил всех и основал огромное государство. Он был очень своевольный и самоуверенный правитель. Думаю, именно поэтому Правители решили от него избавиться. Так что теперь всё вернулось на круги своя, вот только юго-восток отныне под их полным контролем.

– Да уж. Дела, – подытожил Гожо. – И кто теперь будет султаном Кемиза?

– Кто ж знает. Какой-то родственник. Дед, брат, сват. Поди разбери кто есть кто в их племени.

– Почему сразу родственник? Может, кто-нибудь из ардальцев?

Селир тоже так подумал, но глянув на отца, понял, что Гожо, по всей видимости, спросил глупость. Кейй укоризненно воззрился на квихельма.

– Бархис ведь был задушен, – произнес маг, словно это всё объясняло.

Гожо даже как-то неловко посмотрел на Селира.

– Ну так это же один из способов убийства. Почему б и не задушить?

Кейй лишь вздохнул.

– Потому что вера дарсов не позволяет им проливать кровь своего брата. Это очень большой грех.

– А... То есть убивать брата не грех?

Рот Селира приоткрылся. Он уставился на отца, ожидая, что тот на это ответит. Но Кейй резко изменился в лице. Черные брови стянулись на переносице, а голубые глаза булавками впились в угол, где спал мальчишка. Селир обернулся посмотреть, что же увидел отец. Но там всё было по-прежнему. Маленький дарс клубочком лежал на сдвинутых стульях.

– У каждого свои законы... – тем же тоном вновь заговорил Кейй, так что Селир вздрогнул от неожиданности.

Неотрывно смотря на Гожо, маг приложил палец к губам, а затем им же указал на спящего мальчишку. Только сейчас Селир понял, что больше не слышит его сопения.

– Нам их правила кажутся дикостью, но и наши для них непонятны и чужды. У каждого закона есть свой фундамент. Основа, на которой построено всё общество. На этой основе возводится здание, являющееся государством. Каждый его кирпичик кладется по строгим правилам, чтобы сооружение было крепким и существовало долгое время. Если халтурить и нарушать правила, оно рассыплется, как песочный домик. Каждый строит на свой вкус и живет в нем по-разному, не как соседи. Хотя чем ближе расположены дома, тем более схожи законы в них, ведь ходят же они друг к другу в гости в конце концов. Также и с верой. Если люди...

Кейй всё продолжал говорить и говорить. Отец одновременно повествовал свои измышления и наблюдал, как Гожо поднимается из-за стола, обходит его и, пересекая кают-компанию, бесшумно подходит к спящему мальчику, словно у него были не тяжелые сапоги, а кошачьи лапки. Маленький дарс лежал спиной к центру каюты. Квихельм осторожно нагнулся, чтобы заглянуть ему в лицо, отбросив темную тень на стулья.

Не заметив признаков бодрствования ребенка, Гожо разогнулся в полный рост. Последующие события пронеслись таким галопом, что Селир не до конца их осознал. Квихельм уже собирался вернуться на свое место, как дарс резко вскочил, одним движением выхватил из-за

пояса мужчины кинжал, будто всегда знал, что он там находится, и вогнал острие ему в бедро. Раздался крик боли, вдогонку которому последовал град проклятий. В этот момент мальчишка шустро скользнул к двери. Кейй крикнул гортанную фразу и совершил пас рукой. Селир увидел, как появилось и сразу пропало дрожащее фиолетовое полотно напротив двери.

– Какого?.. – сокрушенно выдохнул маг, когда маленький дарс как ни в чем не бывало преодолел эфемерную преграду, открыл дверь и выбежал в темноту.

– Гожо! – придя в себя, крикнул Кейй, призывая раненного квихельма броситься вслед за беглецом, первым сорвавшись с места.

Такие мелочи, как всаженный в плоть кинжал по самую рукоять, для квихельмов были привычны. Так что, припадая на здоровую ногу и матерясь сквозь зубы, Гожо почти даже побежал за Кеййем. Естественно, Селир понесся за всей этой процессией. Он бы никогда себе не простил, если бы пропустил конец этого мероприятия.

Когда маленький Бэр выбежал на палубу, освещенную лишь серебряным светом Чары, то сразу наткнулся взглядом на спины стоящих полукругом десятерых квихельмов. К ним неспеша подтягивались остальные. В напряженном молчании слышался лишь плеск волн и топот ног. Селир поспешил в самую гущу.

Наконец он выскочил в первый ряд, как пробка из бутылки. Его взору предстал занятный сюжет. У самого борта с резными перилами стоял дарс, загнано озираясь на квихельмов. В его руках откуда-то взялся здоровенный палаш, размером больше, чем он сам. Силенок поднять оружие у него не хватало, так что мальчишка лишь мертвой хваткой вцепился в эфес, оперев стальное перо о темные доски палубы.

С краю стоял отец, вытянув в бок руку, запрещая тем самым приближаться к ребенку. Он что-то активно шептал себе под нос.

– А-а-а! – вдруг закричал Кейй, закрывая глаза ладонями и отворачиваясь.

Все головы моментально повернулись в его сторону. Один из квихельмов дернулся к мелкому, но маг сразу его затормозил, всё еще прикрывая рукой глаза.

– Нет! Селир, подойди к нему!

Селир не был в восторге от этой идеи, однако послушаться не мог. Втянув в себя соленый воздух, он неуверенно сделал два шага вперед. Напуганный дарс тут же оторвал взгляд от непонятно чем пораженного Кеййя и, крепче сжав рукоять палаша, уставился на Селира. Потребовалось несколько секунд, прежде чем он узнал знакомого чародея.

Воспользовавшись моментом, Селир начал медленно подходить к мальцу, подняв руки кверху, показывая тем самым, что он с благими намерениями.

– Спокойно, малой. Тут тебя никто не тронет. Врагов-то нет...

Этот агрессивный ребенок был настолько непредсказуем, что каждую секунду Селир ожидал от него стремительного броска хищного зверька. Но дарс снова его удивил, задав вопрос на своем тарабарском языке.

– Слушай, друг, я не понимаю, чего ты там лопочешь, но опасности для тебя здесь нет. Так что отдай мне эту штуку.

Со всей имеющейся в нем доброжелательностью, Селир подошел вплотную и забрал палаш, который оказался настолько тяжел, что маг его едва не выронил.

Всё это время дарс неотрывно сопровождал взглядом каждое движение Селира, параллельно цепко осматривая толпившихся вокруг квихельмов. Сопротивления он не оказывал, лишь требовательно-вопросительно смотрел.

– Молодец. Сейчас найдем кого-нибудь, кто говорит по-дарски, и мы наконец пойдем друг друга, – přátельски похлопал мальчишку по спине Селир.

Держа руку на остром плечике, он повернулся к отцу, который уже оправился от загадочной травмы и теперь с интересом шурился на дарса.

– Пап, переводчика бы.

Кейй оторвался от созерцания мальчишки и посмотрел на квихельмов.

– На корабле кто-нибудь знает дарский? – спросил он.

Ответа не последовало. Квихельмы только озадаченно переглянулись между собой.

– Гожо!

Послышалось кряхтение, после чего первый ряд столпившихся мужчин раздвинулся, и взгляду собравшихся предстал хромающий Гожо, на лице которого гигантскими буквами было написано, что он бы предпочел, чтобы его звали как угодно, только не Гожо. Кинжала в левом бедре уже не было.

– Не знаю, савит Кейй, – ответил Гожо.

Хоть колдун и был его другом, но при посторонних субординацию квихельм соблюдал.

– Этот язык аборигенов вообще мало кому известен. У нас из дарсов и квихельмов-то нет.

– А кок разве не дарс? – раздался сзади сильный чистый голос.

Селир сразу вспомнил, что дядя Барх, когда кричал на подчиненных, действительно употреблял непонятные слова, которых ему отродясь слышать не доводилось.

– Зелих, приведи Барха! – тут же приказал Кейй, обращаясь к облокотившемуся на перила квартердека и с любопытством смотрящему на всё свысока рослому мужчине с испещренным шрамами лицом.

Зелих с грацией рыси перепрыгнул через парапет и с глухим стуком приземлился на палубу. После чего направился в сторону камбуза.

Не прошло и двух минут, как вновь раздалась шаги.

– Ну-ка разбежались-ка в разные стороны! – послышался запыхавшийся бас.

Квихельмы дружно расступились, и на свет серебряной Чары вышел, нет, выплыл, как раздутая бригантина, корабельный кок. Все волосы с лысой головы, похоже, проросли в богатые рыжеватые усы, являющиеся главным достоянием его бесформенного от складок лица. Несмотря на то, что Барх не являлся квихельмом, одежду он носил точно такую же. Только вместо безрукавной туники у него была черная рубашка, но не на крючках, а на позолоченных пуговицах. Этих пуговиц Селир боялся больше всего. Толстое необъятное пузо кока беспощадно натягивало края одежды, так что бедные кругляшки натужно впивались в ободки своих петель, грозя всем окружающим рано или поздно выстрелить без предупреждения.

– Так-так-так, – мурлыкнул Барх, подходя ближе к Селиру и мальчишке. – Кто это тут у нас?

– Дядя Барх, – начал маленький чародей. – Это дарс. Нам бы про него узнать побольше, да и объяснил бы ты ему, что да как, и куда он попал.

– Дарс!? – восторженно воскликнул кок, наклоняясь к ребенку, насколько позволял объемный живот и заглядывая ему в глаза, что-то пытаясь там найти. – Ядрёны макароны! И вправду дарс! Хо-хо! Хо-хо-хо!..

Хохокал он долго, от души, сложив руки на обтянутом тканью брюхе. Оно словно ожило и колыхалось, колыхалось, как желе на тарелочке. Складывалось впечатление, что даже если Барх прямо сейчас перестанет смеяться, то живот его будет успокаиваться до вечера следующего дня. Селир не любил, когда кок так веселился, ибо угроза выстрела в такие моменты становилась как-никогда острой.

Стовший рядом мальчонка с ужасом смотрел на толстяка.

– Дядя Барх, ты его пугаешь! – прикрикнул Селир, чтобы его услышали.

Кок перестал оглашать окрестности своим громоподобным смехом.

– Ну что ж. Надо, так пообщаемся. Сто лет уже на дарском не говорил. Эх, порадовали вы старика...

Не такой уж и старый Барх дернул себя за ус, после чего на незнакомом языке обратился к малышу.

Дарс долго смотрел в глаза корабельному повару. Селир заметил, как маленький кулачок сжался, разжался. И только после этого мальчишка ответил:

– Тэйп.

Разговаривали они долго. Многие квихельмы уже разошлись по своим делам, потеряв интерес. С каждым новым вопросом, ответ становился длиннее, а лицо Барха мрачнее. Спустя где-то полчаса кок взъерошил черные волосы на голове маленького дарса и по-отечески ему улыбнулся.

– Селир, отведи его в мою каюту. Мальчик должен отдохнуть. Он многое пережил, – произнес Барх, подтолкнув дарского гостя к магу. – У меня в тумбе ларковые палочки есть, угости его и уложи спать.

Селир глянул на отца.

– Иди, отведи, – кивнул Кейй.

Маленький чародей послушно направился в каюту кока, предварительно махнув рукой мальчишке, показывая, чтобы он следовал за ним.

– Ну что? – стоило детям скрыться из виду, нетерпеливо спросил Кейй.

– В общем, звать его Тэйп Хардраг. Пять лет недавно стукнуло. Он сын султанского повара и рабыни, которая совсем недавно стала служанкой у байбише. Их, видимо, убили, как и всех в Дарсане. Во время нападения Тэйп спал на одном из парящих островов. Он сказал, что там какой-то водопад есть и из-за него ничего не слышно, поэтому мальчишку никто не заметил, да и он сам пропустил всю заварушку. Говорит, султана Бархиса убил его младший брат Хмирис. Редкостная, надо сказать, сволочь. Уж насколько давно я покинул Кемиз, но об этом ублюдке слышан. Тщеславен, эгоистичен, подл, как Кардаш, да вдобавок ко всему труслив не в меру. До сих пор ума не приложу, как он решился пойти против самого Бархиса! Мальчишка говорит, ему помогали какие-то люди, по описанию похожи на мортенийцев...

– Это да. Они по всему Хасару разгуливали, как у себя дома, – подтвердил Гожо, сидящий на большой слегка подгнившей бочке и вытянув раненую ногу во всю длину.

– А, Ардал, значит... – задумчиво дернул щекой Барх, сложив руки крестом на пузе, после короткой паузы он продолжил свой рассказ: – Так вот. Значит, убил он не только Бархиса, но и всю его семью вырезал. Всё это на глазах Тэйпа. Последнюю зарезали байбише. Он сказал, что любил ее, как вторую мать, и не смог оставаться на месте, когда ей отрубили голову. Так-то его и обнаружили...

– Дальше мы знаем. Селир рассказал, – прервал Барх савит. – Может, есть что-то важное, на что стоит обратить внимание?

– Хм... Ну не знаю насколько это важно... Мальчишка сказал, что Хмирис убил всех детей султана, кроме одного. Законного наследника, сына от единственной жены Бархиса. Тэйп говорит, что принца за три дня до всего случившегося отправили на соколиную охоту. Так что, должно быть, он пока еще жив. Хотя мы ведь говорим о мортенийцах. Уж кто-кто, а они найдут кого угодно, и где угодно. Считай, парнишка уже не жилец.

– А Тэйп не сказал, как зовут этого принца?

– А как же! Сказал. Тайхар зовется принц... И чем же вам так интересен этот опальный принц, савит? – кольнул Кеййя своими черными глазками-бусинками Барх.

– Многим, Барх... Многим. Если Тайхар выживет, то каким бы ни был принц, проблем Хмирису он может доставить массу. Он сын Бархиса, это ко многому его обязывает. И если сын пошел в отца – править новый султан будет недолго.

– Ну, когда это еще будет! Не факт, что мы доживем до этого момента.

– Что правда, то правда...

Маг перевел рассеянный взгляд на дрожащую белую дорожку Чары, растекшуюся молочным ручьем по волнам. Кейй чувствовал, что что-то упускает из виду, но не мог понять что. Может, он должен был привезти в Квихл этого самого Тайхара, а не этого сына повара, которого притащил Селир? Хотя Сараха не зря велела Кеййю взять сына с собой. Селир ведь привел какого-то мальчишку. Очень странного мальчишку.

– Барх, а Тэйп не сказал тебе, как спустился с высоченной стены хасарского дворца и уснул прямо у ее подножья?

– Как спустился, не сказал, а вот уснул, потому что упал на сонный гриб.

– Сонный гриб? – переспросил Кейй, ранее неслышавший о подобном грибе.

Непонимающий взгляд Гожо подсказал, что он не одинок в своем неведении.

– Они растут только на юге. Но на севере их тоже можно найти. У аптекарей. Название у них еще такое... Ой, дай Оркус памяти... – Барх напряженно зажмурился и начал растирать пальцами лоб. – Бармидос! Да, точно, бармидос. Их обычно высушивают и в порошок растирают или в суспензию превращают, а потом в чай добавляют. Снадобье что надо, дракона усыпит!

– Так, а Тэйп-то каким образом уснул?

– Молодой сонный гриб имеет такую круглую закрытую шляпку. Внутри нее есть полость, в которой находится сонная розовая пыльца. Если вдохнуть эту пыльцу сразу начинает клонить в сон... – Барх замолчал, и на его лице отразилась смесь непонимания и задумчивости. – Вот только ни разу я что-то не слышал, чтобы люди засыпали, стоило им ее вдохнуть. Животные, те – да. Но чтоб человек... Хотя, может, это из-за того, что Тэйп ребяенок еще совсем. Да и переживаний на его долюшку выпало немало. Не каждый взрослый смог бы такое пережить, а он, ты погляди ж!..

Савит и сам об этом думал. Всё, что он успел увидеть и услышать сегодня про Тэйпа, явно говорило о том, что из этого мальчика вырастет хороший воин, а может, даже великий. А какая у него была аура! Кейй за всю свою жизнь не видел такой яркой ауры! Он чуть не ослеп, когда применил заклинание истинного видения. Словно на корабль упал огненно-белый Илар. Однако сейчас маг сомневался. Он слишком спешил, когда начертывал руны, а пальцы плохо слушались. Кейй боялся, что напутал в заклинании, и это был всего лишь побочный эффект. Ведь когда он взглянул на мальчишку во второй раз, у него вообще не было ауры! Что тоже крайне подозрительно. Даже у травы есть своя энергетическая оболочка. А то, что он играючи преодолел его магическую стену, справиться с которой даже взрослому магу требуется время, вызывало еще больше вопросов. Как ни крути, но все это донельзя странно. И Кейй собирался разобраться со всем этим в самое ближайшее время.

Ватное молчание нарушалось лишь бьющимися о корабль ониксовыми в ночи волнами. Те немногие квихельмы, оставшиеся, чтобы послушать рассказ Барха про мальчишку, уже ушли. Время перевалило далеко за полночь, и законный сон никто не отменял. Так что на верхней палубе находились только Кейй, Гожо, кок и впередсмотрящий, задремавший в марсе.

– Савит, вы заметили, что уже вторую ночь на небе не видно ни одной звездочки, а ведь туч нет? Да и Чара вроде крупнее обычного? – вдруг произнес Барх, задрав голову кверху.

Гожо что-то утвердительно замычал. Кейй, до этого следивший за игрой волн, последовал примеру кока. Удивительно, но небо действительно было пустым! Черное, как полотно, с замерзшим посередине круглым белоснежным блином.

– Нет, не заметил. Странно... Очень странно, – пробормотал маг.

Вообще сегодня всё происходящее казалось ему каким-то расплывчатым, ненастоящим, будто мираж или сон. Начиная с дарского мальчишки и заканчивая изменениями в природе.

– Ого! – воскликнул Гожо, и эхом за ним раздалась еще голоса. – Вы это видели!?

Кейй видел. И сам чуть не «огокнул». С черного полотна неба вдруг упала звезда. Просто взяла и упала! Словно кто-то приподнял темную тряпку и бросил в море сверкающий белый камень. Потом упала еще одна, затем еще, еще, еще и еще!

– Святой Оркус провидец и защитник... да спаси ты наши грешные души... – вполголоса забубнил Барх, не отрывая взгляда от пылающего неба.

Кейй и раньше видел звездопады, но чтоб такое!.. Тысячи, а может и миллионы! Целый дождь из звезд! Они белоснежной стеной загорались и падали вниз, освещая всё вокруг. Море превратилось в гигантское зеркало, жадно глотающее свет. Даже Чара померкла на фоне этого дождя.

Всё закончилось так же внезапно, как и началось. Небо вновь стало черным и безмолвным. Кейй не сразу заметил крошечные тусклые точки, появившиеся на нем. Пропавшие куда-то на двое суток звезды, вновь вернулись на свои законные места. Вот только казались теперь совершенно бесцветными.

– С-с-савит Кейй, что это было? – дрожащими губами спросил Барх. – Боги прокляли нас? О-о-о-о, беда грядет на Эву!..

– Успокойся, Барх! – прикрикнул маг на кока, хотя, наверное, больше для себя, чтобы вернуть уверенность, которая пала вместе со звездным дождем. – Боги тут совершенно ни при чем. Иногда звездопад – это просто звездопад. Люди слишком много лишнего приписывают тому, что не понимают и стараются во всем найти какой-то скрытый смысл.

– Знаешь, савит, чаще всего так оно и есть, – безжизненным голосом произнес Гожо. – Но в этот раз, мне кажется, ты ошибаешься. Готов дать голову на отсечение, если это не предупреждение Оркуса.

Что бы там ни сказал Кейй, думал он о том же самом. И страх, отражавшийся на лицах присутствующих мужчин, начал ядовитой змеей закрадываться в душу мага. Что-то надвигалось на Эву, и это что-то явно не самое хорошее.

Глава 3

Первый

о. Ардал

Вурадех, 3023 г.

Перед огромным окном, больше напоминающим стеклянную стену, в мягких, обитых красным бархатом, креслах сидели двое мужчин, лениво потягивая дорогое раторинское вино из хрустальных фужеров. Казалось, их только-только коснулась зрелость, прочертив первые неглубокие морщины и седину в черных и каштановых волосах. Однако это было обманчивое впечатление. В этих богатых апартаментах с видом на Орканов залив сейчас находились старики, прожившие на этом свете уже не одну сотню лет. Два самых влиятельных человека на Эве. Гран Кронус – глава Карающих и гран Бонифаций – главный Верховный маг – люди, диктовавшие политику в этом мире. Незаурядные магические способности позволяли им не только на протяжении долгих лет держать в своих руках безграничную власть, но и несколько веков удерживать жизнь в древних телах.

Смотря вдаль на ласкающие белый песок мягкие волны, мужчины молчали, будто именно для этого здесь и собрались. В просторной комнате слышалось лишь громкое тиканье высоких напольных часов.

В дверь постучали. Не произнося ни слова, гран Кронус изящным движением пальцев выписал в воздухе пару «па», после чего косяки, подбивавшие широкую двустворчатую дверь, заискрились. Когда неприятное щелканье затихло, задвижка вспыхнула и исчезла. Дверь радушно распахнулась, впуслав внутрь очень энергичного мужчину в длинном плаще. Его смоляные волосы были до блеска зачесаны назад, а кучерявая борода аккуратно заплетена в две тугие косички. Глубокий серый цвет глаз выдавал в нем мага.

Пока мужчина бодрым шагом шел в сторону окна, гран Бонифаций взмахнул рукой, и из дальнего угла подъехал круглый пуф.

– Какие новости, Талорк? – провожая взглядом гостя, поинтересовался верховный маг.

Усевшись на предложенный пуф, глава разведки посмотрел в голубые глаза Бонифация, а затем в зеленые Кронуса, после чего заговорил:

– Король Фостэйна в плохом состоянии. Врачи не могут понять, что за хворь его одолевает. Пока что мало кому известно о болезни короля. Однако это ненадолго. На данный момент он еще старается посещать большие мероприятия, но его личный лекарь поведал нашему человеку, что заболевание прогрессирует. Кончина короля Ларбимана не за горами.

– С таким образом жизни, что он вел, это неудивительно, – хмыкнул гран Кронус, отправляя в полет пустой фужер, медленно поплывший к стеклянному столику. – А что с его сыном? Говорят, мальчишка необычайно силен для своих лет. Вот только совершенно неамбициозен и слишком много внимания уделяет пустым вещам.

Густые черные брови Талорка начали собираться на переносице.

– По всей видимости, искусство обычных ремесленников и творцов юный принц не считает пустым. Он действительно очень много времени уделяет созерцанию творений гениев и прочтению всевозможных поэм бардов. Впрочем, это не мешает Айдану виртуозно смешивать все известные миру руны, создавая такие сочетания, которые ранее считались невозможными. Это могло бы вызвать беспокойство, но мальчик апатичен и совершенно не склонен к агрессии.

Что касается амбициозности... Вначале наши шпионы утверждали, будто бы в нем нет и капли стремления к власти, но последние события заставили в этом усомниться. Твой человек, Бонифаций, когда узнал о болезни Ларбимана, разговаривал с Айданом о будущем Фостэйна и о том, как он видит себя в нем, прозрачно намекнув, что с нами лучше дружить. При разговоре принц не выказал ни малейшей враждебности, был участлив и во всем соглашался. Только после того, как он распрощался с посланцем, за ним, как обычно, последовал уже мой человек...

– Неужели твой шпион исчез? – иронично спросил гран Кронус, изломав губы в кривой ухмылке.

– Нет. Не исчез. Он потерял память. Не помнит ничего с момента как прибыл в Кьунгонд. При этом повреждений ни на голове, ни на теле нет. Он просто забыл всё, что видел и слышал в замке.

Саркастичное выражение на лице Кронуса исчезло, сменившись задумчивостью.

– Быть может, подцепил какую-нибудь заразу, вызвавшую амнезию? – предположил он.

– Изначально и меня посещали подобные мысли, – ответил гран Талорк. – Но после этого случая мне вовсе перестали поступать доклады о положении дел в Кьунгонде. Точнее, они поступали, но докладами это сложно назвать. Сообщения не несли в себе совершенно никакой информативности. Почерк совпадал, однако привычные стили сильно отличались, словно мои люди записывали под чью-то диктовку. После тщательного расследования выяснилось, что у всех шпионов начались провалы в памяти. И они никак не связаны с органикой.

Подмешивание зелий или употребление веществ, вызывающих подобные симптомы, исключается, так как мои люди питаются исключительно пищей, приготовленной самостоятельно, из своих продуктов, которые проходят дополнительную магическую проверку. Дежурят они посменно и в замке Кьунгонда не ночуют. Поэтому версия, что в их покоях могли что-то распылить, также исключается.

Вдобавок ко всему прочему, мы обнаружили интересную вещь. Мне даже потребовалось обратиться в исследовательский технический центр. На записывающих устройствах, которые всегда находятся при наших шпионах, стерто очень много данных. Изначально на них не было ничего с того самого момента, как они находились в Фостэйне. Затем пропадали лишь точечные данные. Гран Мюрас лично занялся этим вопросом. По его словам, невозможно что-либо

стереть с кристаллов Эрорра. Лишь полностью уничтожить их. Однако факт остается фактом, кто-то сумел это сделать. Теперь в Центре проводят эксперименты на кристаллах.

Глава разведки замолчал, наблюдая за нахмурившимися лицами своих соратников. Тишину нарушало размеренное тик-так старых часов, задававших метрономный ритм мыслям первых людей Эвы.

– Не знаю как с вашими кристаллами, но провалы в памяти очень сильно напоминают работу отдельных уникамов у фархаров, – поделился своими соображениями Бонифаций.

– Филморфаты фархаров могут влиять на эмоции, но не на мысли и память, – отмел предположение друга Кронус, неотрывно смотря в одному ему ведомую точку и поглаживая коротко стриженную каштановую бородку. – К тому же, нахождение их на Материке невозможно, вам и самим это прекрасно известно.

Глава Наказующих замолк. И Бонифацию, и Талорку казалось, будто в его голове, как обычно, сейчас проносятся тысячи идей и вариантов всего произошедшего в Фостэйне, просто он не озвучивает свои мысли вслух. Однако у Кронуса крутилась единственная мысль, точнее, одно навязчивое смутное воспоминание из далекого уже практически забытого детства.

Еще в начале своего жизненного пути, во времена обучения в Ардальской Академии Магии, он часто навещал одного старика, в то время являющегося зрителем замка, а ранее всю жизнь работающий в самой большой библиотеке мира, на острове Криста. Юному Кронусу тогда казалось, что старик знает всё на свете. Его неиссякаемые истории никогда не повторялись. Все они страшно интересовали пытливого ум перспективного молодого мага.

Многое гран Кронус, конечно же, забыл. Но когда Талорк рассказал про принца Айдана, в памяти невольно шевельнулось смутное воспоминание. Глава Карающих старательно пытался воспроизвести его полностью. К сожалению, в голове всплывали лишь несколько слов: «Четырехконечная звезда. Сын Темных, сын Стихий, сын Спящих и сын Светлых». Особенно сильно сердце начинало волноваться в неприятном предчувствие на словах «сын Темных». Нечеловеческая интуиция и чутье на запутанные истории никогда не подводили главу Карающих. Изменять своим привычкам и не прислушиваться к их громким голосам он не собирался.

– Кто сейчас зритель в Академии Магии? – спросил Кронус.

По взметнувшимся черным бровям Талорка стало понятно, что вопрос его удивил.

– Не знаю. Выясним.

– И пришли ко мне самых лучших историков Ардала. Желательно тех, кто очень много времени провел в библиотеке на Кристе.

– Хорошо. А зачем? – всё также непонимающе спросил Талорк.

Гран Кронус поднялся со своего удобного мягкого кресла и прошел к горящему камину, расположенному напротив окна. Взяв кочергу, он начал медленно копошиться в уже прогоревших углях, задумчиво созерцая пламя.

– Надо кое-что проверить.

Фостэйн, Къюнгонд

3023 г.

Мерод Люхтерстейн мерзливо скукожился на большом камне с обколотыми краями. Впереди, на самом краю обрыва, сидел широкоплечий парень. Он уже несколько часов подряд смотрел на горизонт неба, спаянного с темным морем. Фигура его была неподвижна, напоминающая статую медитирующего монаха. И лишь правая рука, еле заметно играющая пальцами в воздухе, выдавала в нем живого человека.

Обдуваемый всеми ветрами шестнадцатилетний Мерод уже посинел от холода. Его колодила крупная дрожь, а зубы отбивали задорный чечеточный ритм.

Молодой Люхтерстейн был влиятельней, чем кто-либо в его беднеющем роду. Во-первых, он являлся савитом. Во-вторых, уже в таком юном возрасте Мерод получил свои собственные земли. И самое главное, в-третьих, он был правой рукой мальчика, который сейчас сидел на утесе к нему спиной.

В возрасте десяти лет савиту Мероду Люхтерстейну посчастливилось стать лучшим другом принца Айдана III. С тех пор он горя не знал, если не считать маленькие неприятности, вроде нахождения на этом холодном утесе. Однако Мерод всегда считал, что лучше быть богатым верным спутником будущего короля и молча терпеть его странную любовь к странностям, чем быть бедным никому не нужным аристократом, сидящим в «худом» тепле.

Сейчас же продрогший до костей Мерод отчаянно боролся с яро атакующим его сном. Он то и дело выпрямлял спину, чтобы скинуть дрему, и попутно закутывался в не очень-то и теплый плащ. Всё было тщетно. Через несколько секунд сонная одурь и холод сгибали его в три погибели. Синяя накидка савита с вышитым золотым львом на спине была подбита мехом, но даже она не спасала от ледяного морского ветра.

Неожиданно возникли новые звуки, напоминающие хлопанье гигантских крыльев. Они исходили откуда-то снизу обрыва и с каждым новым хлопком становились всё громче и громче. Сон Мерода как рукой сняло. Он резво спрыгнул с камня, готовый в любой момент прийти на помощь принцу.

Что-то огромное стремительно приближалось, однако Айдан III по-прежнему сидел неподвижно, лениво поигрывая пальцами правой руки. Взволнованный Мерод поспешил к принцу. Ему оставалось пару шагов, как из-за утеса показалось настоящее чудовище. Кожаные крылья с двадцатиметровым размахом, отливающая расплавленным металлом ярко-красная чешуя, острые рога, тянущиеся от пускающих дым ноздрей до кончика мощного раздвоенного хвоста, янтарные глаза с горизонтальными прямоугольниками зрачков. Дракон!

О том, что драконы – миф, Мерод как-то даже и не вспомнил. Страх и сильнейшие порывы ветра, создаваемые крыльями ожившей легенды, опрокинули мальчика на землю. Совершив последний взмах, дракон огромной красной глыбой приземлился на скалу, заставив ее задрожать. Чудовище гордо выпрямилось и свысока посмотрело на перепуганного Люхтерстейна. От пронзившего насквозь ужаса мальчик перестал чувствовать собственное тело.

– Ну как? – пробила до его сознания непонятная фраза.

Мерод даже не определил, откуда она исходила.

– Что же ты молчишь? Как тебе дракон?

Вот теперь юный савит понял, что это говорит принц. Крылатый монстр преспокойно сидел на своих когтистых лапах и с легкой дремой в глазах смотрел прямо на Мерода. Боясь, как бы чудовище не напало, он, едва раскрывая рот, прошептал:

– Ваша Светлость, дракон.

– Да. Дракон. Так как он тебе? – полюбопытствовал принц.

Мерод скосил глаза, чтобы увидеть Айдана (он всегда знал, что будущий король смел и бесстрашен, но чтоб не испугаться такого чудовища!..). Удивительно! На лице принца играла лучезарная улыбка!

– Ваша Светлость, дракон! – чуть громче зашипел Мерод, переживая, что Айдан не понимает, о чем идет речь.

Но королевский сын улыбнулся лишь шире.

– Это хорошо. Значит, всё выглядит убедительней, чем я ожидал. Ох, да не бойся ты так! Это всего лишь иллюзия.

До Мерода новость дошла далеко не сразу. Он заторможено смотрел, как принц поднимается с земли и подходит к этому кошмару во плоти. Недвижимый дракон вдруг ожил и покладисто приблизил жуткую морду к рукам Айдана. Будущее династии изучающе осматривал монстра, поглаживая того по носу. Пара взмахов длинными пальцами в воздухе, и чудовище стало

еще реалистичнее. Если до этого рубиновая кожа была похожа на ребристую броню, то теперь стала видна каждая чешуйка, отражающая тусклый свет Илара кровавыми огоньками.

С самого начала знакомства с принцем, Мерода всегда поражало его мастерство. Будучи лучшим другом и вечным спутником Айдана, савиту Люхтерстейну было известно больше, чем кому бы то ни было. Он знал, что уже в столь юном возрасте наследник престола способен победить взрослого сильного мага. Но не это самое удивительное в Айдане III. Он обладал такими способностями, коими не обладал никто в мире!

Принц Фостэйна мог внушать мысли другим людям! Он мог заставить забыть или вспомнить, посеять в чужом сердце любовь, ненависть или вечную преданность, мог населять память ложными воспоминаниями. Одним словом, он мог всё! И Мерод считал, что это предел. Предел не только Айдана, но и всех магов мира. Оказывается, нет. Перед ним сейчас предстало доказательство поистине великого могущества Айдана III.

– Ваша Светлость!.. Это... Это уму непостижимо! – поднимаясь с земли и осторожно подходя к дракону, воскликнул Мерод.

Он неуверенно потянулся к шипастому носу дракона, желая потрогать иллюзию. Но спокойно стоящее животное неожиданно клацнуло огромными челюстями, издав агрессивный рычащий звук. Мерод инстинктивно прижал руку к груди и отбежал на пару шагов, не сразу услышав смех принца.

– Ладно, можешь погладить. Не бойся, – отсмеявшись, разрешил Айдан. – Да подойди! Хватит трусить.

Сопровождаемый внимательным взглядом Айдана, Мерод без колебания подошел к дракону, дотронувшись до его прохладной слегка влажной кожи. Восхищенно посмотрев на улыбающегося принца, Люхтерстейн не смог удержаться от восклицания:

– Как будто настоящий! Когда вы научились этому?

– Сегодня. Вчера ночью я читал роман Клармена «В долине покоя». И там описывалась невероятно красивая сцена появления драконов, которые спасли гонимого королевской стражей савита. Я тогда подумал, что было бы здорово, если бы драконы жили и в наше время. Эта идея так меня увлекла, что идея попробовать создать этого огромного красавца возникла сама собой.

– Но как? Как вы это делаете?

Прежде чем ответить, Айдан сел на землю и, потеряв интерес к дракону, начал щекотать в воздухе невидимый шар. На его ладони расцвел прекрасный несуществующий цветок, который через несколько секунд превратился в миниатюрный замок. Принц разглядывал каждую башенку и оконце, то и дело что-то подправляя, изменяя и дополняя.

– Всё очень просто, Мерод. Необходимо соединить проекционные руны, стихийные нити астрала и энергию из своего Источника...

– Источника? – удивился Люхтерстейн, так что его рука безжизненной плетью сорвалась с морды застывшего дракона. – Но ведь нельзя использовать энергию своего Источника. Это же верная смерть для мага.

– Если нельзя им пользоваться, то зачем он тогда нам дан?

– Чтобы мы могли творить магию!

– А разве Источник – это не магия?

– Да, но... – замялся Мерод. – Источник – это наша жизненная энергия, и если мы его используем, мы теряем свою жизнь.

Айдан III тихо захихикал.

– Не стоит верить всему, что говорили тебе в Академии. Ничего мы не теряем. Источник – это всего лишь клубок энергий. Нет большой беды в том, что мы возьмем из него немного. На то он и Источник. Всё восполняется. В крайнем случае можно взять немного у матери-

природы. Она полна самых разных энергий. Твоя проблема в том, Мерод, что на мир магии ты смотришь через щелочку, когда пора бы уже открыть дверь.

– Я смотрю так же, как и другие савиты... – слегка расстроился Люхтерстейн.

Схлопнув сменяющиеся одну за другой фигурки, Айдан укоризненно посмотрел на своего друга.

– Тогда и дальше продолжай смотреть так же. И из тебя получится еще один унылый маг. Слабый и бесполезный, но мнящий о себе, что он сам Оркус, раз умеет делать пару фокусов.

– О, нет, нет! Я не хочу таким быть! Но я далеко не так силен, как вы, Ваша Светлость, да и магия пробудилась во мне намного позднее, чем в вас.

– Мерод, не ищи себе оправданий, – поднимаясь с земли и направляясь в другую сторону от обрыва, категорично заявил Айдан. – Ну и что, что магия в тебе пробудилась год назад? Главное, желание развиваться. А ты похватал верхов, изучив руны, и всё. В глубину лезть не хочешь. Боишься.

Не оглядываясь, Айдан III взмахнул рукой. Догоняя принца и периодически оборачиваясь на быстро исчезающего дракона, Мерод слегка оскорбленно ответил:

– Вам легко говорить, Ваше Высочество. Когда есть такая прорва Сил, как у вас, всё кажется простым. Я видел вашу ауру, она ярче, чем у многих взрослых магов. Да что там говорить, это самая яркая аура, которую я когда-либо видел!

– В этом ты прав, Мерод. Но тебя Оркус тоже щедро одарил. И теперь всё только в твоих руках. Ты можешь стать сильным, отличающимся от всех остальных, магом, либо обычным фокусником.

Следуя по затерявшейся в густой траве тропке, бежавшей через огромное поле, Мерод задумчиво посмотрел вдаль. Впереди расстилалась лишь живая зеленая пшеница, под мощными порывами ветра превратившаяся в шелковое море. И только на горизонте выписывались крохотные башенки Белого замка.

– Вот только как это сделать, если учат меня фокусники? – негромко произнес савит Люхтерстейн.

Айдан еле заметно улыбнулся, после чего похлопал по плечу своего друга.

– Судьба не зря свела тебя со мной. Я не говорю, что буду твоим учителем, так как точно знаю, что это не мое призвание. Но ты можешь наблюдать за мной и задавать вопросы. В помощи я тебе не откажу.

Такого подарка Мерод точно не ожидал. Он с надеждой посмотрел в ярко-синие глаза принца и, лучезарно улыбнувшись, даже остановился, чтобы поклониться.

– Это большая честь, Ваше Величество! Я безмерно благодарен вам.

– Хорошо, что тебя не слышит мой отец, иначе ты бы уже был казнен, – засмеялся принц. – Хотя матушка, бесспорно, пришла бы в восторг.

Мерод лишь пожал плечами.

– Король скоро покинет мир. Это всем известно. Вы будете лучшим правителем, чем он.

Айдан улыбнулся. Люхтерстейн знал, что любви между королем и принцем никогда не было. Ларбиман относился к Айдану исключительно как к наследнику престола. Они слишком разные, да и к тому же король плохо обходился с матерью своего сына. Он отлучал ее от двора, заводил множество любовниц. Был момент, когда правитель Фостэйна отобрал родовые земли ее семьи. Впрочем, позднее они были возвращены, но Айдан помнил каждую слезу своей матери, каждую разлуку с ней. Из-за всех этих жизненных перипетий она всё чаще болела, и это сильно беспокоило принца. Поэтому Мерод несколько не удивился заигравшей на лице наследника улыбке.

– Ты так считаешь?

– Я это знаю, Ваша Светлость. Уверен, вы заставите говорить о себе мир. Фостэйн расширит свои границы. А Ардал будет считаться с вами. Придет время, вы и вовсе свергните с престола Эвы Правителей.

Айдан благоговейно набрал полную грудь чистого свежего воздуха.

– Ты говоришь глупые, но очень приятные вещи, Мерод. Очень приятные... – тихо мурлыкнул принц, задумчиво глядя на горизонт.

Посреди огромного сада, где несимметричными горстями росли аккуратно подстриженные кусты, раздавался громкий гомон и звонкий смех молодых женщин. Их одежда рябила дорогими разноцветными тканями. А шеи, руки и мочки ушей сверкали камешками и драгоценными металлами.

Причина столь шумного скопления в королевском саду крылась в маленькой хрупкой женщине, которую кругом обступили самые богатые дамы Фостэйна. Мадам Ви – главная парфюмерщица Кьонгонда. У нее не было лавки, где она открыто торговала бы своими эксклюзивными духами. Поэтому ее редкие визиты в замок, раз в несколько месяцев, расценивались как настоящие праздники. Мадам Ви была так хороша в своем деле, что у нее раскупали всё до последней пинты и самого крохотного флакончика.

Вот и сейчас молодые женщины громко обсуждали новые ароматы, делясь мнениями, а некоторые уже и своими деньгами.

Айдан и Мерод стояли под сенью виноградных лоз, наблюдая за происходящим издалека. Стоит женщин пустить в их рай ярких тряпок и дорогих запахов, как они перестают замечать всё на свете. Так и принц со своим другом стали совершенно невидимы для дам.

– Они как бабочки, не правда ли, Мерод? – негромко произнес Айдан. – Так прекрасны и так глупы.

– Глупы, Ваша Светлость?

– А ты видел умных бабочек?

– Я... Нет, Ваша Светлость, не видел. Признаться, я не часто наблюдал за бабочками.

– А я наблюдал. Бабочки летят на самый яркий, самый красивый и самый душистый цветок. И даже если он ядовит, бабочки на него садятся. Мы для них тот самый цветок. Кто богат, тот и душист. Неважно, что ожидает их после – смерть, нищета, позор. Они всё равно рвутся к самому богатому, к самому знатному, к самому могущественному. А для нас это всего лишь бабочки. Той, что краше остальных, мы разрешим подольше пить нашего нектара. Но она неизменно будет изгнана или съедена, ведь в мире слишком много других великолепных экземпляров.

Глядя на этих красивых женщин, Мерод был яро не согласен с мыслями принца.

– Но ведь и у бедных мужчин есть жены, – озвучил свои мысли Люхтерстейн.

– Есть. Некрасивые. Либо очень глупые.

– Отчего вы так категоричны, Ваша Светлость? А как же любовь?

Мерод посмотрел на принца и увидел, как тот обнажил белоснежные зубы в насмешливой улыбке.

– Ты веришь в любовь, Мерод? Любовь бывает лишь в книгах да песнях. Есть страсть, влечение, томление. Восхитительные чувства! Нет ничего прекрасней на свете этих сладостных переживаний. Но любви нет. Есть лишь любовь материнская и братская. Она вечна. Не бывает такого, чтобы мать вдруг разлюбила свое дитя. А посмотри на мужа и жену, что клялись в любви. Что происходит через пару лет, когда желание утолено, а страсть уж прогорела? Они ищут других глаз, стремятся в чужие объятия. А мать никогда не предаст своего ребенка.

Обычно выражение лица Айдана III было отрешенным, с одухотворенными нотками безразличия ко всему окружающему. Сейчас же Мерод видел, как брови принца собрали складки

на переносице, а в глазах появилась жесткость и суровость. Люхтерстейн догадывался, что всё дело в матери Айдана, точнее, в ее тяжелой судьбе при дворе.

– Не могу с вами согласиться, Ваша Светлость, – слегка покачал головой Мерод. – Мы видели не так много за свои пятнадцать лет, чтобы размышлять о таких сложных вещах.

– Я повидал достаточно, Мерод. И у меня есть все основания, чтобы говорить об этом.

Юный Люхтерстейн не имел привычки спорить с принцем, когда он впадал в такое мрачное расположение духа. Савит уже хотел выразить свое невнятное согласие, как Айдан неожиданно встрепенулся, и его плохое настроение бесследно упорхнуло.

– Хотя никогда ведь не поздно поменять свое мнение. Я вполне допускаю, что одно из этих прекрасных созданий когда-нибудь очарует меня настолько, что я соглашусь не просто взять ее в жены, а дать клятву перед самим Оркусом. Посмотри на этих сказочных фей. Какая из них самая красивая?

Сложно было выбрать какую-то одну даму. При первом взгляде Мерод и вовсе почувствовал растерянность. В глазах рябило от красок платьев и блеска драгоценностей, словно перед самым носом запустили фейерверк. Но при более детальном рассмотрении, юный Люхтерстейн начал вычленять лица, которые казались ему милевиднее прочих. Многих из девушек и женщин Мерод знал, как в общем-то и сам принц, поэтому тыкать пальцем не пришлось.

– На мой взгляд, грана Фиорелла выделяется на фоне остальных, – отметил Люхтерстейн, рассматривая уже не юную, но совершенно не потерявшую свою прелесть статную женщину в темно-фиолетовом платье с очень пышной юбкой, делавшей ее талию осиной. На груди грани сверкала крупная брошь, усыпанная мелкими бриллиантами, вокруг которой клубились целые этажи черных рюш и оборок с вшитыми перламутровыми жемчужинами.

– Угу... А кто еще? – пристально разглядывая одну из самых влиятельных дам при дворе, заинтересованно спросил принц.

Взгляд Мерода упал на более молодую женщину в платье цвета спелого лимона. Ее смоляные волосы были зачесаны в высокую аккуратную прическу. Лицо дамы так сильно покраснело от возбуждения, что придавало ему невероятную нежность и свежесть. Особое внимание привлекала длинная тонкая шея, которую подчеркивало ожерелье из редких драгоценных камней тааффеитов.

– Лира Валенсия тоже хороша, – предложил Мерод.

– Так. Еще кто?

– Лира Виктора... Лира Брид... Баронесса Деифилия – чудные глаза. Баронесса Ксимена, баронесса Раймонда. О, конечно же, лира Доминика!.. Ваша Светлость, мне и дальше перечислять?

– Нет, нет, Мерод. Я уже все понял.

Люхтерстейну не понравилось, как Айдан это сказал, словно он уличил его в чем-то нелицеприятном.

– Что именно вы поняли, Ваша Светлость?

– Ты ничего не понимаешь в красоте, мой друг. Ты один из тех, кого женщины с легкостью могут обвести вокруг пальца.

– О чем вы?

– Ты назвал мне имена женщин, которые, безусловно, пользуются популярностью при дворе. Они считаются красавицами. Если на них посмотреть, и правда кажется, что они неотразимы. Но при более внимательном взгляде, можно увидеть, что не так уж и идеальны эти женщины. Они с легкостью нас обманывают. В их лицах нет свежести. Это не румянец на их щеках, а легкая пыль цветной пудры. Практически ни у одной из них нет такого насыщенного черного цвета бровей и ресниц – это проделки обыкновенной сурьмы. Их губы не так сочны и яркие, как кажутся изначально. Всему виной губная краска. А про фигуры и вовсе не стоит говорить. Совершенно непонятно, что скрыто под всеми этими пучинами оборок и дополни-

тельной сотней юбок. Даже если тебя одеть в одно из этих платьев, ты мог бы выглядеть вполне женственно.

От подобных новостей на Мерода вдруг навалилась необъяснимая тоска. Он внимательней присмотрелся к прекрасной баронессе Деифилии и понял, что ее невероятно красивые глаза, которыми он втайне восхищался, считая, что прекрасней их не существует, подведены двумя черными линиями.

– И как теперь быть?

– О! Не стоит отчаиваться, мой друг! – весело подбодрил принц. – Эти дамы очаровательны, но не настолько, насколько хотят показаться. Однако есть и те, которые наделены поистине волнующей красотой.

– И как же их вычислить?

– Глазами! Как же еще? К примеру, посмотри на ту девушку.

Мерод глянул на принца, чтобы понять, куда устремлен его взгляд. Айдан с блеском в глазах рассматривал совсем еще юную особу, одиноко сидящую в беседке. Она была одета куда более скромно, чем все остальные барышни в саду. Бежево-белое платье без пышной юбки плотно обтягивало хрупкую фигурку. С ее плеч то и дело сползала тонкая дымчатая шаль, оголяя покатоое аккуратное плечико. Девушка постоянно поправляла ее и, казалось, очень сильно смущалась при этом. Смоляные волосы не были убраны в модную прическу, а ниспадали на ровную спину переливающимися волнистыми прядями. Лишь нежный белый цветок украшал ее прекрасную головку. Кожа девушки отливала легким загаром, что считалось так немодно при дворе. Впрочем, это совершенно не портило ее идеальные черты, скорее, наоборот, придавало некий налет экзотичности невинному личику.

– Как зовут это прекрасное создание? Почему я ее не знаю? – сокрушался Айдан, не в силах оторвать от девушки взгляда.

– Это Адоринда Бармор, дочь барона Сегела Бармора, – узнав красавицу, ответил Мерод. – Барон приехал почтить своим визитом короля и прихватил с собой дочь. Наверняка чтобы ее кто-нибудь заметил из придворных. По слухам, его дела идут не лучшим образом. Кто-то поговаривает о полном разорении рода Барморов.

Принц ухмыльнулся.

– Что ж... Барон оказался невероятно дальновиден. Его дочь приметили... Сколько лет прекрасной Адоринде?

– Она на два года старше вас, Ваша Светлость.

– Семнадцать... – задумчиво протянул Айдан. – Что ж, у нее есть еще четыре года, чтобы расцвести.

Мерод не смог скрыть удивления.

– Вы будете ждать ее совершеннолетия, милорд?

– А как же иначе! Зачем рвать цветок, пусть он даже так прекрасен, когда совсем скоро из него вырастет несравненно сладкий плод? К тому же, куда спешить. Мне самому еще предстоит многому научиться. Зная же теперь нелегкое положение рода Барморов, от королевской семьи они получат небольшую помощь.

На несколько секунд повисла тишина, во время которой савит Люхтерстейн неотрывно созерцал будущего короля. Он знал, что у Айдана уже был и есть любовные опыты с женщинами. Так что его щепетильность в отношении незнакомой баронессы казалась ему несколько дика.

– Я, наверное, никогда вас не пойму, Ваша Светлость, – вздохнул Мерод.

– Мы не пойдем чужие сны.

Нам не понять чужих поступков.

Они бывают очень злы,

Ну, а бывают крайне мудры.

Нас сотни душ, сотни миров,
И в каждом есть загадки, тайны.
Сплетясь, они рожают свой мотив
Неповторимый... Филигранный...
Мы ищем взгляд в толпе людей,
Надеясь встретить свой, манящий.
С Родной чтоб поделиться всем,
Чтоб даже горе стало слаще.
Но миром правит не душа,
Не ей подвластен наш рассудок.
Нас плоть толкает жить спеша,
Жить во грехе, не замечая суток.
Прекрасными телами заполняем век.
Богиням мы целуем ноги.
Но я всего лишь человек,
Судить за это будут боги!

– Красиво. Кто это написал?

– Иолант Бермудо. Книга «Тысяча жизней». Мы всего лишь люди, Мерод. Так что будем наслаждаться человеческими страстями и радостями. Оркус нам судья. Пусть неотразимая Адоринда на четыре года станет моей мечтой... Как сладостно будет томление! Буду учиться ждать. К тому же, в мире столько всего, что так хочется посмотреть. Ты слышал о Запретный Лесах?

– Кто ж о них не слышал, Ваша Светлость, – хмыкнул Люхтерстейн, наблюдая, как начали спорить лира Брид и лира Доминика за один флакончик какого-то, очевидно, восхитительного аромата.

– Я хочу там побывать. И ты должен мне помочь обмануть всех.

Сначала Мероду показалось, что он ослышался, но посмотрев на абсолютно серьезного принца, понял, что ошибся. Юный Люхтерстейн готов пойти за Айданом III и в огонь, и в воду, выполнить любой его приказ или просьбу, но многие вещи просто невозможно исполнить. Где это видано, чтобы наследник престола (в одиночку!) покинул королевство в то время, когда король при смерти!?

– Как, Ваша Светлость?

Почувствовав готовность друга помочь, Айдан тут же вновь вернулся в свою беззаботную легкую манеру общения.

– Всё до абсурда просто. Для начала я прикинусь больным. Конечно же, мне тут же вызовут врачей. Я внушу им, что у меня страшная заразная болезнь. Сразу объявят карантин. Меня запрут в покоях, куда доступ будут иметь лишь лекари. Естественно, матушка не выдержит и тоже побежит меня навещать. К сожалению, как бы мне не ни хотелось, но придется ей тоже внушить пару мыслей. После этого я покину Фостэйн и отправлюсь в Запретные Леса. Твоя задача – Ардал. Как только пройдет слух о болезни наследника, Правители отправят своих людей. Вряд ли они захотят видеть меня лично (никто не хочет соприкоснуться с заразой), поэтому будут задавать вопросы лекарям и тебе. Так как ни для кого не секрет, что ты приближенный ко мне...

После этих слов Мерод поклонился принцу, почувствовав волну радости.

– Ты должен говорить, что чувствую я себя нормально, магия моя в полном порядке, но тело отчего-то покрылось язвами, – продолжил принц. – Скажешь, что один из слуг прикоснулся ко мне, после чего умер через несколько часов. Мол, из-за этого, кроме врачей, я никого к себе не подпускаю.

– А зачем говорить, что вы чувствуете себя нормально?

– Мы живем в жестоком мире, Мерод. Мой отец слаб, а я уже считаюсь довольно сильным магом. Если Фостэйн потеряет последнюю силу в моем лице, его разорвут на части соседние королевства. А может быть, и сам Ардал. Я не могу рисковать своим будущим.

– Так, может, тогда не стоит отправляться в Запретные Леса? – осторожно предложил Люхтерстейн.

– Нет, Мерод, – отрицательно покачал головой принц. – Если я сейчас там не побываю, я не побываю там никогда.

Эта рискованная авантюра всё равно не нравилась Мероду, но он понял, что намерения принца тверды как камень.

– Сколько же вас не будет, Ваша Светлость?

– Думаю, где-то полгода, может быть, год.

– Полгода-год!? – не смог сдержать восклицания Люхтерстейн. – Ваша Милость, вряд ли мне удастся усыплять бдительность ардальских послов так долго!

– Не переживай, мой друг. Для них у меня тоже заготовлено несколько сюрпризов. Думаю, на год их хватит.

Глава 4

Второй

*Султанат Керибюс,
столица*

3023 г.

Как понять, хорошо ты живешь или плохо, если с рождения видел лишь один накатанный сюжет? Может ли человек, родившийся в тюрьме, проживший большую часть жизни за семью замками и никогда не слышавший о свободе, желать этой самой свободы? Зачем ему большой неизвестный мир, когда есть свой, маленький и хорошо знакомый? Для него же это самое что ни на есть нормальное и привычное.

Так уж устроено большинство людей. Они боятся выйти за рамки дозволенного, за границы, которые очертил до них тот, кто смог преодолеть страх и шагнуть чуть дальше. Всегда, во все времена, существовали и будут существовать Другие. Странные личности, которые вызывают непонимание, а оттого и острую неприязнь. Но именно они станут теми, кто выйдет за пределы стереотипов и закаменелых догм. Эти люди освобождают, показывают новые горизонты. Однако, чтобы принять их взгляды, требуется время. Из-за этого многие смельчаки остаются не поняты в свое время.

– Эй, Белый, тебя Атонах ищет! – сквозь шум прибоя запорхал звонкий мальчишеский голосок.

На окрик обернулся совсем не белый, но, если сравнивать с остальными жителями Эвы, более светлый мальчишка с пепельными волосами. Он сидел на высоком черном валуне, «росшем» из океана. Пенистые волны врезались в его каменистую твердь, разбиваясь миллионами сверкающих брызг, влажной моросью укутывая лицо Белого. Его волосы были словно выжжены палящими эссорскими лучами Илара и казались бесцветными. Кожа паренька отливала золотистой бронзой, а невероятные голубые глаза настолько ярко выделялись на лице, что некоторые уверяли, будто временами они светятся.

Мальчишку звали Дамаск. Но мало кто обращался к нему по этому имени. Впрочем, там, где он вырос, вообще редко кого называли своим именем. В кругах, в которых вращался мальчик, все, от мала до велика, имели клички, словно собаки.

«Ищет? Зачем?», – про себя подумал Дамаск, соскальзывая в теплый океан.

Он не спеша плыл в сторону берега, где вертелся суетливый чернявый мальчонка, который никак не мог устоять на месте, переминаясь с ноги на ногу, будто его кололи иголками в пятки.

– Ты б поспешил, Белый! – тут же зазвенел он, стоило Дамаску выйти на белоснежный песочный пляж. – Не в духе он сегодня чего-то.

Уж кого-кого, а короля Дна Белый не боялся. Мальчик относился к числу золотых деток Атонаха, которых он усердно собирал по всему Керибюсу. Покровитель воров, убийц, шарлатанов и падших женщин главную ставку делал на светлоглазых детей. Свой баснословный доход он планировал увеличивать не только с помощью грабежей и обмана, но и благодаря магии.

Всего таких золотых подопечных у Атонаха было трое. Первому, по имени Бирм, недавно стукнуло четырнадцать лет. Вторым считался десятилетний Дамаск. А третий – пятилетний Ганс.

– Это он для тебя не в духе, Шлепок, – беззлобно хмыкнул Белый, но, увидев под глазом мальчишки фиолетово-зеленый фингал, враз посмурнел: – Кто это тебя?

Шлепок зачем-то дотронулся до синяка и тут же болезненно сморщился, наблюдая, как Дамаск подходит к валяющейся на песке выцветшей коричневой жилетке с оттопыренными карманами и, подняв, напяливает ее поверх мокрой льняной рубашки с красными отворотами.

– Ах, это... – с грустью протянул Шлепок, вприпрыжку засеменяв за старшим товарищем, когда тот пошел в сторону города. – Да это Скребок всё!

– За дело?

– Да не особо.

– Чего сделал-то?

Шлепок крайне выразительно вздохнул. Дамаску очень не нравилось, что тщедушного восьмилетнего мальчишку, шпыняют и бьют все кому не лень. Шлепок был кем-то вроде посыльного у Атонаха. Он целыми днями носился по всему Керибюсу, передавая послания для младших членов гильдии. А так как приказы главаря часто оказывались не самые приятные для исполнения, Шлепок огребал от старших ребят, которым требовалось излить на кого-нибудь свое негодование.

Дамаск, отрицающий жестокость, решил поступать по совести и справедливости. Он разбирался с обидчиками Шлепка, пользуясь авторитетом приближенного к Атонаху. Благодаря этому мальчишку почти перестали трогать. Так что сегодняшней инцидент даже слегка удивил Белого.

– Да его к Щербету нужно было. Я передал, а он как врежет, – печально пояснил Шлепок, почесав грязное плечо, выглядывающее из-под рваного рукава засаленной желтой рубахи.

Дамаск ощутил, как в нем поднимается злость на неизвестного Скребка. Захотелось раздавить этого поганца. Чтобы хоть как-то поддержать расстроенного гонца, Белый вытащил из кармана горсть маленьких леденцов и протянул Шлепку. Лицо оборванца озарилось, словно ему предложили мешок сокровищ. Он жадно сгреб конфеты в грязную ладошку, одну принял суетливо распечатывать, а остальные засунул в карман черных штанов.

– Скребок это кто? – спросил Дамаск.

– Да он этот... Из Шакалов. Под Зверем ходит! – смачно рассасывая лимонный леденец, сильно раздувший его щеку, объяснил Шлепок.

Белый мысленно перебрал в голове всю банду Шакалов, но так и не вспомнил никакого Скребка.

– Почему я его не знаю? – нахмурился он.

– Так недавно он потому что к нам прибился. Он с Ехаира. Здоровый такой. Лет тринадцать ему, наверное. Шнобель еще такой, будто лопатой ему плашмя рубанули. Шрам у него на пол-лица рваный. От сих до сих, – мальчонка провел пальцем от нижнего века правого глаза до середины нижней челюсти. – Гномья отрыжка... Думаю, дарс он.

Мальчишки вышли из скального ущелья, разделяющего океан и город. Запомнив для себя все приметы, Дамаск, прищурившись от вышедшего из-за облака Илара, глянул на показавшийся вдалеке Керибюс с его бело-желтыми домами. Он на мгновение задумался, как лучше проучить этого Скребка: просто начистить ему пятак или оставить еще один шрам на его дарской физиономии?

– Слушай, Шлепок, а где сегодня Шакалы работают? – как бы между прочим спросил Дамаск всезнающего посыльного.

Мальчишка, сладко причмокнув, сначала перекатил конфету с одной щеки за другую, и только после этого ответил:

– В город какой-то богатый дядечка приехал. Охраны с ним, как пыли. В Дикой Розе он остановился. Так Шакалы его там пасут. Им велено всё до последнего волоса у него забрать. Там, в общем, по обычной схеме запланировано, только в этот раз Атонах еще приказал комнату его обшарить. С бабой Розой он договорился уже...

Баба Роза – хозяйка постоялого двора «Дикая Роза». За нескромную плату она раз от раза предоставляла людям главаря Гильдий Керибюсского Дна ключики от некоторых комнат своих постояльцев. Как уж потом хозяйка выкручивалась от наездов обворованных клиентов, для всех оставалось тайной. Но баба Роза была не простой бабой и знала где, кому и как нужно прищемить самое ценное, чтобы от нее отстали. Хотя в общем-то и бабой она совсем не была. Простая женщина тридцати девяти лет, вот только язык у нее был, как лезвие, да еще волосы рыжие, словно огненное пламя. Наверное, поэтому Роза единственная к кому Атонах не смог остаться равнодушным.

– А Скорпусы сегодня где? – спросил Дамаск.

Симпатии к Шакалам он не питал. Все участники этой банды полностью оправдывали свое название. А вот Скорпусы были Белому по душе. Хотя преобладающее большинство в воровской гильдии их терпеть не могло за переваливающую все мыслимые границы чрезмерную задиристость и драчливость.

– Их сегодня старшие гоняют, – беззаботно ответил Шлепок, пнув попавшийся под ноги круглый гладкий камешек.

– Кто именно? – поинтересовался Дамаск, подхватывая пинком каменный мячик.

– Бурые.

– На кой?

– Так через два дня Бурые в Верхний Керибюс отправляются. Прошел слухок, что баронесса Брохинь уезжает из города. Вот Атонах и решил почистить ее гнездышко. А ты сам знаешь, как у этих баронов дома всякой дрянью напичканы. Да и охраны там останется сорок сороков. Скорпусы же у нас самые шустрые, вот их и прикрепили к Бурым. Еще, кстати, Черного запрягли. Может, даже Щербета отправят. Говорят, у этой Брохинь в подвале...

До самого Керибюса Шлепок рассказывал, что есть в доме баронессы, кто она вообще такая, чем славится и куда собирается отбыть. Дамаск с интересом слушал, задавая вопросы, пока они не пришли к особняку Атонаха, расположенному на улице Добросердечных.

Эта огромная трехэтажная вилла из темно-красного кирпича возвышалась над убогими домишками, словно могучий дуб над чахлыми кусточками. Ее «обнимал» высокий кованый забор, увитый густой астераксией и скрывавший своих обитателей от глаз редких прохожих.

Перед калиткой сегодня дежурил Дыра – высокий мужик с маленькими злыми глазками, большими ушами-лопухами, тонкими ниточками губ и рябым лицом. Свое прозвище он получил из-за сквозной дырки в шее, благодаря которой он дышал и мог разговаривать, только лишь когда закрывал ее ладонью (хотя к этому методу прибегать ворюга не любил, оставаясь большую часть времени немым и постоянно противно сопящим).

Кованые змеи украшали черный железный пласт двери, и чтобы проход открылся, необходимо было выбрать три нужных из четырех десятков имеющихся. Как только Дыра

узнал Дамаска, то стукнул костяшками пальцев по маленьким головам металлических гадов с раскрытыми пастями. Послышалось металлическое шарканье отодвигаемых магией засовов, после чего калитка отворилась.

Шлепок и Белый вошли внутрь зеленого сада с ровно подстриженным газоном и яблоневыми деревьями, которые тянулись вдоль гравиевой дорожки, ведущей к широкому входному крыльцу особняка. Нигде не задерживаясь, Дамаск направился прямо в дом.

В просторном холле повсюду пенилась лепнина, потолок подпирали ровные колонны, а белый с черными звездами мраморным пол отражал рассеянный свет Илара из высоких окон. Во всех углах стояли огромные глиняные горшки с неизвестными Дамаску раскидистыми зелеными растениями. На одном из десяти мягких диванов, обитых красным бархатом, сидел Бирм с видом глубокой задумчивости.

– Здорово, Черный, ты чего делом не занят? – слегка удивленно поздоровался Дамаск со старшим магом.

Бирм поднялся с дивана и шагнул навстречу Белому, приветственно обняв его. Свое прозвище Черный получил тоже не просто так. Его кожа была настолько темной, что отливала синевой, оттеняя прозрачную голубизну глаз.

– Шлепок, метнись-ка отсюда быстро, – мрачно произнес он.

Через считанные мгновения его и след простыл. Дамаску это не понравилось.

– Черный, сто раз тебе говорил!..

– Слушай, Белый. У Атонаха сейчас Щербет. Когда они проходили в холле, я слышал, как он разрешил ему делать с тобой всё, что тот захочет, лишь бы ты сегодня хоть как-нибудь колдонул... – оглянувшись через плечо на дверь кабинета, где принимал всех своих посетителей король Дна, начал быстро отшептывать Бирм

Разозлившись, Дамаск тут же его перебил:

– Черный, хорош ерунду пороть. Атонах не позволит этой грязной скорлупе ко мне и близко подойти. Он сам говорил, что магия должна сама во мне пробудиться, что спешить некуда...

– Еще как позволит! Как ты думаешь во мне магия пробудилась? В меня Щербет пускал огненные стрелы, которые я от испуга сумел перенаправить в него...

– Это не Атонах его на тебя натравил. Щербет больной. Ты забыл, что его Атонах потом на крюки подвесил за это? – хмурился Дамаск, осуждая Черного за то, что он так плохо думает о человеке, который заменил им отца.

– Да я тоже так думал, Белый! Но после услышанного понял, что для Атонаха мы значим ненамного больше остальных. Нас используют. Надо брать Ганса и валить.

Дамаск уставился на голубоглазого друга.

– Ты сдурел? Какое валить? Куда!?

– Не тупи, Белый, – уже начиная злиться, шикнул на светлого друга Бирм. – Как только мы полностью овладеем своей Силой, Атонах с нас не слезет. Он заставит весь Верхний Керибюс вычистить. И ему всё равно, что с нами сделают после этого карберы (колдуны у султана посильней нашего будут). Атонах получит свое, и плевал он нам на темечко, когда мы станем ему не нужны.

– Ты чего несешь-то? – негодовал Дамаск, из последних сил сдерживая себя, чтобы не врезать по черной неблагодарной морде. – Ты, я да Ганс всегда будем Атонаху нужны. Я в курсе, что мы и даром бы ему не сдались, если б не были магами. Но мы маги, и поэтому к нам соответствующее отношение. Атонах нам отец. Он никогда не бросит нас, даже если возникнут проблемы с султаном. Да, он ждет, что мы будем помогать ему в грабежах. И мы будем это делать. Что здесь такого? Все эти граны, лиры, бароны, графы и другие только и делают, что получают золото просто за то, что они есть, обдирая и так нищий народ. Так пусть делятся! Атонах не вечен. И если ты не заметил, у него детей нет, а значит, основные его наследники мы.

– Он хочет, чтобы мы так думали, но это не так, Белый! – оборвал Бирм Дамаска. – Здесь не может быть наследников. Побеждает тот, кто сильнее. И как только корона спадет с Атонаха, ее подберет кто-то типа Ветра...

– Черный, ты себя хоть слышишь? Кто Ветер, а кто мы! Мы – маги! Мы самые сильные! Атонах сам говорил, что оставит всё нам. Что когда Ганс подрастет, мы втроем расширим Дно, выйдя за пределы Керибюса. Сделаем то, что не смог сделать он. Как ты вообще можешь такое говорить про нашего отца?

– Да я о тебе беспокоюсь, дурень! – взорвался Бирм, перейдя со злобного шепота на громкий крик. – Он призвал Щербета, чтоб тот пробудил в тебе Силу. Щербет и убить может, у него вообще тормозов в этом деле нет! Тем более он получил абсолютное дозволение на любые действия. Он тебя может в кипяток макать, да всё что угодно!..

– Ты!.. – сквозь зубы начал было Дамаск, вцепившись в грудки синей рубахи Бирма.

Его прервала со стуком открывшаяся дверь кабинета главара Гильдий, где на пороге стоял Атонах собственной персоной. Белый быстро глянул на отца и злобно прошипел, смотря на Черного снизу вверх:

– Потом поговорим.

– Белый, сынок, заждались уже тебя, – чистым приятным голосом произнес Атонах, приглашающе отходя в сторону, пропуская Дамаска в уютный кабинет.

Перед самым входом Белый обернулся на Бирма, шумно пыхтевшего и раздасованно поджимавшего свои пухлые губы. Весь его вид прямо-таки кричал, что у него пятки горели, как хотелось убраться из особняка, таща Дамаска за собой. Так повелось с самого начала их знакомства. Бирм почему-то чувствовал ответственность сначала за Белого, а теперь еще и за Ганса, считая их своими младшими братьями. Дамаск знал это и ценил, отвечая Черному тем же. Именно поэтому такая явная враждебность Бирма к Атонаху посеяла семена сомнения в его душе.

Переступая порог просторного светлого кабинета с высокими стеллажами книг вдоль стены, дорогими чалмирскими коврами, резным камином, где всегда трещал магический огонь, гревший лишь по желанию хозяина, Дамаск с тревогой на сердце прошел к мягкому креслу, обитому бордовым велюром, возле широкого стола из редкого красного висорского дерева.

– И тебе доброго дня, Белый. Невежливо не здороваться со старшим магом, – раздался знакомый елейный голос из угла комнаты.

Сердце Дамаска предательски ёкнуло. Он обернулся к говорившему и увидел сидящего на небольшом диванчике Щербета. Вся его внешность вызвала лишь чувство гадливости. Водянистые голубые, словно облезлые, глаза смотрели неприятно сально, на распухшем носе зрела корявая большая родинка, а седовласую голову венчали внушительных размеров проплешины. Щербет мерзко улыбался, при этом противно сложив губы сморщенным сердечком. Одна его тоненькая ножка была жеманно закинута на другую, а руки он сложил конвертиком на необъятном животе, обтянутом зеленым бархатом недешевого камзола.

– Я тебя не заметил, – перебарывая в себе чувство омерзения, сквозь зубы проговорил Дамаск, не желая приветствовать эту пакость.

Щербет издал высокий смешок, от которого Белого передернуло, после чего, продолжая всё так же тошнотворно улыбаться, он протянул нежным голоском:

– Конечно, я же такой незаметный.

Он снова поганно захихикал, очевидно, посчитав свою шутку верхом остроумия. Не в силах это слушать, Дамаск отвернулся и поспешил обратиться к Атонаху:

– Ты искал меня, отец?

Главарь керибюсских нищих обошел вокруг стола и сел в удобное мягкое кресло. Он ласково улыбнулся мальчику и внимательно посмотрел на него своими черными глазами, от уголков которых лучились добрые морщинки.

– Искал... Искал, Белый. Скажи мне, сынок, как продвигаются твои дела с магией? Шлепок говорит, что часто застает тебя за медитациями.

Эти вопросы слегка расстроили Дамаска. Неприятно засосало под ложечкой, но он изо всех сил убеждал себя, что они совершенно не связаны с тем, о чем говорил ему Черный.

– Да, медитирую. Но магия пока спит. Видно, время еще не пришло.

– Конечно, конечно! – непринужденно отмахнулся Атонах, расслабленно откидываясь на спинку кресла. – Время терпит. Как только ты будешь готов, магия сама себя проявит. Ты лучше вот что мне скажи, сынок. К чему ты больше чувствуешь расположение?

– В каком смысле? – не понял Дамаск.

– Магам подвластны четыре стихии. Вода, огонь, земля и воздух. Черный, к примеру, с детства любил огонь. И после того как стал магом, он легче всего управляется именно с этой стихией. А ты? Что тебе ближе?

Дамаск растерялся. Он никогда раньше не задумывался об этом. Все стихии казались ему прекрасны и сильны. Выбрать какую-то одну сложно.

– Я... я не знаю.

– Подумай, сынок. Что ты больше любишь? Море? Легкий бриз? Пламя костра? Или, быть может, уверенная сила скал тебе по душе? – подавшись вперед и облокотившись о стол, нетерпеливо спросил король Дна.

– Больше, наверное, море, – неуверенно произнес Дамаск. – Хотя и бриз мне нравится. Огонь тоже завораживает. А в камне я чувствую мощь... Но всё же ближе, мне кажется, все-таки море...

Сидящий в углу Щербет гаденько хихикнул. Улыбка Атонаха померкла, и он, слегка разозлившись, обратился к своему магу:

– Щербет, все вопросы мы с тобой уже обсудили, так что, будь добр, дай мне поговорить с Белым.

– Конечно, конечно, Атонах! Конечно! Не буду вам мешать. Доброго дня, господин.

Щербет угодливо поклонился, после чего поднялся с диванчика и зашаркал к двери, где напоследок вновь хихикнул.

Как только в кабинете остались лишь Дамаск с Атонахом, главарь Гильдий произнес:

– Послушай, сынок. У меня к тебе будет важное поручение. Беги сейчас в заброшенную бухту... Ты ведь знаешь, где она? Хорошо. Там, на разрушенном причале, тебя будет ждать человек. Он отдаст тебе сверток. Его ты должен принести мне.

Атонах никогда не давал поручений своим золотым деткам, для этого всегда имелись посыльные. Дамаску это показалось странным. Однако, как бы то ни было, он выполнит поручение.

– Хорошо, – кивнул Белый, поднимаясь с кресла, но всё же помедлил, замерев возле стола. – А почему ты Шлепка не пошлешь?

– Тот сверток очень важен. Его нельзя доверять кому попало. А кому мне доверять, как не тебе? – отечески улыбнулся Атонах, вопросительно разведя руками.

Дамаск словно вырос на несколько сантиметров от этих слов. Ему, а не кому-то там доверяет Атонах!

Король Дна встал из-за стола, подойдя к Дамаску, и повел его к выходу, положив руку на спину.

– Давай, беги, Белый. Не заставляй себя ждать, – мягко сказал Атонах, открывая дверь.

Из холла послышался довольный детский смех. Дамаск повернул голову в сторону «звона» и увидел несущегося к ним зеленоглазого Ганса.

– Эй, волчонок, опять тебя твоя нянька упустила? – подхватывая смеющегося черноволосого мальчугана на руки, с улыбкой спросил Атонах, затем, взглядом показав Дамаску на выход, снова обратился к малышу, заходя с ним обратно в кабинет: – Ух, мы ей зададим трепу! Тебя покормили?

– Да! – раздался высокий радостный голосок в ответ.

– Хорошо. Ну-ка, покажи сколько силы в тебе прибавилось? Хах! Дракона пока не убьешь, но вот тролля теперь точно одолеть сможешь...

Разговор оборвался за закрывшейся дверью, на которую были наложены чары тишины. И как Бирм может сомневаться в Атонахе? Он же относится к ним, как к родным? Да Черного сжечь надо!

Белый вышел из виллы и тут же наткнулся на Бирма, сидевшего на ступеньках крыльца. Заметив Дамаска, парень поднялся на ноги и взволновано спросил:

– Ну что? Я был прав?

– Нет, ты был не прав. Атонах искал меня, чтобы дать поручение.

Он не стал останавливаться, быстрым шагом направившись к калитке. Бирм поспешил за ним.

– Поручение? Что за поручение?

– Нужно забрать кое-какую вещь из заброшенной бухты, – деловито ответил Белый, вдруг почувствовав себя необычайно важным.

Ведь именно ему поручил Атонах это задание!

– Из заброшенной бухты? – недоуменно повторил Бирм, а затем, издав какой-то страшно злобный звук, дернул Дамаска за руку: – Белый, не ходи туда! Это ловушка!

Дамаск рывком освободился, после чего шагнул ближе к другу и, угрожающе понизив голос, произнес:

– Черный, я не знаю, где ты башкой долбанулся, но запомни, еще раз при мне скажешь, что Атонах желает нам зла, клянусь, я тебе врежу!

– Да ты сам подумай, осел! С чего бы Атонаху тебя запрягать на это дело? – упрямо продолжил убеждать Бирм, ни капли не испугавшись угрозы. – Не легче ли меня послать? Я как-никак уже маг, а в тебе даже зачатки еще не зашевелились.

– Может, Атонах понял, что тебе доверять нельзя? Вон ты как на него бревно покатишь. Глядишь, такими темпами, посильней станешь, вообще на его «трон» полезешь. Вот только знай, пока есть я, этого не будет.

Было видно, как Бирм еле сдерживался, чтобы не дать затрецину мелкому. Он был старше и сильнее, но знал, что в случае с Дамаском, силой ничего не добьешься, поэтому пытался достучаться до него словами.

– Ты идиот, Белый! – обхватив лицо друга ладонями, Черный несильно его встряхнул. – Нам доверять кроме как друг другу больше некому! Щербет тебя прожует и выплюнет. И неизвестно, останешься ли ты после этого жив! Не ходи ты в эту бухту, Белый!

– Отвали!

Дамаск грубо скинул руки Черного и чуть ли не бегом направился к калитке, где три раза стукнул железной ручкой, чтобы его выпустили. Пока он ждал, Бирм сказал:

– Хорошо. Тогда я пойду с тобой.

– Чего!?! – недовольно протянул Белый, разворачиваясь. – Это задание Атонах поручил мне, а не тебе!

– Мне плевать на твое задание, дурак! Это и не задание никакое. Думаешь, зря Атонах с Щербетом шептался в кабинете? О чем вы там говорили? Небось, они спрашивали, какая стихия тебе больше всего по душе?

Дамаск оторопел на мгновение. Откуда он узнал? Но вспомнив, что речь идет об Атонахе, тут же нахмурился и враждебно выдал:

– Ничего такого у меня не спрашивали. И вообще, сейчас я принесу сверток и сразу ткну его тебе в твой неблагодарный нос. Только ты не уходи никуда, жди меня здесь.

– Да не принесешь ты ничего, Белый...

Бирма прервал громкий удар кулака о железо. Мальчишки вздрогнули и обернулись. В открытом проходе калитки стоял явно недовольный Дыра. Дамаск спохватился и выпрыгнул на улицу, на ходу выкрикнув охраннику:

– Меня Атонах послал на задание. Черного велел не выпускать.

– Ах ты Кардаш проклятый! – начал орать Бирм за закрывающейся дверью с коваными головами змей.

Из-за высокого забора раздавались разъяренные крики Бирма, поэтому Белый постарался как можно быстрее уйти от особняка Атонаха. Как только он свернул с улицы Добро-сердечных на улицу Неумолимых, на душе сразу стало полегче.

Стоял жаркий полдень. Повсюду сновал народ, спешащий кто-куда по своим делам. Дамаск вытащил из кармана тонкую неглубокую шапку, похожую на носок, и натянул ее на голову, чтобы спрятать свои выжженные Иларом волосы. Он часто ее носил, когда появлялся на людях, тем самым смешиваясь с толпой. Вот и сейчас, стоило надеть серую шапчонку, как Белый, словно стал невидимым для всех.

Заброшенная бухта располагалась в северной части Керибюса, и чтобы до нее добраться Дамаску потребовался целый час. Пока он петлял по улицам, которые становились всё кривее и уже, ему повстречалось много знакомых из гильдий, активно промышленяющих своим неблагородным делом.

Стоило же выйти за пределы города, как люди словно вымерли. Дамаск с удовольствием набрал полную грудь соленого воздуха, долетавшего с Нуармутского океана, и перешел на бег.

Заброшенная бухта пряталась за выросшим вокруг нее ободком высоких скал. Во время прилива в нее практически невозможно было попасть. Много кораблей потонуло, разбиваясь о суровые камни. Именно поэтому она теперь заброшена.

Пробежав через ущелье, Дамаск вышел на белоснежный пляж, к которому примыкал сырой, медленно и верно гниющий, причал. Мокрые доски казались цветными из-за облепивших их влажную поверхность сине-зеленых водорослей.

Дамаск завертел головой в поисках человека, который должен его ждать. Однако в бухте, кроме него и пикирующих в воду чаек, никого не было. Подумав, что человек еще не пришел, Белый приготовился к ожиданию. Он подошел ближе к воде и плюхнулся на серебристый песок, подставив грязные пятки накатывающим теплым волнам.

Кого-то ждать это всегда нудное и утомительное занятие. Белый понаблюдал за орущими птицами, попялился на облака, покидал «лягушкой» камешки в воду, пока не заметил на дальнем четвертом причале маленькую коробочку, обернутую в светло-коричневую бумагу. Дамаск был уверен, что это не то, что ему необходимо принести Атонаху (важную вещь просто так не оставили бы без присмотра), но чисто из праздного любопытства пошел посмотреть, что это такое.

Зайдя на неприятно скользкий пирс, он заметил, что возле квадратного свертка лежит толстый трос, тянущийся в воду. Решив сначала разобраться с коробкой, Дамаск поднял ее. Она казалась легкой, словно пустой. Мальчик потряс сверток, но ничего не услышал. Подумав, что вреда не будет, он принялся рвать бумагу.

– Какого храга? – вслух удивился Дамаск, нахмурившись, когда под оберткой его встретило большое жирное ничего! пустота! хотя он определенно чувствовал что-то твердое внутри.

«Магия? Зачем?», – только и успел подумать Белый, как ощутил что-то плотное, стянувшее его горло.

Тяж резко дернул. Дамаск с силой приложился спиной о деревянный пирс, однако почти не заметил этого, пытаясь сорвать удавку со своей шеи. Ничего не выходило. Кажется, это

ожила та веревка, мирно лежащая под ногами. Она тащила его к краю причала, всё крепче затягиваясь и начиная душить. Белый попробовал сопротивляться и рванул в противоположную сторону. Это не привело к успеху. Канат лишь сильнее впился в кожу.

Невидимый враг пытался утащить Дамаска под воду. Когда веревка затянула брыкающегося мальчишку на самый край пирса, ему удалось уцепиться за щель между деревянными досками. Вздохнуть невозможно. Ощущение, что шея сейчас сломается, и кошмар происходящего не давали ни единого шанса для раздумий. Доски в кровь разодрали ладони Белого, но он этого не заметил. Пытаясь ослабить путы, Дамаск одной рукой держался за пирс, а второй вцепился в свою удушку. Однако всё было тщетно. Послышался треск. Подгнившая мягкая доска, за которую так отчаянно держался мальчик, слетела с заколоченных в нее ржавых гвоздей, и Белый почувствовал, как летит вниз.

Перед тем как скрыться под водой, он увидел знакомую фигуру толстого яблока на тонких ножках, одетую в зеленый камзол. Она вдруг из ниоткуда появилась на берегу. Дамаск с громовой ясностью осознал, что Бирм оказался прав. На пляже стоял Щербет, который, видимо, уже давно ждал здесь Белого, под пологом невидимости. Он слетел с него от потери концентрации из-за одновременно творимых нескольких магических действий.

Понимание этой жуткой действительности пронзило Дамаска, словно огненная стрела. Когда его утянуло под воду, утаскивая в глубину залива, он даже не испугался. Всё существо Белого разрывало от гнева. Для Атонаха он такой же кусок мяса, как и остальные! Человек, которого Дамаск считал своим отцом, кинул его в лапы этому отродью Кардаша! Щербет может спокойно убить, войдя в раж! Атонах знал это, но всё равно позволил ему издеваться над Дамаском! Атонах предал его!

Душить начал не трос, а ярость. Где-то на уровне желудка зажегся огонь, до боли разъедавая ребра. Он начал расти, расползаясь по всему телу. Белый не обращал на это внимания. Ему хотелось порвать сначала трос вокруг своей шеи, затем Щербета, а после Атонаха. Дамаск точно знал, что нужно дать выход этому огню. Именно он способен помочь.

Как только эта мысль оформилась в мутнеющем сознании, Белый приложил горящие от боли руки к удавке. Она за секунду вспыхнула, превратившись в пепел, и, оставив на коже Дамаска красный ожег ошейником, растворилась темной мутью.

Нужно срочно вздохнуть! Горящую грудь, требующую кислорода, охватывали спазмы. Но Белого слишком глубоко утащило под воду. Он не сможет выплыть. Однако бушующая внутри ненависть и чувство, требующее немедленного отмщения, не позволяли мальчику просто так погибнуть.



Дамаск ощутил новую волну огня внутри себя. Она прокатилась по всему телу. Руки сами собой сделали крутящее движение, после которого Белый начал падать. Он неосознанно

вздохнул, на мгновение испугавшись, что сейчас захлебнется. Вместо этого его легкие благодарно расправились, наполняясь кислородом. Дамаск начал жадно хватать ртом воздух, не сразу поняв, что находится всё еще под водой.

Только после того, как ему удалось прийти в себя, он осмотрелся вокруг. Белый на секунду застыл, рассматривая огромный, словно круглый аквариум, пузырь. Он стоял в центре этого аквариума, на мокром песке дна залива. Устрашившись неведомой силы, местные рыбы поспешили уплыть подальше от образовавшегося воздушного шара под водой.

Вспомнив о Щербете, Дамаск пошел к берегу, сконцентрировавшись на своей защите. Наконец юный маг вышел на поверхность воды. Дышал он ровно и спокойно. Стоявший на берегу Щербет при виде мальчика сложил губы в гадкую улыбочку, переплетя паучьи пальцы на своем зеленом брюхе. От одного только его вида в Белом с новой силой начали прокатываться огненные волны.

– Как чудесно, как чудесно! – умиленно склонив голову набок, восторженно хихикнул Щербет, показав три жирных складки под подбородком, вываливающиеся на белое жабо. – Поздравляю, мой сладкий мальчик! Атонах будет счастлив узнать, что ты обрел свою Силу! Подумать только! Всего несколько часов назад говорили о твоей спящей магии, и тут такой славный сюрприз! Я находился неподалеку (видишь ли, люблю гулять подальше от городской суеты), и тут вдруг такая мощная волна магии пришла из этой бухты. Как тебе удалось?

На лице этой жабы был такой неподдельный интерес, такая искренность! Он не догадывался, что с него слетели чары невидимости, и Дамаск видел его.

– Что это у тебя на шее, мой золотой мальчик? – заботливо спросил Щербет, указав на горло Белого.

Это стало той самой искрой, воспламенившей пожар. Чувствуя растекающийся по венам расплавленный металл своей магии и ледяной холод ярости в голове, Дамаск моргнул, и перед его взором предстал совсем иной мир. Всё было как и прежде – пляж, скалы, пирс, вода. Вот только над всем, что окружало мальчика, теперь появились разноцветные переплетающиеся шлейфы. Чем дальше Белый смотрел на них, тем четче начинал видеть структуру этих эфемерных полупрозрачных полотен. Они стали походить на великолепное сплетение миллиардов тончайших паутинок.

Дамаск инстинктивно потянулся к этим энергетическим нитям, пытаясь направить их в нужное для себя русло. Он скрутил серо-желтые струящиеся прозрачные жилки, стелющиеся над белым песком, ныряя и пронизывая его по всему пляжу. Щербет тут же провалился по щиколотки в образовавшиеся под ним небольшие ямки. Дамаск собрал спутанные им же нити в клубок, и песок вокруг ступней толстяка мгновенно превратился в нечто похожее на камень. Щербет потерял равновесие и шлепнулся на свой тощий зад.

– Что ты делаешь, Белый? – искренне недоумевая, спросил он.

Отвращение, ненависть и гадливость переполняли Дамаска. Без лишних слов, он потянулся к сине-голубым нитям над заливом. Оторвав два энергетических лоскута от стелющегося над водой бирюзового полотна, Белый скрутил их в два рулона и поднял вверх. Вслед этому от воды оторвались две текучие длинные массы. Так же, как и с песком, Дамаск завернул нити в клубок, после чего вода моментально смерзлась, превратившись в острые сосульки.

Глаза Щербета расширились. Он только и успел выкрикнуть непонятную фразу, освободившую из маленького черного банта на его жабо зеленый эфирный щит. Сосульки с невероятной скоростью врезались в него, разбив защиту мага вдребезги.

– Ах ты щенок! – взревел Щербет, с искаженным от бешенства лицом.

Рубленными движениями он выписал дерганые пассы руками, после чего в Дамаска полетел светло-желтый пульсар. Белый не испугался. Он вскинул ладони вверх, подняв перед собой стену сыпучего песка. Пульсар спокойно прошел сквозь нее, вот только урона мальчику

не нанес, превратившись в слабое дуновение ветра, оросив лишь острыми песчинками лицо Белого.

– Кардаш тебя пожри... – послышался испуг в голосе Щербета.

Он суетливо пытался освободиться от оков, в которых застряли его ноги, и параллельно бормотал заклинание.

Дамаск ждать не стал. Он повторил свой фокус с сосульками, только в этот раз увеличив их количество до десяти. Щербет был слабым магом. Настолько слабым, что волшебство, которую творил сейчас перед ним десятилетний мальчик, казалась для него невероятной. Он понял, что его дохлый щит не поможет. Дамаск с торжеством увидел страх толстяка, когда окружил его ледяными сосульками.

– Ты хочешь меня убить, Белый? За что? – визгливым голосом спросил Щербет, бегая своими выпученными глазками по зависшим в воздухе ледяным шипам.

Убить. Страшная вещь. Но смотря на этот дрожащий холодец порока, грязи и скверны, Дамаск даже не сомневался, что сможет пойти на это.

– Ты самая большая мразь, которая когда-либо рождалась на Эве. Ты столько людей убил ради потехи. Если бы не магия Черного, ты убил бы и его. Если бы не вовремя проснувшаяся моя магия, я утонул бы из-за тебя. Так зачем мне тебя жалеть?

– О чем ты, Белый? Я здесь при чем!?

– Я видел тебя на берегу! Ты скрывался за пологом! – крикнул Дамаск, взбесившись от всего этого вранья, так что сосульки сместились ближе к Щербету.

Толстяк дернулся, прикрыв лицо рукой.

– Белый, Белый, прошу, успокойся! – начал тараторить Щербет. – Тебе показалось. Меня не было на пляже. Я пришел за пару минут до того, как ты вышел из воды. Клянусь тебе!

– Хватит врать!!

От бешенства Дамаска одна из сосулек со свистом полетела вниз. Шип бы пронзил Щербета насквозь, но колдун вовремя откатился в сторону, так что острие ледышки лишь распороло ему камзол, оставив неглубокую царапину на жирной волосатой спине.

– Хорошо, хорошо, Белый! Спокойно! – поднимая руки ладонями вверх, воскликнул Щербет, сменив деланное непонимание на серьезное выражение лица.

Застрав в песке, он не мог уйти, поэтому, лежа на боку, решил вести переговоры.

– Я здесь ни при чем. Это всё идея Атонаха. Он главный. Что сказал делать, то я и делаю...

– Атонах приказал тебе убить меня!?

– Конечно же, нет! Но магия может проявиться раньше времени, только если жизни угрожает опасность. Вот и весь секрет. Мне нужно было создать для тебя экстремальные условия. И всё ведь получилось, мой мальчик. Ты теперь маг!

– Атонах сказал, что магия во мне сама должна пробудиться! Что спешить некуда! – Дамаск никак не мог понять, зачем «отец» так с ним поступил. За что?

– А чего ждать? Ты сильный маг, Белый. Атонах знает это. За всё надо платить. Он приютил тебя, дал крышу над головой, наделил пусть маленькой, но властью. Настало время возвращать долги. Пора и тебе начать трудиться, как и Черному. Хватит сидеть иждивенцем на шее господина. Пора работать...

Эти слова резанули по сердцу. Дамаск почувствовал, как слезы обиды и злости начали жечь глаза.

– И ты, и Атонах пожалеете об этом! – подскочив ближе к Щербету, выпалил Белый, с искаженной гримасой гнева на лице. – Во мне уже сейчас больше Сил, чем в тебе. Я раздавлю вас всех, как крыс. У Атонаха не будет ни меня, ни Черного, ни Ганса. А ты сдохнешь, как паршивая собака. Мы поставим вас всех на колени за всё, что вы делаете! Керибюс будет нашим! А вы...

Дамаск не договорил. Щербет махнул рукой, и все зависшие над ним шипы разлетелись на тысячи сверкающих осколков. Это было так неожиданно, что Белый на несколько секунд растерялся. Свои ноги колдун почему-то так и не расколдовал.

– Да что ты возомнил о себе, шваль! – рявкнул Щербет и запустил в мальчишку красный искрящийся шар.

Дамаск не успел собраться, но все же в последний момент ему удалось скрутить плывущие перед глазами серо-голубые нити, и перед ним вдруг смерзся в стекло воздушный щит. Пущенный пульсар разбил его, откинув Белого назад. Будучи постоянным участником уличных драк, мальчик развил молниеносную реакцию. Упав на песок, он тут же вскочил на ноги.

– Я передам Атонаху твои слова, неблагодарная скотина. Так что горевать он не станет, – злобно оскалившись, пообещал Щербет.

Колдун хлопнул ладонью по песку. Белый тут же почувствовал сгусток опасной для себя энергии за спиной. Он инстинктивно припал к земле. Над его головой что-то с гулом пронеслось, вслед чему раздался вопль боли. Дамаск глянул на Щербета и увидел десяток белых шипиков, торчащих из груди колдуна. Один из них попал в правый глаз мужчины. Щербет перестал кричать и начал страшно булькать, пуская кровавые пузыри изо рта.

Дамаск в ужасе вскочил на ноги. Он, словно зачарованный, уставился на захлебывающегося в предсмертных муках толстяка. Жалко Щербета не было, однако страх сковывал Белого не хуже льда. Глаз колдуна закрылся, и он затих.

«Что делать? Как теперь?.. Надо к Черному!», – носились в голове рваные мысли.

Дамаск настолько резко сорвался с места, что его развезло на песке, и он упал, однако тут же вскочил и побежал в сторону Керибюса, оставляя за спиной мертвого Щербета.

Глава 5

Сараха

В маленькой комнате Сарахи властвовали темнота и духота. Здесь мерзко пахло чесноком, всевозможными травами и еще какой-то дрянью, которые в своей дружной квинтэссенции прямо-таки убивали людей с порога. Селир титаническими усилиями подавлял то и дело накатывающие рвотные позывы. Непроглядный мрак неприятно давил на глаза после яркой улицы, и ему начало казаться, что он ослеп и смертельно болен. Если бы не вцепившаяся в его руку маленькая ладошка дарса по имени Тэйп (как узнал Селир от дяди Барха), он бы подумал, что провалился в самую Бездну. Как обстояли дела у других гостей ведьмы, оставалось только гадать. Впрочем, по тяжелым прерывающимся вздохам, можно было с уверенностью сказать, что вряд ли кто-нибудь из них сейчас пребывает в счастливой эйфории. Недовольная компания ожидала старую прорицательницу уже довольно долго, никак не прозревая, всматриваясь в рассеянную тьму.

Всё началось со встречи испуганной черноволосой девушки с опущенной головой у самых ворот Квихла, когда они вернулись в Гиваргис. К Кейю подошел квихельм с серебряным кольцом в ухе, означавшим ранг Младшего ученика, и хотел что-то сказать. Но девушка неожиданно вцепилась ему в руку ногтями, мягко говоря, удивив тем самым всех присутствующих. Она напряженно свела свои бесцветные на фоне черной косы бровки и помотала головой. Сначала Селиру показалось, что квихельм разорвет в клочья хрупкую брюнетку, об этом говорило его багровое, почти фиолетовое лицо. Однако вопреки ожиданиям, он лишь дернул плечом, скидывая с себя ее руку. После этого немого диалога, девушка опять оставилась себе под ноги и тихим робким голосом сказала: «Уважаемая савира Сараха ждет вас у себя. Следуйте за мной».

Так-то Селир, Кейй, Гожо и маленький дарс оказались в небольшой хижине, словно гриб, выросшей под сенью толстоствольных вястов, на территории замка Квихл. Почти все квихельмы обходили стороной этот добротный домик из черного дерева. Он не был ужасен,

как обычно описывают жилища старых ведьм в сказках. Вот только никто не мог объяснить, почему не хочет приближаться к нему ближе, чем на сто шагов. Положа руку на сердце, Селир тоже терпеть не мог ни этот дом, ни сумасшедшую Сараху, которая кроме страха ничего в нем больше не вызывала.

– Да где эта проклятая старая гадалка, – зашипел Гожо настолько тихо, что, если бы не полное безмолвие в комнате и целенаправленное прислушивание к каждому шороху, Селир бы и слова не разобрал. – Клянусь, если она сейчас не придет и не вернет мне зрение, я лично вырву ей глаза.

– Что ты мне там вырвешь, свинопас безродный? – раздался спокойный хрипловатый женский голос (ну как женский, скорей, это было нечто среднее между мужским и старушечьим), заставивший Селира подпрыгнуть на месте.

Маленькая ладошка сильнее вцепилась ему в руку, да и сам дарс прижался плотнее.

– Смотри, как бы язык твой не отсох и не отвалился от слов твоих поганых, как ты сам. Пришел тут. Король великий! Порядки мне тут свои заводит, собака. Когда захочу, тогда и говорить буду. А ты, помойный выкормыш, будешь стоять и ждать сколько нужно. Хоть день, хоть два, хоть десять. Ох, мужичье...

Комнатку огласило недовольное кряхтение. Собравшиеся же мужчины дружно замолчали, желая испариться.

– Говаривали предки, что услышит лишь слушающий, а увидит лишь тот, кто откроет свои слепые очи, – вновь засипела Сараха.

Послышался звукдвигаемого стула, скрип, звяканье и приближающиеся шаги.

– Но эта мудрость ведь не про вас, дурней. Вы же как родились глухими слепцами и глупцами, так и помрете. Вот «не всегда нужно приходить туда, где тебя ждут», вот это про вас. Что, не могли Бархису помочь? Целый корабль квихельмов, и хоть бы один задницей своей шевельнул! Нет же, спрятались за своей подлой магией и сидели, смотрели со своей скорлупы, как убивают султанскую семью, да детишек вырезают по всему Хасару. Трусы бесхребетные! На кой вообще с вами, отребьем таким, связалась. Палачи Оркуса, великие квихельмы, тьфу! Фарс один!

– Савира, нас было слишком... – начал было Гожо.

– Ой, да молчи лучше, кусок глупости, пока я не оставила тебя без зрения навсегда! – оборвала старуха.

Рядом дыхнул ветерок от прошедшего мимо большого тела. Селир почувствовал запах горькой полыни и едкого пота. Маленький дарс отпустил его руку, и теперь чародей ощущал себя по-настоящему слепым и брошенным.

– Но ты не такой, мой хороший, правда ведь? – снова заговорила Сараха справа от маленького мага, где как раз находился Тэйп.

Вот это да! Селир и не знал, что старуха знает добрые и ласковые слова, а уж тем более, что у нее может быть такой мягкий, почти бархатный голос.

– Ты прозреешь первым. Ты уже приоткрыл завесу, видел то, чего другие не заметили. Ты увидишь больше остальных. Не станешь поступать, как эти подлюги. Почему ты не даешь мне себя посмотреть? Не видно тебя совсем. Ох, сколько силы в тебе! Настоящий воин! А сердце-то черное у тебя... черное... Словно там Кардаш поселился! Нельзя тебе с таким сердцем жить. Ох, нельзя, лакомый. Многих можешь погубить. Отпусти всё. Хотя ты ведь не отпустишь... А может, даже это и к лучшему. Жаль, что не даешь себя посмотреть, черноглазик. Очень ты интересный. Даже колдун это чувствует. Ну ничего, ты нам себя еще покажешь. Правда, золотой?

«Бабуля, очнись!! Он тебя не понимает! Он – дарс!», – хотелось крикнуть Селиру, но он малодушно промолчал, так как старая Сараха не делала никаких различий между взрослыми

и детьми. Наподдавать могла и тем, и другим. Именно поэтому из присутствующих безмолвно тарасился в крошечную темноту хижины не только Селир.

– А ну-ка, давай глотай, – переходя на свой обычный бабско-мужицкий тон, крикнула провидица.

Вслед за этим Селиру бесцеремонно засунули в рот большую плоскую таблетку. О том чтобы выплюнуть ее, даже мысли не возникло, Сараха за такое превратит в жабу (по крайней мере, маленький маг искренне в это верил). Сначала на языке стало прегадко, будто он лизнул потную портянку. Но по мере рассасывания, таблетка начала приобретать сначала кислый, потом сладкий, а в конце приятный мятный вкус.

Зачем всё это было нужно, Селир понял, когда к нему начало возвращаться зрение. Мрак, словно море во время отлива, начал отползать к деревянным шкафам, жавшимся к стенам. Что там находилось, даже вечно любопытный Селир знать не хотел. Ему вообще здесь не нравилось.

Через пару минут маленький маг уже отчетливо видел круглый стол с длинной до пола белой скатертью, за которым на треножном стуле сидел Тэйп и выковыривал яркие красные ягоды из граната, закидывая их в рот. Его безмятежное лицо освещали толстые свечи в громадных подсвечниках, стоящие в четырех углах комнаты, и голубоватый свет Чары, пробивающийся сквозь задернутые белоснежные занавески на большом окне. Это была обычная комната, и ни один нормальный человек не заподозрил бы ее обитателей в порочных связях с потусторонними силами. Даже тошнотворные запахи чеснока, трав и еще чего-то (наверное, лучше даже и не знать чего) полностью исчезли, сменившись ароматами полыни, мяты, люпина и сладкой сныти.

Внушительно качая необъятным задом, прорицательница похромала в сторону стола. Натужно ухнув, она рухнула на жалобно скрипнувший стул прямо напротив Тэйпа. Маленький дарс не обратил ни малейшего внимания на старуху, продолжая колупать ягоды. Складывалось впечатление, что ему вполне комфортно в ее присутствии.

– Подойди ко мне, Селир, – как-то устало произнесла Сараха.

Селир помешкал мгновение, но затем послушно подошел к колдунье. Приблизившись, он долго смотрел в ее круглое обвисшее лицо с синеватыми поджатыми губами, широким носом и узкими расщелинами глаз, где под правым нижним веком зрела огромная черная родинка.

– Достань табуретку из-под стола и сядь, – заговорила она.

Выполнив указания, мальчик уселся, вытянувшись в струнку под тяжелым взглядом прорицательницы.

– Я знаю, что ты видел смерть, – сказала Сараха.

Дождавшись, когда Селир утвердительно кивнет, она продолжила:

– И ты знаешь теперь, что все мы когда-нибудь умрем. Селир, ты знаешь, что рано или поздно все твои близкие уйдут?

Маленький маг растерялся. После пережитого в Хасаре ему меньшего всего на свете хотелось думать о смерти, тем более о смерти своих родных.

– Знаю, – тихо ответил мальчик.

– Посмотри на этого маленького дарса, – ткнула пальцем старуха в сторону Тэйпа, который перестал ковыряться в гранате и с интересом стал наблюдать за происходящим, наверняка пытаясь понять, о чем идет речь, услышав знакомое «дарс». – Он потерял всех своих близких в один день. Но его дух настолько силен, что ты ни разу не видел, как он плачет, не так ли?

Это была правда. За всё время их путешествия от Хасара до Магнуга, а от него до Лисбета, Селир ни разу не видел, чтобы мальчишка плакал или на что-либо жаловался (хотя после того, как они высадились на берег, жаловаться особо было некому, Барх ведь остался в порту Кенфульфа, как и одна четвертая часть всей команды). Маленькому магу первое время это казалось странным, но потом он подумал, что до дарса в силу малых лет просто не дошло, что всю его семью убили.

– Так... он мелкий еще, не понимает ничего, – слегка уязвленно ответил Селир.

– О-о-о, нет. Он всё прекрасно понимает. Его маленькое сердечко разрывается от боли. Ваше пребывание в Хасаре мне показывают, словно в тумане. Отдельными нечеткими вспышками. Ты что-то сделал для него, но я не могу точно увидеть что. И за это дарс очень тебе благодарен, хоть никогда и не признается. Отныне это единственный человек, на которого ты можешь полностью положиться, Селир, даже больше, чем на своего отца. Ты должен многое у него перенять и научиться переживать удары так же, как и этот малыш, – Сараха резко прервала свою речь и метнула взгляд за спину маленького мага. – Кейй, сядь.

Селир обернулся на отца, который уже окончательно пришел в себя. Кейй переглянулся с Гожо. Возле одного из шкафов стоял обшарпанный сундук. Маг без колебания сел прямо на него.

Взяв маленькую ладошку в свои рябые руки, провидица произнесла:

– Селир, твоя мама родила тебе чудесную сестренку месяц назад.

Обычно такие новости сообщают более радостно или хотя бы с улыбкой. На лице же Сарахи не было и тени от нее.

– Тира! – вскочил на ноги Кейй и направился к двери.

– Подожди, Кейй, – сказала и опустила в пол свои темные глаза ведьма.

– Савира, у меня дочь родилась! Не могу я ждать!

Сараха вновь посмотрела на мужчину, и взгляд ее сверкнул скорбью.

– Ох, не я должна говорить такие вещи... – старая провидица тяжело вздохнула, словно ожившая гора. – Месяц назад произошла не только большая радость, но и страшное горе... Тира... не смогла пережить роды, Кейй.

Что было дальше, Селир уже плохо понимал. Он, словно сквозь вату, слышал, как что-то кричал отец. Голос Гожо, спросивший Сараху о смерти Тиры и где ее могила. Затем шаги, хлопки дверью и полная тишина в комнате. Разум Селира никак не мог принять то, что мамы больше нет. В глазах стало мутно, лицо прорицательницы и вся мебель вокруг поплыли. И стоило первой капле слететь с темных ресниц, как за ней прорвалась целая река слез. Селиру хотелось вскочить и побежать за отцом, но он совершенно не чувствовал ног, будто их и не было.

– Поплачь, поплачь, мой хороший, – будто мягкая подушка, обняла Сараха мальчика, успокаивающе глядя по голове. – Пусть слезы иссушат твою горе, а после время развеет его пылью.

И Селир плакал. Плакал до икоты и прерывающихся всхлипов. Он вымочил своими слезами весь передник старой прорицательницы. Что-то сломалось в нем. Что-то, что в хасарском дворце дало лишь трещину, а сегодня разлетелось на тысячи осколков. Что-то, что совсем недавно представляло мир цветным и беззаботным. Что-то, что называют детством...

Сараха до самого рассвета укачивала маленького мага у себя на коленях, ничего не говоря. Под утро слезы его высохли. Селир просто сидел, положив усталую голову на теплую грудь и смотря в одну точку. Ничего не хотелось. Только вернуть маму или хотя бы в последний раз увидеть ее. Но это было невозможно...

– Посиди минуточку один, милый.

Сараха тяжело поднялась и посадила мага на свое место. Она шагнула за занавеску, загораживающую вход в другую комнату. Помещение вокруг сразу показалось пустым и холодным. Селир будто остался наедине не только с этой пустотой, но и со всем миром. Он совсем забыл про дарса, всё это время находившегося за его спиной. Селир вздрогнул, когда почувствовал теплую ладошку, опустившуюся на плечо.

Тэйп ничего не говорил, но встретившись с ним взглядом, маг узнал в них не просто понимание, а отражение своего собственного горя. Маг с самого начала их странного знаком-

ства не испытывал к мальчишке неприязни (хотя тот и дал массу поводов для этого). Общая беда и вовсе сгладила все обиды, более того она вызывала чувство какого-то странного родства.

– Смотри, кого я тебе принесла, – вернулась в комнату Сараха.

В руках она покачивала белый шевелящийся кулек. Савира с такой нежностью и любовью смотрела на него, словно там лежало что-то невообразимо прекрасное. Она медленно подошла к Селиру и протянула куль ему.

– Осторожно, Селир, не урони, – наставительно сказала старая колдунья, пока маг неумело пытался взять сверток. – Это твоя сестренка, мальчик мой. Твоя мама не умерла. Частичка ее заключена в этой девочке. И знаешь, что я вижу в будущем? – улыбнулась Сараха, показав отсутствие переднего зуба. – Я вижу, что ты будешь лучшим братом на свете. Твоя мама мечтала об этом. Она будет всегда наблюдать за вами с небес. Ты не должен ее подводить, Селир. Оберегай и храни свою сестренку.

Селир слушал слова провидицы и разглядывал личико маленькой девочки в своих руках. Он не мог поверить, что видит это на самом деле. На него смотрели синие глаза. Настолько яркие, что цвет глаз самого Селира, его отца и остальных магов Эвы казался совершенно тусклым и бесцветным. Но это было еще не всё. Короткие волосы пушком одуванчика торчали на маленькой головке, и были они ни черного, ни каштанового, ни даже крайне редко встречающегося рыжего цвета, а белые, как перистое облако в небе.

– Это моя сестра? – хрустящим от долгого молчания голосом спросил Селир, удивленно посмотрев на Сараху.

Не переставая улыбаться, старуха утвердительно кивнула.

– У нее есть имя?

– Есть. Твоя мама перед смертью дала ей имя. Она нарекла ее Энирой, что с ее родного саргатского означает «несущая свет».

– Это потому, что она такая... белая? – продолжая разглядывать свою сестренку, отстраненно спросил Селир.

Он всё никак не мог поверить, что видит это на самом деле. Но не только маг разглядывал кроху, девочка тоже смотрела на него своими большими невероятно синими глазами, в которых сквозило нечто очень похожее на сознание, что даже немного пугало.

– Не только, – ответила провидица, с теплом во взгляде наблюдая, как Энира выпростала из-под одеяльца невозможно маленькую ручку и, кряхтя, протянула ее Селиру.

Мальчик не мог противиться такому приветствию, как и не смог сдержать улыбки, когда девочка своими крохотными слабыми пальчиками обхватила его палец.

– Как только она появилась на свет, небо залило заревом падающих звезд. Твоя мама была еще жива и видела это зарево. Сквозь окно оно осветило всю комнату. Тогда она сказала, что ее девочку послал сам Оркус в плаще из звезд. Поэтому-то она и назвала ее Энирой. В этот мир она принесла с собой свет.

Стоящий рядом Тэйп бесцеремонно заглянул в лежащий на руках Селира куль. И то, что он увидел, сильно его впечатлило. На смуглом личике прорезались морщинки глубокой мысли. С этим выражением он застыл на долгие минуты, после чего поднял ошарашенный взгляд на Сараху.

– Илара? – выдохнул он своим звонким голосом. – Карма дэр ми соха глар? Гис ли дэ илара!

Эти детские удивленные вопли привлекли внимание младенца. Девочка повернула свою голову-одуванчик на Тэйпа.

– Да, да, мой хороший, – ответила ему Сараха на квихельском. – Это необычная девочка. Она принесет немало хлопот не только своему брату, но и многим квихельмам, в том числе и тебе.

Словно в подтверждение слов провидицы, девочка, со счастливым видом шурясь на Селира, беззаботно засмеялась, демонстрируя всем свои розовые беззубые десна с надувшимся слюнявым пузырем.

Прошло, наверное, около часа, как маленький маг качал на руках уснувшую сестренку. Он никак не мог оторвать от нее взгляда. Забравшийся на стол Тэйп тоже не сводил глаз с девочки, беспрестанно хмурясь и тяжело вздыхая. Старая Сараха оставила их и ушла в другую комнату. Если бы не ее хрипкое тихое мычание, которое с большой натяжкой можно было назвать пением, то казалось, будто дети остались в доме одни.

– Лейла, уложи мальчиков. У них выдалась тяжелая ночь, – негромко отдала распоряжение савира, перестав наконец напевать.

Белая простыня, служившая дверью, колыхнулась, и в комнату вошла та самая девушка, что привела их сюда. Она подошла к Селиру и попыталась забрать у него младенца, но маленький маг с остервенением прижал к себе сверток.

– Нет! Она будет со мной! – с грозным видом проговорил маг вполголоса, чтобы не разбудить сестру.

– Перестань, Селир, – вмешалась старая колдунья, появившись из-за спины девушки. – Тебе и маленькому дарсу нужно поспать. Всё будет хорошо. Я присмотрю за Энирой. А когда ты проснешься, она будет ждать тебя. Давай-ка мне ее.

Кому-кому, а Сарахе Селир противиться не мог. Так, с тоской глядя в розовое круглое личико, он позволил прорицательнице забрать его сестренку. Всё происходящее нисколько не потревожило сон девочки.

– Ты моя-то прелесть. Ничто твой крепкий сон не нарушит, – засюсюкала колдунья, мерно покачивая кулек, затем обратилась к Лейле: – Держи аккуратней. Отнеси ее в колыбель.

Ни слова не говоря, девушка бережно взяла ребенка, как-то неуверенно и глуповато улыбнулась, после чего вновь скрылась за белой занавесью. Всё это время Селир сопровождал взглядом каждое движение двух женщин. Он постоянно испытывал необъяснимый страх и волнение. Ему казалось, что всё они делают неправильно, и вообще лучше отдать Эниру ему. Он лучше со всем справится. А когда Лейла ушла, ему нестерпимо захотелось побежать за ней следом и проверить, донесла ли она его сестру до колыбели.

– Иди за мной, Селир, и захвати дарса, – сказала Сараха, доковыляв к одному из своих сундуков.

Пока маг жестами показывал Тэйпу, чтобы он спрыгнул со стола и следовал за ним, колдунья шумно что-то искала, постоянно звякая.

– Вот ты где, отрыжка Оркуса, – победоносно крякнула колдунья, тяжело разогнувшись и держа в руке маленький пузырек с ярко-зеленой жидкостью.

Повернувшись к мальчишкам, не без интереса за ней наблюдавшим, она с глухим бульком вытащила деревянную пробочку и, прихрамывая, подошла к Селиру.

– Выпей.

Взяв протянутую ему крохотную бутылочку, маг не задумываясь выпил всё ее содержимое. Тэйпу ничего не досталось, но, похоже, он и не расстроился нисколько. Неизвестная жидкость напоминала мятную воду, слегка обжигающую язык. Сараха довольно скривила губы в ухмылке и приказала мальчишкам идти за ней.

Селир не сделал и трех шагов в направлении комнаты, где находилась его сестра, как почувствовал смертельную усталость. Колени неуклюже подгибались, веки предательски падали на глаза, а в голове за клубился ватный туман. Маленький маг даже пропустил момент, как оказался в большой постели с подоткнутым под самый подбородок одеялом.

– Спи, будущие воины, – не своим голосом мурлыкнула Сараха.

Селир почувствовал, как нечто большое поднялось с кровати. Уже давно ему хотелось задать прорицательнице вопрос. Но маленький колдун боялся даже подойти к старухе, не то что

спросить ее о чем-либо. Сейчас же все страхи исчезли, и, преодолевая страшную сонливость, которая загребала его в свои объятия, он, не открывая глаз, тихо промямлил:

– Савира, что ждет меня в будущем?

Шаркающие шаги замерли. В комнате повисла тишина. Селир подумал, что уже уснул, как раздался голос колдуньи.

– Я не вижу тебя в будущем, Селир.

Эти слова не напугали мага.

– Почему? Я умру? – без выражения поинтересовался он, погружаясь всё глубже в темноту и опасаясь, что уже не услышит ответ.

– Нет, соколик, – тихо рассмеялась Сараха. – Скорее всего, дело в твоей сестре. Я плохо вижу ее будущее, а, следовательно, и твое. Да еще и...

Что «еще и», Селир уже не услышал, провалившись в глубокий сон.

Глава 6

Решение

Паника и нахлынувший страх неизвестности за свое будущее душили Дамаска. Он бежал от бухты до самого Керибюса без остановки. На улицах города ему всё-таки пришлось замедлиться. Однако это не помешало Белому сбить с ног очень объемную старуху. От неожиданности новоиспеченный маг совершенно неосознанно пустил в нее огненные искры. Юбка старой женщины моментально вспыхнула, и она начала громко визжать, собрав вокруг толпу. Кучкующиеся люди почему-то не спешили ей помочь, наблюдая поднявшуюся суматоху десятками черных глаз. Некоторые охали, но большинство смеялись над орущей и крутящейся, словно взбесившаяся юла, старухой. Все они походили на стадо злых глупых овец.

Дамаск же вместо того, чтобы с помощью магии потушить горящую пожилую женщину, стащил с головы шапку и начал ею прихлопывать огонь. Толку от этого не было вовсе. Помог прохожий мужчина с толстой сросшейся бровью. Он растолкал празднично наблюдавших зевак и выплеснул на горящую бабулю ведро грязной воды.

К сожалению, это оказался не конец. Старуха быстро пришла в себя и, посмотрев на голубоглазого белобрысого мальчика, рассвирепела драконом. Она, словно пятнадцатилетняя девчонка, резво вскочила на ноги и, матерясь хуже матроса, начала самозабвенно лупить Белого. Он еле ноги унес от вошедшей в кураж старухи, которая еще какое-то время пыталась гнаться за убегающим мальчишкой, а когда поняла, что догнать его не удастся, стала бросать камни. Кое-кто из толпы поддержал старую мстительную даму и солидарно метал вдогонку Белому всё, что попадалось под руку.

Этот инцидент немного отвлек Дамаска от случившегося в бухте. В спину доносились оскорбительные крики, пока он бежал, не понимая куда именно. Свернув в проулок на улице Пекарей, он прямо лбом в кого-то врезался, отлетев на выщербленную грязную брусчатку. Белый больно ударился затылком, так что искры из глаз посыпались. Даже зрение на несколько секунд померкло.

– Кардаш тебя за ногу! – раздался знакомый голос. – Белый, какого храга ты тут носишься?

Как только юный маг проморгался, он смог различить возвышающегося над ним Шаха (Дамаск до сих пор не понимал, откуда у него это титулованное прозвище) – предводителя Скорпусов. Это был высокий, худой, черноволосый, черноглазый, постоянно хмурившийся и вечно чем-то недовольный двенадцатилетний мальчишка. Он являлся обладателем скверного характера и крайне строптивого нрава. Парень ненавидел весь мир и относился к людям, будь то бродяга или султан, как к отбросам. Но Белый ему почему-то с самого начала знакомства пришелся по душе.

Сведя свои густые смоляные брови, Шах нагнулся и дернул Дамаска за руку, помогая подняться. Перед глазами сверкнули звезды от боли в затылке.

– Живой? – участливо поинтересовался Шах, хлопнув Белого по плечу, так что его аж в сторону отнесло.

– Живой, – проворчал Дамаск, потирая затылок, где уже набухла шишка размером с крупный орех. – Что ты здесь делаешь? Вас же Бурые должны гонять.

– Да пошли они, кардашевы выродки. Еще мне какие-то бараны будут указывать, что делать. Нам, может, и далеко до всяких этих тактических планов, но уж как проскочить мимо поганых магических ловушек, не поджарив задницу, нас учить не надо, сами кого хочешь...

– Ты Черного не видел? – перебил Дамаск предводителя Скорпусов.

Сурьмяные брови Шаха сначала оскорбленно встретились на переносице, а когда смысл вопроса дошел до парня, удивленно выгнулись. У него вообще была очень богатая мимика. В его лице артель мимов потерял талантливейшего актера.

– Как я могу видеть Черного днем? – риторически спросил Шах, раздув крылья гладкого горбатого носа, напоминавшего клюв гордого орла. – Атонах же его прячет от ардальских ищеек, чтоб его не увезли на Остров.

Дамаск был удивлен. Он, конечно, слышал, что представители ардальского посольства в Керибюсе время от времени прохаживаются по улицам города, в поисках голубоглазых детишек, но ему было неизвестно, что Атонах их скрывает.

– Прячет? – переспросил Белый.

– Ну, да. А ты не знал?

– Нет. А почему меня не прячет?

– Ты же не чернокожий с голубыми глазами. Черный вообще, наверное, такой один на Эве (не считая фархаров, конечно), – довольно хохотнул Шах. – А ты шапку надел, и почти красавец. Уткнулся под ноги и, считай, простой смертный.

И тут Белый вспомнил, что Атонах действительно с самого раннего детства велел ему избегать взгляда с людьми в красно-золотом одеянии Ардала.

– А куда тебе Черный-то? – поинтересовался предводитель Скорпусов.

С момента как Белый научился разговаривать, у него имелась почти жизненная потребность отвечать на вопросы, когда его спрашивали, даже если он был занят или спешил. Вот и сейчас проигнорировать искреннее любопытство Шаха ему не удалось.

– Нам нужно забрать Ганса и бежать из Керибюса, – честно ответил Дамаск.

Какое-то мгновение Шах просто стоял и смотрел на мокрого с ног до головы паренька. Но всё же не выдержал и рассмеялся. Придя в себя, он снова спросил:

– Так зачем тебе Черный?

– Я говорю правду! Мы уходим.

Главарь Скорпусов замолк, озабоченно посмотрев на Дамаска.

– Нельзя уйти из Гильдии. Атонах жестоко карает тех, кто его предает. Вам-то, конечно, вряд ли будет что-то серьезное, но вы всё равно далеко не уйдете. Вороны найдут вас, где бы вы ни прятались. Да и на магии Черного вы далеко не уедете.

– Теперь не только Черный может колдовать! – с вызовом произнес маг.

– В тебе пробудилась магия? – повысив голос, удивленно спросил Шах.

Дождавшись утвердительного кивка Дамаска, он задорно хохотнул и по-дружески хлопнул его по плечу, так что мальчик повторно чуть не впился в облупленную белую стену.

– Так это ж дико хорошее известие! Мне кто-то говорил, что ты раз в сто Черного сильнее будешь. Теперь нам не надо будет так шухериться на вылазках!..

Однако радость Шаха быстро померкла. На лицо его набежала туча.

– Куда ты там говоришь собрался?

– Точно не знаю. Надо с Черным посоветоваться. Скорей всего, в Нуармутье. Сам понимаешь, Эссор, Ехаир, Фуа, Эсперант, да и что дальше них – не вариант. У Атонаха там есть свои связи, нас сразу поймают и отдадут Воронам, а если первыми доберутся карберы султанов, мы и вовсе пропадем. Уж они-то с нами нянчиться точно не станут, напрямиком в пустыню Смертника и выкинут. Получается, что Нуармутье единственный вариант.

Пока Дамаск говорил, Шах внимательно слушал, смотря на мага со смесью злости и изумления. Как только он закончил, главарь Скорпусов дал выход праведному гневу:

– Белый, непуть ты бесполезная! Какое Нуармутье!? Вас карберы нуармутьевского шаха проткнут своими пиками, стоит вам только нос у их мраморных ворот показать! Если вы даже и доберетесь до черного города, хотя вряд ли вы это сделаете...

– Почему?

– Потому что вам надо будет добраться до Эссора, а от него, через пустыню, уже и до Нуармутье...

– Можно ведь и по океану.

– Дурень! Как только вы сбежите, первым делом Атонах пошлет Воронов ко всем выходам из города, в том числе и в порты. Все корабли будут проверяться...

– Значит, мы сядем в эссорском порту на корабль, – в который раз упрямо перебил Дамаск Шаха, загорелое до лакричного цвета лицо которого стало темно-бордовым от злости. – Там Атонах не имеет такой власти, как здесь.

– Зато он имеет связь с главой керибюсской стражи, а уж он наверняка может договориться с эссорскими карберами. Скорей всего, вы даже в город не попадете, вас на самом входе скрутят и к Атонаху притащат. Если же вам всё-таки удастся пройти через Эссор, то вряд ли кто-нибудь из капитанов захочет взять на свой корабль троих детей, от которых ни денег, ни пользы.

– Мы маги! От нас много пользы!

– Лет через десять! – всё громче звучал голос Шаха, так что прохожие, шедшие по улице Пекарей, стали оборачиваться и заглядывать в проулок, где спорили двое мальчишек. – В Нуармутье вас всё равно никто не пустит. В черный город невозможно попасть без пропуска от шаха или его визиря.

– Откуда ты знаешь?

Предводитель Скорпусов высокомерно расправил плечи, выпятив грудь колесом, и презрительно поджал губы.

– Я до семи лет там жил, пока не отправился с отцом в Аром через океан, – гордо выдал он. – Наш корабль попал в шторм и разбился о рифы, вблизи Эссора. Там меня выловил местный рыбак. Его жена выходила меня. Я хотел найти отца, поэтому ушел от них. Но в кораблекрушении, кроме меня, никто не выжил. Вернуться в Нуармутье я даже не пытался, каждому родившемуся там ребенку известно, что «выйдя раз ты за врата, не вернешься никогда». Без пропуска родителей, детям не войти в город. Без отца мне туда было не попасть. Чтобы как-то выжить, я начал воровать. Однажды меня поймали карберы (я пытался стащить деньги из очень богатой ювелирной лавки). Сначала мне хотели отрубить руки, но один из стражников посчитал, что проступок мой заслуживает более жестокого наказания, и предложил закопать меня по шею в пустыне, чтоб Илар поджарил до румяной корочки, а стервятники выклевали глаза. Они так и сделали. Но меня вовремя вытащили Вороны Атонаха. Им рассказали о том, что я позарился на лавку богатого ювелира, и это пришлось проклятым вербовщикам по душе. Они притащили меня в Керибюс, где я продолжил дело, начатое в Эссоре, но уже под приглядом Гильдии. Атонах разглядел во мне того, кем я являюсь, и через год поставил во главе Скорпусов.

В Керибюсе я вот уже как пять лет, и за эти пять лет узнал намного больше, чем за семь предыдущих. В Нуармутье жизнь проста и легка, но только если ты живешь в пределах черных

мраморных стен, а не за ними. Так что, поверь на слово, вам туда не попасть ни живыми, ни мертвыми.

– Но нам нужно именно туда! Только там Атонах не сможет нас достать! – отчаянно воскликнул Дамаск, после пламенной речи Шаха, который видя растерянный вид мага, остался очень довольный собой.

– А чего это вдруг ты решил, что вам нужно удрать от него? Вы ж живете, как у Оркуса в кармане. У вас есть всё, что только душа пожелает. Откуда такое желание стать нищобродами?

Перед глазами Дамаска тут же возник образ распластавшегося на песке Щербета с кровавым шипом в глазнице. Нет! Теперь в каждом слове человека, которого Белый считал отцом, будет слышаться лишь ложь. Когда Дамаск первый раз спросил Атонаха, где его родители и откуда он взялся, главарь керибюсского дна сказал, что его отец и мать мертвы. Быть может, и это вранье?

От этой мысли горло больно засадило, а в носу неприятно защипало. Всё, что Белый раньше считал нерушимой правдой, рухнуло, как карточный домик. Маленький маг крепко сжал кулаки и исподлобья посмотрел на черноволосого загорелого мальчишку перед собой.

– Неважно. Мы должны уйти. Тебе придется поклясться, что ты никому не скажешь, что видел меня и о чем мы с тобой говорили, Шах. Иначе, я убью тебя, – жестко произнес Дамаск своим детским голосом, твердо намереваясь осуществить задуманное, чтобы спасти себя, Черного и Ганса.

Шах снисходительно расхохотался. Именно поэтому Белый ему нравился, он был смел, честен и чересчур наивен для жизни, в которой они находились. Но как только предводитель Скорпусов увидел два маленьких закручивающихся смерча, поднимающих пыль за спиной светловолосого мальчишки, смех его сию же секунду смолк. Голубые глаза юного мага, которые и раньше время от времени, казалось, начинали светиться, сейчас вспыхнули такой яркой синевой, что даже белки глаз начали отливать голубизной. Он понял, что Белый не шутит.

В любом случае Шах не собирался никому ничего говорить. Друзей у него не было, а к Атонаху он испытывал лишь презрение. Жизнь в Керибюсе ему не нравилась. Ему отвратительно было делать то, что его заставляли. Раздражали люди, которые окружали. Шах не мог дождаться дня, когда вырастет и станет настолько сильным, чтобы уйти из Гильдии. Когда он сможет отправиться в Креон или Волд, а может быть, даже вернуться в родное Нуармутье.

– Так ты серьезно? – нахмурившись, риторически спросил главарь Скорпусов, ничуть не испугавшись пылевых вихрей, растущих за спиной Белого и уже поднявшихся над ним на четыре фута.

Истинного колдовства Шах повидал не так уж и много в своей жизни. Лишь пару раз устрашающую волшбу ардальских ищеек, которая и рядом не стояла с примитивной магией Щербета, да заколдованные артефакты, разные по Силе и содержанию. Неважно маг ты или простой человек, настоящее колдовство ощущается кожей. И то, что сейчас чувствовал Шах, не шло ни в какое сравнение с тем, что он встречал раньше. Магия Белого была иной. Она словно стягивала воздух вокруг, разливала Силу и одновременно отбирала ее у всего окружающего.

«Сколько лет ему? Десять? Когда он начал владеть своей магией? Сегодня? Если сейчас такие результаты, что же будет через пять лет?», – хороводом кружились мысли в голове Шаха, пока он смотрел на танцующие смерчи, возвышающиеся грозными стражами по бокам от взъерошенного маленького блондина. – «Может, не нужно ждать, когда я вырасту?».

– Я никому ничего не скажу, Белый. Даже больше. Я помогу вам сбежать. Помогу забрать Ганса. Но и вы должны помочь мне.

Откровенно враждебный вид Дамаска сменился растерянностью, так что даже утробно завывающие вихри начали стихать и уменьшаться в размерах.

– Чем?

– Возьмите меня с собой, – просто ответил предводитель Скорпусов.

Эта фраза настолько потрясла Белого, что вся его творимая волшебство исчезла, оставив после себя лишь оседающую пыль. Пока он не начал ничего говорить, Шах поспешил привести аргументы, способные убедить мальчика.

– Я пригожусь вам, Белый. Я знаю не только керабский, геллийский, но и нуармутский языки. В Эссоре многие говорят на эссорском, его я тоже немного знаю. Ловкости мне не занимать. А если нужно применить силу, то и здесь на меня можно положиться. Я знаю как без труда можно выбраться из Керибюса и добраться до Эссора. Я скажу своим ребятам, чтобы они запутали Воронов, и мы выиграем время. К тому же я могу читать и писать, это не так важно, но может пригодиться. Тем более ни тебе, ни Черному ведь неизвестно письмо. И еще у меня есть идея, где мы можем на некоторое время спрятаться в Эссоре.

Дамаск опешил. Лишь через минуту он смог выйти из ступора.

– Ты хочешь сбежать? Почему?

В его вопросе было столько искреннего непонимания, что Шах даже посмеялся.

– Поверь, Белый, причин, чтобы сбежать из Гильдии, у меня куда больше, чем у тебя. Так вы возьмете меня с собой?

Всё происходило очень быстро. Жизнь начала резко менять свой ход, и скороспелый маг не успевал следить за ее событиями. Казалось, что всё идет по какому-то определенно заданному маршруту, и от него совершенно ничего не зависит. Шах мог помочь им выбраться из Керибюса. И то, что он присоединится к их троице было так логично, так правильно.

– Да. Возьмем.

Белый сидел в тени огромной круглой колонны на каменных светлых ступенях центрального собора святого Имара и невидящим взором смотрел в мелькающую по площади толпу богато разодетых горожан. В Верхнем Керибюсе всё выглядело иначе. Улицы чище, здания величественней и живописней, фонтаны с памятниками говорили о незаурядных талантах, живущих в этом восточном городе, омываемом океаном. Даже люди здесь казались красивей и здоровей. На бульварах, аллеях и площадях нередко можно было встретить стражников. Они рьяно оберегали покой своих достопочтенных граждан, владеющих тугими кошельками. Всех подозрительных оборванцев стража султана выкидывала взащей через арку Благочестия, являющуюся незримой чертой между миром богатых и бедных.

Сюда было сложно попасть кому-либо со Дна. Но так как именно отсюда шел основной доход для Гильдий, Атонах не скупился на приличную одежду для своих ушлых маленьких карманников. Сидя на паперти, Дамаск несколько раз уже наткнулся взглядом на ребят из Шуш и Ангелов. В банду Ангелов входили самые прелестные дети, за невинными личиками которых прятались маленькие демоны, способные не только на воровство, но и на жестокие убийства. Ангелы являлись одной из самых опасных шаяк Атонаха.

Глянув на белоснежный памятник святого Имара, расположенный прямо перед собором, названным в его честь, Дамаск заметил, как один из стражников выталкивает с площади Дена-бирмидена – старика лет ста, который под личиной страждущего больного с наклеенными гнойниками из воска на лице и руках просил милостыню. Это было очень доходное ремесло. В хорошие дни он выручал по несколько десятков серебряных чагалтов. Возле собора святого богачи охотней расставались со своими деньгами. И если бы не бдительное око стражников султана, наверняка Дену-бирмидену удавался бы выпросить намного больше.

Дамаск не особо привлекал внимания. Он был одет почти так же, как и эти богатые господа, серая шапка скрывала светлые волосы, а благородный цвет его голубых глаз, с которыми встречались стражники, заподозрившие мальчишку в богомерзких помыслах, миготом отметал предположение, что он принадлежит к касте воров или попрошайек.

Уже час с лишним Белый с нетерпением ждал возвращения Шаха. Он велел ему сидеть на этих выбеленных длинных ступенях, в то время как сам отправился к своей банде, чтобы дать

им несколько распоряжений и забежать еще «в одно место». Дамаск уже порядком притомился и начал волноваться, не случилось ли что с главарем Скорпусов. Мысль, что он мог его предать, даже не возникала в голове мага. Единственным развлечением для него было разглядывание людей и маленькие шалости с помощью своей недавно обретенной магии. Дамаск легкими порывами ветра сдувал голубей и быстро бегающих маленьких серых пигалиц с черно-белыми полосками на загривке, которые разгневанно чирикали, когда их подбрасывало в воздух. Пару раз он задувал объемные юбки степенно вышагивающих дам с красиво «дырявыми» зонтиками в руках. Они громко визжали и, краснея спелыми яблоками, спешили убежать.

С площади уходила улица под странным названием – Послушница короля, где располагался огромный фонтан со стыдливо прикрывающейся обнаженной девой в центре. Он находился довольно далеко от собора. Однако Дамаск, желая испробовать свои способности, решил расплескать воду из-под ног «королевской послушницы». Он сосредоточенно моргнул, надеясь вновь увидеть разноцветные энергетические полотна, как тогда в заброшенной бухте и в переулке Пекарей. Сразу это у него не вышло. Белый уже начал злиться, когда наконец перешел на странное для него зрение. Над фонтаном эфемерно дрожало голубое прозрачное покрывало. Дамаск весь вспотел, пытаясь дотянуться до него своим сознанием. И вот, когда это у него получилось, он усилием воли встряхнул энергетическое полотно. Вода взлетела на добрых пять метров в небо, заливая всех и вся вокруг. Поднялся невообразимый визг мокрых с ног до головы людей. Стражники, патрулирующие на площади, рванули в сторону крика.

Дамаск довольно рассмеялся, наблюдая за воцарившимся бардаком. Воспользовавшись всеобщей суматохой, Ангелы бросились в толпу и начали нагло срезать кошельки с поясов добропорядочных граждан.

– Развлекаешься? – раздался за спиной насмешливый голос Шаха.

Белый обернулся, задрав голову кверху.

– Айда. Пора идти, – сказал главарь банды, хлопая Дамаска по плечу с такой силой, что он чуть кубарем не слетел со ступенек.

«Поговорить что ли с ним на эту тему», – недовольно пронеслось в голове бегом спускающегося Белого, бережно потиравшего лопатку.

– В общем, план такой, – нагнав хмурого мага, бодро заговорил Шах. – Скорпусам я сказал, что на все вопросы по поводу золотых деток и меня, отвечать, будто они видели нас в разных концах города. Мол, кто-то видел в Верхнем Керибюсе, кто-то, в Нижнем, кто-то, в порту, а кто-то, в заброшенных шахтах. На самом деле, мы два дня будем у бабы Розы торчать...

– У тебя совсем крыша поехала!?! – перебил Дамаск, остановившись посреди площади. – Какая баба Роза? Атонах к ней через день да каждый день ходит! Она же выдаст нас ему с потрохами!

Похоже, Шах останавливаться был не намерен. Он спокойно вернулся обратно к затормозившему магу и, схватив его за рубаху, потащил за собой, обходя встречающихся на пути расфуфыренно одетых мужчин и не менее напомаженных женщин.

– Не выдаст. Она на него в последнее время зуб точит. Видать, он с ней был не очень-то учтив. И теперь она называет его не иначе как похотливый козел. Как только я упомянул, что нужна помощь чтобы укрыть золотых деток от Атонаха, она чуть в ладоши не захлопала.

Два быстро шагающих мальчика свернули на улицу «Сладких поцелуев». Им нужно было пройти ее до самого конца и выйти в переулок Банщиков, ведущего к арке Благочестия.

– Она дала мне Дурману и бармидос, – продолжал Шах вполголоса рассказывать свой план. – С Черным проблемы вряд ли возникнут, а вот с Гансом придется повозиться. Он ведь постоянно со своей нянькой. А на ней столько защитных заклинаний навешено, что и не подойдешь. Ей достаточно активировать их, от нас горстки праха не останется. Ганс постоянно при ней или при Атонахе, а это уже проблема.

Нужно убрать их обоих. Короче, суть в следующем. Я иду к няньке и отправляю ее в объятья сонных демонов с помощью Дурмана. Ты же идешь к Атонаху и проделываешь то же самое при помощи бармидоса. Если няньку нам нужно обезвредить на время, то Атонаха желательно надолго, чтобы тревогу подняли как можно позднее...

– Нет. Я иду к няньке. Ты – к Атонаху, – жестко произнес Дамаск, крепко стиснув кулаки.

Шах вопросительно посмотрел на Белого. Его предложение пахло откровенной дуростью, а ведь главарь Скорпусов продумал всё до мелочей. Нельзя менять роли, иначе их будет ждать очень оглушительный провал. И если Золотым ничего не будет, то Шаха порвут на орифламму.

Заметив выражение лица координатора побега, Дамаск тяжело вздохнул.

– Атонах, как никто другой, умеет читать по лицам. А я плохо умею врать. Он будет задавать вопросы, на которые я не смогу соврать. Весь твой план полетит к Кардашу. Черно-книжники сотрут мне память, и я даже не вспомню, что хотел сбежать.

На лицо Шаха легла печать глубокой задумчивости. Какое-то время они шли молча, среди разносившегося людского гомона и очень настойчиво зазывающих криков торговцев.

– Это сложно. Атонах не принимает у себя такую мелочь, как я. Нужна очень веская причина, чтобы меня к нему пустили... Можно, конечно, сказать, что нам надо группу поменять. Мол, с Бурыми дела не клеятся. Но это как-то... Всё равно этого недостаточно для того, чтобы попасть к Атонаху. Такие вопросы Глаз решает...

– Или можно послать к нему не тебя, а Черного, – предложил Дамаск. – А мы с тобой разберемся с нянькой.

Шах облегченно выдохнул.

– Тоже вариант. Как только заберем Ганса, отправимся в Дикую Розу. Вы будете там сидеть два дня, а я буду в это время заниматься тем, чем обычно занимаюсь. Еще попробую узнать, какие корабли отходят из Керибюса в ближайшее время, куда они идут и есть ли у них пара свободных мест. Если здесь план провалится, придется уйти вглубь султаната и попробовать прибиться к какому-нибудь каравану.

Тяжелая черная дверь с коваными головами змей отворилась. Дамаск шагнул в сторону виллы.

– Эй! – послышался за спиной возмущенный вопль Шаха.

Белый обернулся и снизу вверх посмотрел на Дыру, толкнувшего разгневанного главаря Скорпусов в пыль.

– Он со мной, Дыра!

Мужчина перевел на Дамаска свои капельные злые глазки и отрицательно помотал головой.

– Что значит, нет!? Я говорю...

– Да ладно, Белый. Я здесь тебя подожду, – прервал колдуна Шах.

Дамаск посмотрел на главного Скорпуса, который с самой своей серьезной физиономией напутствующе ему кивнул, призывая к разумным действиям. Белый уже направился по гравиевой дорожке, как вновь услышал голос Шаха.

– Ах, да! Постой-ка.

Юный маг непонимающе обернулся и еле успел поймать фиолетовый мешочек с золотой тесьмой.

– Передай это Черному. Он всё-таки выиграл спор кардашев демон, – зло сплюнул на землю скорпус и незаметно подмигнул Дамаску.

Не намереваясь дольше держать ворота нараспашку, Дыра захлопнул железную дверь. Раздался металлический скрежет, и магический механизм запер замок. Белый забежал внутрь аляпистой виллы главы Гильдий. Прошерстив первый этаж и наткнувшись на дворецкого по

имени Дьярмо – высокого сухопарого старика с двумя клочками седых волос на круглом загорелом черепе, Белый выяснил, что Черный находится в зале Волшебства. На самом деле, это было обычное помещение без окон, где доморощенным магам надлежало оттачивать свое мастерство.

Дамаск что есть духу забежал на третий этаж по винтовым кованым лестницам и, как только добрался до дубовой запертой двери, начал в нее барабанить. Послышались глухие шаркающие шаги. Через несколько секунд тяжелая дверь отворилась.

– Здравствуй, золотой. И ты пришел? – поинтересовался мягкий женский голос.

Дамаск с неудовольствием увидел в открывшемся проеме гладкое милое лицо няни Ганса, которая в свое время воспитывала его и Бирма. У нее были добрые чуть раскосые карие глаза и мягкие улыбочивые губы. Она всегда носила огромных размеров накрахмаленный чепец, делавший ее... уютной что ли.

– А... Чер... Бирм здесь? – стушевался Дамаск.

– Да, да. И Ганс здесь, – радостно защebetала няня, открывая дверь шире и впуская Белого внутрь.

В общем-то зал Волшебства не очень напоминал зал. Это больше походило на комнату с белыми грунтовыми стенами, каменным серым полом, большим добротным камином и столом, сплошь уставленным разноцветными колбами, большим графином воды и горшками с разнообразными растениями. Помимо прочего на нем сидел смеющейся Ганс, державший в руке изогнутую реторту, в которой бурлила жидкость кислотно-зеленого цвета. Перед ним крутил своим длинным черным пальцем Бирм как заведенный. Именно благодаря ему жидкость бурлила.

Дамаск сначала растерялся, когда увидел няню и Ганса, но быстро понял, что всё складывается как нельзя лучше. Ничего неподозревающая женщина повернулась к только что вошедшему магу спиной и плавной походкой направилась к столу. Белый быстро вытащил из кармана мешочек Шаха, споро развязал золотые тесемки и вытащил две маленькие бутылочки. В одной из них плескалась фиолетовая жидкость, а во второй лежал желтый блестящий порошок. Подумав, что порошок – это и есть Дурман, Дамаск сунул бутылку с жидкостью обратно в мешок, откупорив оставшуюся.

Он быстро сократил расстояние между собой и няней и негромко воскликнул:

– Кайра!

Услышав свое имя, няня обернулась и, не успев ничего понять, вдохнула желтую пыль, которую Дамаск метнул ей в лицо из бутылочки, предварительно задержав дыхание. Женщина начала дико чихать. Ее сильно мотнуло, а веки вдруг упали на глаза. Она отчаянно пыталась устоять на ногах, шатаясь из стороны в сторону. Однако Дурман оказался сильнее ее, и милая добрая Кайра опрокинулась на твердый каменный пол. Какое-то время полное тело сотрясали конвульсии, после чего она затихла.

– Белый, ты чего!?! – возопил Черный, первым придя в себя. – Ты ее убил!?

Ганс тут же захныкал. Дамаск и сам был в ужасе от увиденного. Но ведь Дурман не убивает! Перепуганный маг подскочил к няне и прижался ухом к ее груди, пытаясь выслушать стук сердца. Прошли томительные секунды, прежде чем раздались заветные глухие удары.

– Она жива! – вскакивая с пола, чуть громче чем нужно, сообщил Дамаск.

Он подбежал к ревущему Гансу и, вырвав у малыша реторту, подхватил его на руки.

– Ты был прав. Нам нужно убегать отсюда. Атонах устроил мне ловушку. Щербет мертв. Сейчас ты пойдешь...

– Щербет мертв!?! – выкатив глаза из темных орбит, громко переспросил Бирм.

– Ш-ш-ш-ш-ш!! – яростно зашипел на него Белый, обернувшись на дверь. – Да, мертв. Сейчас ты должен пойти к Атонаху и сделать так, чтобы он выпил вот эту жидкость...

Держа одной рукой взхлеб ревушего Ганса, второй, Дамаск пытался вытащить из мешка бутылочку с бармидосом. Это у него плохо получалось, поэтому Черный вырвал у него мешок и сам достал снотворное. Казалось, он ничуть не удивился, а только повертел перед носом склянку с сиреневым содержимым, после чего недовольно спросил:

– И как ты это представляешь? Ганс, тихо! С няней все хорошо. Она спит.

Малыш тут же замолк.

– Я не знаю, – честно признался Дамаск.

– Ты не знаешь, и поэтому решил спихнуть это дело на меня?

Белый оскорбился. Всё, что он мог сделать сам, он никогда не перекладывал на других.

– Нет, просто я не смогу сдерживать себя в присутствии Атонаха. А ты сам знаешь, как его кабинет (да и он сам) нашпигован всякими артефактами. Мы никуда не убежим, если пойду я. Чернокнижники сотрут память и тебе, и мне, и мы снова будем жить в неведенье.

– Ладно, ладно. Я всё понял. Только надо придумать, как заставить его выпить это зелье.

Повисло молчание. Прошло минут десять, прежде чем Бирм подал голос.

– А зачем нам усыплять Атонаха? Всё равно он хватится нас только к вечеру.

– Нас-то – может быть, а вот Ганса он проверяет куда чаще. К тому же, если он обнаружит пропажу раньше вечера, мы ничего не сможем сделать.

– Тогда надо заставить его как-то выпить эту дрянь...

– Может, подлить в его любимый кофе? – спустя пару минут предложил Бирм.

– Ну конечно! Зайди и скажи: «Отец, я тут решил за тобой поухаживать, вот кофе тебе сварил, которое умеют варить только тармийцы из ядовитых зерен, которые убьют тебя, если приготовить неправильно».

– Ну, предложи ты что-нибудь! – разозлился Черный, метнув на Белого яростный взгляд.

У Дамаска тоже идей не было. Но замысел с кофе зацепил его. Думая о способах влить в Атонаха бармидос, он почему-то снова и снова возвращался к этому горькому неприятному напитку. Пока наконец его не озарило.

– Сейчас идешь на кухню, берешь чай, сок, неважно. Вливаешь туда снотворное. Направляешься с этим делом к Атонаху. Говоришь, что научился превращать один напиток в другой. Заставляешь его отпить чай, врешь, что сейчас превратишь его в лучший тармийский кофе, а пока ты врешь, он уже уснет!

Бирм широко улыбнулся, обнажив свои белоснежные блестящие зубы.

– А что дальше?

– Мы с Гансом будем ждать тебя на улице.

– Это я понял. А дальше-то что мы будем делать? Куда направимся? – допытывался Бирм.

– На месте объясню. Время не ждет.

Черный согласился. Выбегая из зала Волшебства, Дамаск резко остановился и замер в проходе, смотря на спящую няню. Он подтянул сползающего с рук Ганса, который отчего-то становился всё тяжелей и тяжелей, и глянул на Бирма. По нервным движениям темнокожего парня стало понятно, что волнение его растет с каждой секундой.

– Что? – нетерпеливо спросил он молчащего Белого.

– Закрывать-то мы ее здесь закроем, но вот когда она очнется, то такой шум поднимет, что до самого Заршора будет слышно...

Бирм быстрым движением глянул за спину Белого, в зал Таинств.

– И что ты предлагаешь?

Мысли металась в голове, как рой взбешенных пчел. У Дамаска было ощущение, что он опаздывает. Что если сейчас он что-то не придумает, то разверзнутся небеса, и его поразит молния. Маленький Ганс, не издавая ни звука, крепко вцепился в жилетку старшего брата и испуганно смотрел на Бирма своими огромными зелеными глазами.

– Ты ведь маг! Поставь глушилку на дверь! – почти радостно воскликнул Дамаск, окрыленный этой идеей.

– Ты дурак что ли? Какая глушилка? Я из тридцати четырех магических рун знаю только пятнадцать, а воспроизводить худо-бедно могу только три. Но даже с ними никакие заклинания у меня не получаются.

– И это я после этого дурак... – недовольно проворчал Белый, злобно зыркнув на Бирма из-под светлых бровей. – Ладно. Ты иди к Атонаху, а я что-нибудь придумаю.

Долго уговаривать Черного не пришлось. Ничего не говоря, он сунул Белому ключ от двери, после чего ринулся в сторону винтовой лестницы. Дамаск же, посадив Ганса около стены в коридоре, начал усиленно думать.

Он долго пялился на колбы и реторты, заполненные непонятными разноцветными жидкостями. Жутковатая идея возникла не сразу. Белый рассеянным взглядом безотрывно смотрел на колбу с зеленой вязкой жижей, потом медленно перевел взор на лежащую няню. Не спеша, он взял три реторты – с розовым содержимым, большую колбу с зеленым и поменьше с синей дрянью. Подойдя к женщине и поставив ношу на пол, Дамаск всё внимание сосредоточил на невидимый простым людям мир энергий. Но, как всегда, перейти в него оказалось делом не из легких. Он весь покраснел, пока пыжился увидеть разноцветные нити. Спустя несколько минут ему это удалось.

Следуя наитию, ведущему его за руку через все трудности, Дамаск переплетал обволакивающие колбы пестрые энергетические волокна, где-то затягивая, а где-то распуская их ход.

В итоге содержимое начало нехотя подниматься со своих насиженных стеклянных мест, синхронно выскальзывая из круглых горлышек. Сначала розовая, синяя и зеленая жижи были чересчур жидкими, поэтому Дамаск придал им консистенцию густых липких соплей, собрав в большой шар. Он пытался растянуть его над Кайрой, но ничего не выходило. Чувствуя, что выдыхается, Белый непроизвольным движением развел руки в стороны и с удивлением увидел, как розово-зеленый «мяч» развернулся в большое резиновое полотно.

«Так значит, можно пользоваться не только головой», – пронеслась и забылась мысль.

Белый медленно опустил руки, а вслед им, напрямиком на Кайру опустилось и его творение. Оно полностью укрыло ее, съездившись по фигуре, вырисовывая даже черты лица. Дамаск уже собрался было идти, но увидел, как грудь няни начала судорожно дергаться. Через несколько мгновений она и вовсе начала биться в конвульсиях. До Белого дошло, что она задыхается.

В панике мальчик кинулся к ней. Он не придумал ничего более умного, чем ткнуть пальцами ей в ноздри. Зелено-розово-коричневая пленка не поддалась. Всё еще смотря на магический мир энергий, Дамаск перестроил плотность резинового полотна и точным ударом пробил две ровные дырки для ноздрей. Няня со свистом втянула воздух, после чего ее дыхание начало выравниваться.

Радости от содеянного Дамаск не испытывал, даже несмотря на то, что очень успешно использовал магию. Подгоняемый тревогой и страхом, он спешно выбежал из зала Волшебства, начав запирает дверь.

– Старая мышь! – звонко крикнул Ганс, так что Белый дернулся и больно ударил руку об косяк.

Он быстро обернулся, заметив поднимающегося по лестнице Дьярмо. Старой мышью его обычно звал Атонах. Ганс перенял эту привычку у него.

– Ты чего здесь-то? Черный внизу шастает. Как вы разминулись-то? А Кайра где? Хозяин точно пришибет эту бабу, – проскрипел старик, подслеповато шурясь с другого конца коридора.

От рождения совершенно не умея врать, Дамаск начал придумывать на ходу более или менее правдоподобную ложь, постоянно запинаясь и жутко краснея.

– Так виделись мы с Черным... Он это... С Гансом в зале сидел... Кайра-то, она того... ушла куда-то опять... А Черный он это... Придумал чего-то там со своей магией... Пошел Атонаху показывать... А меня с Гансом попросил посидеть... Вот. Так всё и есть.

– Няня там! – ткнув пальчиком на дверь, пропищал Ганс.

Перепугавшись, что всё сейчас раскроется, Дамаск резко подхватил мальчонку на руки и злобно шикнул ему: «молчи!».

– На улицу она ушла. Ганс попросил у нее пряничного коня. Вот она и ушла. Да ведь, Ганс? – очень уверенно произнес он, после чего поспешно прошепел ему на ухо: – Скажи да.

– Да! – весело прозвенел мальчик, воспринимая всё как игру.

– Да мне-то какое дело... – проворчал Дьярмо, разворачиваясь в другую сторону и зашаркав прочь, в чердачную комнату, больше напоминавшую кладовую и являвшуюся опочивальней «Старой мыши».

У старика даже мысли не возникло, что Белый его обманывает. Как только дверь за Дьярмо захлопнулась, Дамаск, что есть духу, понесся к лестнице. В полукруглом пролете между вторым и первым этажом, он наткнулся на поднимающегося Бирма.

– Получилось? – в один голос спросили мальчишки друг друга, вызвав громкий режущий смех Ганса.

– Тихо, Ганс! – шикнул на него Дамаск, после чего вновь озабоченно обратился к Черному: – Атонах выпил бармидос?

– Выпил. Как Кайра?

– Шуметь не будет.

Тиски страха немного ослабили свою хватку, и Дамаск ощутил облегчение на краткий миг. Но расслабляться было рано. Быстро спохватившись, он вновь бегом начал спускаться по лестнице, сопровождаемый топотом ног Бирма позади. Пробегая по залу первого этажа, Дамаск услышал, как хлопнула входная дверь. Используя набранный разбег, он одним резким движением проскользил по гладкому мраморному полу за толстую колонну, заранее зажимая рот Гансу, чтобы тот не рассмеялся. У Черного с реакцией было похуже. Он почти пробежал мимо, но Дамаск вовремя схватил его за рубаху и дернул на себя.

Бирм аккуратно выглянул из-за каменного рельефного столба и едва слышно прошептал:

– Это Ветер.

У Дамаска сразу же неприятно засосало под ложечкой. Из всех, кто мог сейчас пожаловать в дом, это было самое ужасное создание. Правая рука Атонаха, человек, который первым кинется на поиски золотых детей.

– Он к Атонаху идет, – в ужасе зашипел Бирм Белому, округлив свои и без того немаленькие голубые глаза.

В поле зрения Дамаска показался высокий крепкий бородатый мужчина с широченной грудью, которая до писка натягивала расстегнутую на три пуговицы кроваво-красную рубашку, откуда клубилось облако черных волосатых дебрей.

– Ты не запер кабинет? – уже догадываясь об ответе, спросил Дамаск, чувствуя, как легкие сперло от страха.

– Откуда ж я знал, что Ветер припрется!

– Да кто угодно мог припереться! Давай, быстро атакуй его! – зашипел Дамаск, понимая, что пока он сам настроится на свое магическое зрение и сможет что-то сделать, этот Кардаш во плоти уже завалится в кабинет главаря Гильдий.

Шипение за колонной донеслось до Ветра. Мужчина обернулся. Перед ним предстала престранная картина. Возле колонны стоял худой чернокожий парень, поднявший руки кверху, будто держал на пальцах марионеток на ниточках, и с лицом полным потугов пытался совершить какое-то, по всей видимости, крайне сложное действие. Несмотря на очевидную нелепость и комичность его позы, Ветер почувствовал неладное. Ему никогда не нравился ни этот Чер-

ный, ни второй этот голубоглазый блондин. Да и этот мелкий Ганс вызывал лишь раздражение и желание прихлопнуть крикливую букашку, что вечно носилась возле Атонаха.

– Слышь, ушлепок, я не посмотрю, что ты любимый питомец хозяина. Метнулся-ка отсюда быстро, а то растопырки-то повыдираю с корнями...

Дамаск как-то сразу ему поверил. Не зря же Ветер управлял гильдией наемных убийц. Туда просто так никого не брали. Человек, попавший именно в эту гильдию, обладал «особыми» личностными характеристиками, о которых даже на исповеди у отца святой Сакры стыдно говорить.

– Эй, обмудок, ты оглох? Не прекратишь кривляться, я из тебя весь дух вышибу! – нахмурив густые брови гаркнул Ветер, сделав пару шагов в направлении Бирма.

Видимо, это подстегнуло парня и, совершив дерганный пас своими худыми руками-плеточками, Ветра отшвырнуло в стену. Мужчина с железным грохотом рухнул на пол. Но, к ужасу мальчишек, сознание этот кабан не потерял, а лишь временно дезориентировался. Тряхнув головой, он красными бычьими глазами уставился на Бирма.

Ветер медленно начал подниматься на ноги.

– Сахтер. Валлер. Бростэр. Вугнах, – произнес он набор непонятных слов, вслед чему медальон на его шее с огромным рубином полыхнул алой вспышкой, вместе с кольцом на загорелой руке.

Черный попятился назад. Недолго думая, Дамаск скользнул вперед, передал Ганса в руки перепуганному брату и страшным усилием воли за одну секунду перешел на магическое зрение. Ветер был заключен в скрывающий с ног до головы огромный гранатовый кокон. Но он казался Белому каким-то непрочным, дрожащим и неправильным.

– Все крысята в сборе значит. Убивать мне вас запрещено, но влупить вам после ваших забав... даже хозяин меня не остановит...

Рассвирепевший мужчина уже шагнул навстречу к Дамаску как раз в тот момент, когда он рубанул по воздуху рукой и разбил защиту медальона. Ветер вскрикнул. Магический артефакт на его груди вспыхнул огнем и разломился пополам.

Ухватившись за серые нити, обильно плавающие повсюду, Дамаск одним движением их свернул и запустил в бородачу. Главаря убийц так впечатало в стену, что даже что-то хрустнуло. Чтобы он еще раз не очнулся, Белый запустил повторную скрученную нить в голову Ветра, но слегка промахнулся и попал в ухо. Мужчина уже находился без сознания, так что не почувствовал, как ему его оторвало.

Вот теперь Дамаск перепугался не на шутку. Такого он точно не хотел. Подбежав к Ветру, Белый несколько секунд смотрел на хлещущую кровь, после чего, словно под гипнозом, проник разумом в самую кровь и, крутанув кистью руки, усилием воли запек ее в ране. Оглядев улитый кровавыми лужами пол, он выжег из красно-белого полотна крови алые нити, оставив только белые.

Ошарашенный всем увиденным Бирм, стоящий истуканом с Гансом на руках, наблюдал, как кровь на полу сначала вдруг обесцветилась, превратившись в воду, а после и вовсе исчезла! Белый водил руками над контуженным телом Ветра, и оно начало медленно исчезать. Стоило ему закончить, как со стороны музыкальной комнаты и со второго этажа послышался топот.

Белый резко вскочил и, шатаясь, рванул к выходу. Пробегая мимо Черного, он бросил через плечо:

– Бегом, Черный, бегом!

Добежав до калитки, Дамаск, как помешанный, забарабанил железной ручкой. На такой яростный зов тут же отозвался Дыра, открыв дверь и наградив Белого уничтожающим взглядом.

– Эй, Дыра! Хозяин нам разрешил! – возопил Бирм.

Обернувшись, белобрысый маг увидел, как охранник объясняет жестами, что блондин идти может, а Черный и Ганс нет. Он уже закрывал перед мальчишками дверь, как вдруг неожиданно засипел и начал нелепо хвататься за затылок. Мгновение и лопухий мужик упал навзничь, забившись в страшном припадке, так что вокруг него поднялось огромное облако пыли.

Бирм, Дамаск и Ганс тупо на него смотрели, не понимая, что происходит. Мысль подбежать и помочь ни у одного из старших ребят не возникла. Когда Дыра затих, а пыль осела, Белый увидел, что из шеи мужчины торчит рукоятка ножа.

– Святые мартышки! – воскликнул изумленный Бирм, поняв, что Дыра мертв.

– Как в масло, – раздался довольный голос из-за спины Дамаска.

Ошарашенные мальчишки обернулись и увидели идущего с противоположной стороны улицы победоносно скалящегося Шаха.

– Ты... ты убил его!! – воскликнул Дамаск, наблюдая, как парень спокойно подходит к трупу и легким движением вытаскивает кинжал из плоти.

– Он же не выпускал Черного с мелким. Что еще оставалось делать?

– Так тут много вариантов можно придумать!

Продолжая самодовольно ухмыляться, Шах лениво вытирал лезвие ножа тряпкой сомнительной чистоты с подозрительными темно-коричневыми разводами.

– Да ты не бурли. Была у него в глотке одна дыра, стало две, – хохотнул скорпус. – Да и давненько мне уже хотелось ножом-то почесать эту паскуду. А тут такой удобный случай подвернулся.

Эти слова повергли Белого в шок. Стоявший позади Черный и вовсе как-то болезненно посерел.

– А если бы тебя увидел кто?

– Ты кого-то здесь видишь? То-то и оно. Люди обходят особняк Атонаха стороной, будто вся улица чумная.

– И что теперь делать с трупом?

– Оттащим...

– Сделай с ним то же самое, что и с Ветром, – подал голос пришедший в себя Бирм.

– Это не так-то просто, – проворчал себе под нос Дамаск, вспоминая слабость, после всех тех процедур, устроенных в доме.

Не всё было так безоблачно при использовании магии. Она отнимала много сил. Однако Белый всё же подошел к Дыре и начал трудоемкую процедуру по изменению состава кожи мужчины.

Шах с интересом наблюдал, как охранник растворяется в воздухе, и с внутренним восторгом отмечал необычайную Силу Белого. Теперь собственный план побега не казался ему способом отчаянного самоубийства.

– Так вы Ветра порешили? – поинтересовался скорпус, когда Дыра и кровь на земле полностью исчезли, а Дамаск устало распрямился в полный рост, опасно качнувшись.

Вопрос Шаха быстро привел его в чувство, и он, насупив брови, вперился в него тяжелым взглядом.

– Никого мы не порешили. Вырубили его просто. Мы не убиваем людей.

– Это пока, – презрительно хмыкнул скорпус, затем, подкинув нож в воздух, ловко его поймал и засунул за ремень. – Ладно. Пора делать ноги. Баба Роза уже должна ждать нас у себя. Белый, было бы здорово, если б ты сделал себя, Черного и мелкого невидимыми.

Дамаск возмущенно засопел.

– Да вы вообще что ли! У меня только сегодня способности пробудились! Это тебе не ножами кидаться!

Шах равнодушно пожал плечами, направившись вдоль по улице, показывая направление.

– Ножами кидаться не так-то и просто... Ладно, придется идти окольными путями.

– Да уж... Слушай, а как у тебя магия работает? Я вот могу управлять только воздухом да огнем. Тяжело правда, но могу. Я когда пытаюсь что-то колдовать, вижу над огнем такой мерцающий отблеск и с ним начинаю работать. С воздухом сложнее, приходится долго сосредотачиваться, а когда это получается, он будто густеет (ну ты видел, когда жара и над дорогой такое дрожащее марево, вот так примерно мне видится), и я его могу толкать тогда. А у тебя как? Как ты вообще смог заставить исчезнуть кровь и Ветра с Дырой? Это ж в голове даже не укладывается!

Сидя на скрипучей деревянной кровати в небольшой трактирной комнате под самой крышей, в «Дикой Розе», Бирм никак не мог успокоиться после рассказа Дамаска о том, что произошло в заброшенной бухте. Белый в красках расписал и о коварном плане Щербета, и о его смерти, и о том, как именно он выбрался из ловушки, как встретил Шаха и почему решил взять его с собой.

Керибюс уже затопила ночь, погружая город под свои черные волны. Как только Шах привел их в «Дикую Розу», он тут же убежал, сказав, что вернется завтра вечером. Баба Роза – красивая рыжая женщина, была очень добра с мальчишками. Говорила мягко, ласково и постоянно шутила, показывая комнату, а затем кормя их горячим вкусным мясным рагу с хлебом и вишневым компотом. Насытившись, Ганс почти сразу уснул и теперь тихо сопел на одной из трех жестких кроватей, а Бирм и Дамаск полушепотом обсуждали всё произошедшее и дальнейшие планы.

Время перевалило за полночь, и, когда у них уже не ворочались языки от усталости, мальчишки решили, что пора спать. Дамаск проснулся от того, что кто-то неуверенно тряс его за плечо. Продрав глаза, он различил в ватной темноте маленькую фигурку, склонившуюся над его кроватью.

– Белый, Белый, Белый, – тихо шептал бесполой голосок.

– Что? Что? Что!? – раздраженно ответил Дамаск, привстав на локте.

После тяжелого дня и магии, выпившей из него львиную долю жизненных сил, юный маг чувствовал себя разбитым, усталым и несчастным. Всё болело, как после тяжелой работы на рудниках у каптов. Так что кроме чувства неприязни и злости, Дамаск к своему ночному гостю ничего не испытывал.

– Вам надо бежать, Белый! Атонах приказал перевернуть вверх дном весь Керибюс, и Верхний, и Нижний! Вороны прочесывают все кабаки, трактиры, публичные и заброшенные дома, каждый закуток! Скоро они придут сюда! Бегите, Белый!

Сон вышибло из Дамаска, а сердце забилося, как раненный воробей.

– Ты кто вообще?

– Это я! Шлепок!

Сначала Белый испугался и испугался сильно. Но когда голова начала работать, он вспомнил, что ему говорил Шах. Главарь Скорпусов сразу предупредил о таком развитии событий. Главная их задача заключалась в тихом сидении в течение двух дней, даже если Вороны придут прямо в Розу.

– Всё нормально, Шлепок, – откидываясь на подушку, намного спокойнее произнес Дамаск. – Нас здесь никто не найдет, так и было задумано.

– Найдут, Белый! Ветер лично этим занимается. Они поймали Шаха...

Дамаска будто ледяной водой окатили. Он резко сел в кровати и уставился на темное пятно лица Шлепка.

– Как поймали?!

– Они и меня схватили, но Шах помог мне сбежать (за мной следили не так как за ним), сказал, где вас найти, и что передать.

– А как они поняли, что Шах с нами заодно?

– Ветер видел его перед особняком, когда шел к Атонаху. Еще меня видел, когда я был в саду. Они точно не знают, в стоворе вы с Шахом или нет, но его задержали, и теперь его пытает Палач.

Пытает Палач? Это же первый садист после Щербета! Дамаск почувствовал, как на лбу выступили холодные капельки испарины.

– Белый, в чем дело? – раздался ворчливый голос Бирма с соседней кровати.

Он лежал лицом к стене и даже не повернулся, чтобы посмотреть, что происходит в комнате. Очевидно, прошедший день тоже не по-детски его вымотал.

– Вставай, Черный, – в полный голос сказал Дамаск, вскакивая с постели.

– Чего? – удивленно прохрипел тот спросонья, слегка обернувшись через плечо и глазами-шелками выглянув из-под одеяла.

– Реще, Черный!! Ветер скоро будет здесь!

Как Бирм с грохотом вываливается из кровати, Дамаск уже не видел, подбегая к Гансу и осторожно будя мальчика, чтобы не испугать. Малыш сонно позевывал, пока Белый натягивал на него маленькие синие шароварчики, с желтыми узорами по бокам. Он не капризничал и ничего не говорил, за что Дамаск в глубине души был ему очень признателен.

– Атонах узнал, что мы в «Дикой Розе»? – напяливая штаны, спросил Черный.

Белый замер. Затем повернул голову на Шлепка.

– Он знает, что мы в «Розе»?

– Нет...

– Твою ж мать, Шлепок! – в один голос возмущенно воскликнули Бирм и Дамаск.

Черный со стоном облегчения и негодования повалился обратно на свою постель, а Белый первый раз в жизни захотел врезать мелкому посыльному.

– Если Атонаху неизвестно, что мы здесь, то нам нужно просто тихо сидеть. Баба Роза всё сама сделает, когда придут его люди, – сквозь зубы терпеливо объяснил он мальчишке.

– Шах сказал, чтобы вы бежали! Атонах лично сюда заявится и прочешет все углы «Розы»!

Дамаск и Бирм переглянулись. Не произнося ни слова, старшие мальчишки встали и направились к двери. Белый молча передал крохотную ручку сонного Ганса Бирму и вышел следом за Шлепком. В коридоре гуляла пустота. Лишь трещащие магические фонари плохого качества нарушали царившую ночную тишину.

Спускаясь со второго этажа, мальчишки услышали горячий спор мужчины и женщины.

– Мне сегодня не до прелюдий. И плевать, что твои постояльцы солидные люди. Если не дашь ключи, я все двери вышибать начну. Одну за одной, и на этот раз возмещать ущерб я не собираюсь!

Повышал тональности мужской голос. Дамаск с примерзшим к ребрам сердцем узнал Атонаха.

– Да тебе каждый день не до прелюдий, старый хрыч, не только сегодня. Ты совсем рехнулся? Как у меня могут быть твои дети? Чтобы я их у себя приняла, они должны были дать мне мешок золота или предложить более приятные развлечения. Но вряд ли у них есть хоть один жалкий диал. Так что первый вариант отпадает. А на счет второго... Они еще слишком малы...

Послышался звонкий шлепок и яростный крик Атонаха:

– Ах ты шлюха! Если узнаю, что ты спишь с кем-то кроме меня, глотку перережу!

Роза залиvisto рассмеялась.

– Я тебя умоляю. Ты совсем не предел моих грез.

– Да я вырву твой гнилой язык!..

Смех оборвался и раздался уже серьезный голос женщины.

– Довольно, Атонах! Твоих золотых детей у меня нет. У нас далеко не всё гладко, но я не дура, чтобы в открытую идти против тебя. А теперь, будь так любезен, убирайся из моего заведения вместе со своими падальщиками.

Шлепок осторожно спустился на пару ступеней и нагнулся, осматривая обстановку внизу.

– С ним пять Воронов, – едва слышно прошептал он, показав пять растопыренных пальцев.

– Нет, нет, Роза, – лилейно протянул король Дна. – Я вложил в этих деток душу. Двое засранцев этого не оценили (но мы это исправим), а вот третий, Ганс...

– Папа! – радостно воскликнул Ганс за спиной Белого, услышав свое имя.

В ту же секунду одновременно произошло множество событий. Дамаск резко развернулся на Бирма, зажимавшего рот мальчонке. В огромных голубых глазах старшего брата плескались ужас и паника. Шлепок пуганным зайцем вскочил и бросился наверх, но его заметили. Вдобавок он запутался в своих ногах и рухнул на лестницу, приложившись лицом о деревянную ступеньку. Из его носа-пуговицы хлестанула кровь в два ручья.

– Они там! – задрожал оглушительный крик одного из Воронов.

Раздался топот в направлении лестницы. Адреналин пустил в кровь Дамаска стрелу мощи и силы. Слыша, как Бирм рванул вместе с Гансом обратно, он, вместо того чтобы последовать за своим братом, быстро спустился на пару ступеней, схватил Шлепка за шкурку и, толкнув его вперед себя, развернулся к показавшимся на лестнице Воронам.

Дамаск даже не пытался перейти на магическое зрение, оно возникло само собой. Собрав серые нити воздуха в плотный холст, он со всей силы швырнул его навстречу людям Атонаха. Словно черные кегли, они кубарем полетели вниз.

Дав себе фору, Дамаск побежал наверх, перепрыгивая через ступеньку.

– Идиоты! Активируйте медальоны!

Что делать дальше, Белый не представлял. Влетев в комнату, отведенную им бабой Розой, он увидел перепуганного до полусмерти Бирма, хнычущего Ганса и улитого кровью Шлепка, зажимавшего нос.

В голове Дамаска метались отрывистые мысли, словно сам Оркус закидывал их в разум мага.

«Задержать их!».

Белый метнулся к двери и резко задвинул щеколду, следом взявшись за ручку, начал плавить ее с помощью магии. Металл пополз вверх по косяку и намертво приклеил кусок дерева. Затем то же самое он проделал и с дверными петлями.

Теперь нужно срочно найти выход. Глаза наткнулись на маленькое грязное оконце. Недолго думая, Белый подбежал к нему и мощной струей воздуха выбил стекло и раму. Высунув голову в отверстие, он посмотрел вниз. Казалось, земля спускается к самому Кардашу в Бездну, настолько далека.

– Бирм, прыгай с Гансом! – уверенно скомандовал он, наверное, первый раз в жизни назвав старшего брата по имени.

– Третий этаж же!

– А магия тебе на что!?

– Ты же знаешь, что с воздухом у меня плохо!

– Черный! – взбесился Дамаск.

– А, Кардаш... Возьми хоть ты Ганса, а то если у меня не получится, покалечу и его.

Со стороны коридора начали нещадно трясти запаянную дверь.

– Получится у тебя всё! Прыгай! Со мной Шлепок, он тяжелей!

Перекрестив сердце, Черный подхватил на руки Ганса и выскользнул в окно. Послышался радостный смех мелкого, по чему Дамаск понял, что приземлились они благополучно.

Вороны пытались выбить дверь. Из косяка ее не выставить, а вот непрочное дерево рано или поздно треснет. Белый подскочил к кровати, оторвал от простыни два небольших куска и засунул их в нос опасно белеющего Шлепка.

– Перелезь через окно и цепляйся за раму, – произнес Дамаск.

Окно было слишком маленьким, чтобы в него убрался оба мальчика. Как только Шлепок всё выполнил, Белый закинул ноги следом в квадратный проем.

– Белый, Вороны! – раздался нервный возглас Бирма внизу.

Испытывая не страх, а злость на тупую растерянность Черного, Дамаск поспешно свесился с карниза, обхватывая Шлепка за руку.

– Готов? – зачем-то спросил он.

Но вместо ответа услышал отчаянный крик Бирма:

– Белый!!

Глянув вниз, Дамаск увидел, что двух мальчишек, пригвоздила к земле огромная искрящаяся серебром сеть. Ганс завыл как маленький зверек от дикого испуга. Трое незнакомых Воронов бежали к пойманным детям.

Помянув про себя всех демонов разом, Дамаск разжал руку и вместе со Шлепком полетел вниз. Он ловко скрутил воздух в мягкую подушку, и стоило им приземлиться, как Белый запустил этой самой «подушкой» в Воронов. Поток воздуха отшиб мужчин в устрашающих черных плащах на добрый десяток метров и впечатал в стены соседних домов, выбив из кого-то сознание, а из кого-то и дух.

Наверху треснула разламывающаяся дверь. Дамаск непроизвольно задрал голову, увидев, как в вывороченном им оконном проеме высунулись две небритые морды Воронов и сразу исчезли. В соседних окнах замерцали огоньки свечей, и через стекла теперь угадывались темные силуэты разбуженных постояльцев трактира.

– Белый! – снова позвал Бирм, перекикивая верезг Ганса.

Дамаск тут же хлестнул по светящейся сетке мощным напором воздуха. Магические пути распались.

– Ганс, умолкни!! – гаркнул Дамаск, подхватывая братишку на руки.

Непривыкший к крику Белого мальчик сразу прекратил истерику, перейдя на тихое жалобное всхлипывание.

– Куча бездарей!! Ловите их!!

Голос Атонаха будто пнул ребят под зад. Высыпавшиеся из «Розы» пятеро Воронов увидели лишь ретиво бегущие в проулок маленькие фигурки и погнались за ними. Один из мужчин воспользовался браслетом на своей руке и пустил им вслед красный пульсар. Магический шар пролетел мимо, со страшным взрывом врезавшись в стену дома.

– Ублюдок тупорылый, они мне живыми нужны!! – вскричал Атонах.

Но Дамаск уже плохо слышал его голос. Петля между переулками, не понимая куда бежит, он пытался придумать, как оторваться. У этих Воронов уже активирована защита, и как ее пробить Белый представления не имел. Легкие горели, а тяжесть Ганса налила мышцы свинцом, так что руки начало сводить. Рядом раздавалось свистящее дыхание Бирма. И только Шлепок, привыкший к постоянному бегу, чувствовал себя комфортно.

На полном ходу, они завернули в очередной вонючий закуток, удаляющий их всё дальше от центра Керибюса. Дамаск для себя выяснил, что Черный в подобных ситуациях не помощник, поэтому бремя принятия решений сейчас лежало именно на нем.

– Бирм! – тяжело выдохнул Белый.

Продолжая бег, Черный каким-то чудесным образом понял, что от него требуется, и взял из рук брата Ганса. Перед тем как остановиться, Дамаск бросил ему вслед:

– К заброшенной бухте!

Он резко затормозил и развернулся лицом в сторону доносившегося топота взрослых мужчин. Жар испепелял Белого. От сумасшедшего спринта перед глазами плыло, во рту пересохло, а в висках будто усердно долбили молотами трудолюбивые капты. Дамаск почти ничего не видел, кроме разливающихся разноцветных энергий.

Выбежавших из-за угла Воронов он заметил сразу, по ярким защитным коконам вокруг худых тел. Действуя на уровне инстинктов, Белый толкнул откуда-то изнутри себя клубок Силы. Обжигая кровь, она в одну секунду прилетела по артериям к рукам. Его кулаки облепили два твердых прозрачных кристалла, которые могли увидеть лишь маги, и он со всего размаху ударил ими по брусчатке.

Выщербленная дорога тут же ожила и волной оторвалась от земли. Вороны в ужасе затормозили. Но они ничего не успели сделать. Тяжелые камни накрыли их, разбивая не только защиту, но и хрупкие кости.

– Мокрый? Мокрый? Мокрый!?

Это был Атонах! Страх и чувство странной эйфории хлестали в крови Дамаска, и, услышав в наступившей полной тишине ненавистный голос, он завертелся по сторонам, готовый сейчас сразиться хоть с самим Кардашем. Однако никого кроме него в разрушенном переулке не было.

Белый прислушался.

– Мокрый, храг тебе в глотку! Отвечай!

Голос определенно исходил из-под завала. Чувствуя в себе невиданную силу, Дамаск легким движением руки поднял камни в воздух. Пока они благополучно левитировали, он подошел к одному из мужчин с развороченным в кашу лицом. На его шее мерцал редкими красными вспышками рифленый серебряный медальон. Сорвав побрякушку, Дамаск внимательно ее осмотрел.

– Мокрый!? – с очередной красной вспышкой раздался голос Атонаха из него.

Дамаск не смог промолчать:

– Нет, это не Мокрый. Мокрый мертв, как и остальные.

Повисла тишина. Маг даже подумал, что нужно какое-то слово, чтобы передать сообщение, но пришедший следом ответ разуверил его в этом.

– Белый?

– Дамаск.

– Дамаск, сынок! Что за шутки? Возвращаетесь с Гансом и Ч... Бирмом домой.

– Нет! Мы не вернемся. Ты обманывал нас! Ты позволил Щербету над нами издеваться! Ты не имеешь права после этого называть нас сыновьями!

– Дамаск, не глупи. Это всё для того, чтобы вы развивались, чтобы познавали себя. Я хочу для вас самого лучшего. Хочу, чтобы вы стали первоклассными магами. Чтобы даже ардальцы вас боялись. Вы мои наследники. Это был единственный раз, когда я просил помощи у Щербета (мне и самому была неприятна эта мысль, но для вашего блага, я прибегнул к его услугам). Возвращаетесь домой, сынок. Вам ничего за всё, что вы натворили, не будет. Щербет больше к вам близко не подойдет, если вы захотите.

– Щербет мертв.

Медальон снова замолчал. Дамаск знал, что Атонах потрясен, но радости от этого мальчик не испытал.

– Что ж, – придя в себя, вновь заговорил главарь Гильдий. – Видя сегодня на что ты способен, это неудивительно. Щербет заслужил смерть.

– Да это же ты велел ему это сделать! – вознегодовал Белый.

– Не пойми неправильно. Смерть Щербета удручает меня, но, если бы он не перестарался, ты бы не тронул его. Ведь так, сынок? – тут же ретировался Атонах.

Дамаска это только сильнее разозлило.

– Нет, не так! Щербет мертв не из-за меня, а из-за своей глупости! Он был мерзким человеком, и я бы сам рано или поздно сделал с ним что-нибудь. Мы не вернемся обратно. Ты нам не отец, Атонах. И никогда им не был. Если бы ты не натравил на нас Щербета, мы бы служили тебе. Но тебе захотелось быстрее завладеть нашей магией. Поэтому ты предал нас... Нам известно, что это ты убил наших родителей, чтобы забрать себе. А этому прощения нет!

Совсем недавно в мысли Дамаска закрались эти страшные предположения, и он решил проверить их.

– Кто рассказал тебе о родителях? – спустя несколько секунд спросил Атонах.

Белый не понял, то ли это отблеск от медальона, то ли у него глаза заволокло красной пеленой. Он начал часто-часто дышать, пытаясь успокоиться.

– Белый?

Когда Дамаск начал говорить, его голос был тих. Казалось, внутри него что-то сломалось.

– Ты ответишь за это, Атонах. Через десять, пятнадцать лет, ты ответишь! Я заберу у тебя всё, что ты имеешь. Я принесу тебе столько горя, сколько ты не приносил всем своим жертвам вместе взятым. Ты пожалеешь, что убил моих родителей...

– Дамаск, сынок, они были больными нищими...

– Я тебе не сын!! – крикнул Дамаск и со всей силы запустил переговорный медальон в соседний дом.

Он тяжело дышал, а в глазах стояли слезы. Только спустя минуту Белый вспомнил, что ему нужно бежать.

– Белый, ты как!?

Не успел Дамаск выбежать из-за утеса скалы в заброшенную бухту, как его издали окликнул не находящий себе места Бирм.

– Всё нормально, – приблизившись, мрачно ответил он, смотря на уликого кровью Шлепка, сидевшего на песке с несчастнейшим видом рядом с непривычно тихим Гансом.

– Что дальше? Как мы выберемся из Керибюса? – спросил Черный.

И тут Дамаска, словно молния пронзила. Шах у Палача! Его из-за них повязали.

– Надо вытащить Шаха. Это он продумывал план побега. Он знает, что дальше делать.

Бирм онемел, а его темная кожа болезненно посерела.

– Белый, какого Шаха? Он несколько часов в распоряжении Палача находился. Там от Шаха ничего уже не осталось. Даже если он жив, вряд ли он теперь помнит, как его зовут и кто ты такой.

– Плевать. Он там из-за нас.

– Он там из-за себя! Мы его с собой не приглашали! Он сам навязался!

Бирм всегда переживал только за себя, Ганса и Дамаска. И обычно Белый ничего против этого не имел. Но сейчас начинал серьезно злиться.

– Мы без него ничего не сможем! – упорствовал Дамаск, зачем-то пытаясь переубедить Бирма, хотя сам для себя решил, что вытащит Шаха (он бы их не бросил, скорпус даже Шлепка освободил, чтобы тот смог предупредить).

– С твоей магией мы всё сможем! Мы сбежали прямо из-под носа Атонаха! Чего нам теперь-то бояться!?

– Это не обсуждается, Черный. Я пойду за Шахом. Если мы не будем держаться друг за друга, то чего мы вообще стоим?

– Белый, тебя поймут, и нам с Гансом придется вернуться.

– Ты сам говорил, что с моей магией мы сможем всё! Значит, у меня получится и Шаха вызволить.

Бирм видел, что Дамаск настроен решительно, и лихорадочно пытался придумать, как его можно остановить. Теперь сильнее был он, и Черный уповал только на волшебную силу слов, а не магии.

– Слушай, Дамаск, я предупреждал тебя по поводу Атонаха, но ты меня не послушал. И к чему в итоге это привело?

– К обретению магии и выяснению правды. Бирм, я всё равно пойду к Палачу, что бы ты ни говорил. Но для начала мне нужно спрятать вас. Так что стой смирно, я попытаюсь сделать тебя невидимым.

Черный приводил еще доводы, но Дамаск бросил лишь короткое: «Заткнись», после чего попробовал поменять состав кожи парня, как Ветру и Дыре. Но тот заголосил, как ненормальный, из чего Белый сделал вывод, что на людях в сознании такую процедуру лучше не проводить. Пришлось хорошенько подумать, как достичь эффекта невидимости, не причиняя боли. Только спустя минут двадцать Дамаск наконец додумался закристаллизовать синюю оболочку, которая постоянно мерцала вокруг Бирма (наверное, это было то, что называют аурой). Парень исчез, а Белый вдруг осознал, что этот способ тратит намного меньше Сил, чем пытаться сделать невидимой всю плоть.

То же самое он проделал с едва заметной зеленой оболочкой Шлепка, и довольно яркой фиолетовой Ганса.

– Если через два часа я не вернусь... – начал было Дамаск, но его перебил приунывший Бирм.

– То мы всё равно будем ждать здесь.

– Ну да, – согласился Белый, затем развернулся и снова побежал в сторону Керибюса.

Глава 7

Квихельмы

По одежде Шаха ползли темно-багровые разводы, а лицо заливала кровь, вытекая из носа, рта и ран на голове. Он валялся на каменном полу мрачного подземелья керибюсской тюремной крепости, как грязная мокрая тряпка, без намека на движение и, похоже, уже без дыхания.

Палач не относился к обитателям Дна. Более того он являлся представителем власти в этом городе. Хозяин Великой Пыточной – так его называли. Все люди, от последнего бедняка до знатного господина, попавшие в опалу к султану, представляли именно перед ним.

Свое прозвище Палач получил отнюдь не просто так. Попытки его больше походили на жуткую мучительную казнь с неизменной смертью истязаемого в конце.

Дамаск выглядывал из аркоподобного прохода, стоя на каменной лестнице. Попасть в крепость оказалось не так сложно, как он думал. Большая часть городской стражи, по приказу своего капитана (а тот по просьбе Атонаха), была отправлена на поиски троих мальчишек-магов. По всей видимости, мысль, что Белый вернется за скорпусом, не возникла в голове главаря Гильдий. Так что на своем пути по султанской тюрьме, Дамаск встретил лишь пятерых стражников, которых пришлось оглушить. Мимо остальных десятерых, патрулирующих коридоры, ему удалось незаметно проскользнуть в подвал пыточной.

И вот теперь Белый с тревогой разглядывал деревянную дыбу, вколоченные в стены цепи, жутковатую клетку с шипами, свисающие с потолка крюки, непонятную железную полуоткрытую штуку, похожую на грушу, стол со всевозможными щипцами, тисками, клещами, кусачками, ножами, тесаками и прочими острыми и зажимающими предметами.

У этого самого стола стоял Палач и с блаженным выражением на лице вытирал грязной тряпкой небольшую железную битую от крови. Здесь он был счастлив. Посмотрев на него, прямо так и не скажешь, что это садист высшей категории. Длинный, похожий на сухую трость, с аристократичными чертами лица, грациозными кистями рук и утонченными пальцами, с выражением дремы в глазах из-за вечно полуприкрытых век – в этом изящном мужчине не было и

намека на силу! Казалось, он создан исключительно для танцев и игры на фортепьяно, а не для раздрабления чужих костей и вытаскивания внутренностей из всех физиологических отверстий.

После пережитых перипетий Дамаск чувствовал страшную слабость. Из-за бурлившего в крови адреналина, он сначала этого не ощущал, но немного успокоившись, понял, что магия выпила из него слишком много сил. Разбрасываться остатками глупо. Именно поэтому Дамаск сейчас прятался в тени и выжидал подходящего момента.

Вот Палач взял в свои красивые паучьи пальцы блестящие клещи, повертел их перед носом и, удостоверившись в правильности своего выбора, направился к Шаху. Белый понял, что это как раз тот самый «момент». Он, стараясь максимально тихо ступать в этом жутком помещении с великолепной акустикой, мягкими шагами направился к столу с орудиями для убийства на любой самый извращенный вкус.

Дамаск взял тяжелый тесак, лежавший на самом верху. Он выбрал бы что-то полегче, но, если попытаться вытянуть из металлической кучи нечто иное, это наделает слишком много шума.

Следуя по пятам за Палачом, Белый наблюдал, как тот присел перед окровавленным скорпусом и, открыв ему рот, полез туда клещами. Уж что он там собрался выдирать – зубы или язык, Дамаск выяснять не стал. Покрепче схватив длинный тесак, новоиспеченный колдун замахнулся и наотмашь ударил. Однако острая сталь не достигла цели.

Палач будто затылком почувствовал мальчика. Развернувшись с невероятной прытью, он перехватил тоненькие ручки и плашмя ударил стальным лезвием ему по лицу. Мага с силой отбросило назад. Удар об пол он не почувствовал из-за взорвавшейся боли, от которой в глазах потемнело, а в ушах поднялся страшный шум.

– Какая приятная неожиданность, – дошел до сознания Дамаска холодный высокий голос. – Мышь сама прибежала в клетку. До чего ж глупые нынче пошли мыши. Атонах будет счастлив вернуть своего самого безмозглого, но по иронии судьбы самого одаренного звереныша.

Интенсивно промаргиваясь, Белый открыл глаза и не сразу заметил летящую в направлении его головы биту. В последнюю секунду он успел отклониться и откатиться в бок. Тесака в его руках уже не было, а магическое зрение не спешило прийти на выручку. Обычное-то еще барахлило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.